D638
.R9
88

LSC

17 MAR 1958

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

D638
.R9
B8

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00021547284
.R9
B8

9(С)2₂

А. БУЛАЦЕЛЬ

Bulatsel'

НА РОДИНУ ИЗ СТАНА БЕЛЫХ

СЕН 1961
Инв. 1937 г.
№ 6488
№ 5250.
Инв. 1942 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА

Гиз. № 7014. Главлит. № 22239. Москва. Напеч. 4.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

I. Перелом в настроении беженства.

Распыленные по различным странам Европы и особенно государствам Ближнего Востока русские беженцы деникинской и врангелевской эвакуации после целого ряда мытарств в средине 1922 года вплотную подошли к переоценке былых ценностей своего политического бытия. 1922 год нужно считать годом перелома в сознании масс трудового беженства. В период 1920—1921 г.г. беженству пришлось пройти тяжелую школу испытаний в каторжном режиме Галлиполи, Лемноса и друг. турецких и греческих военных и беженских лагерей [1]), где они были подданными «главнокомандующего вооруженными силами юга России». История гражданской войны убедила трудовое беженство в том, что главно- и просто командующие белых армий вели и ведут его на борьбу только ради осуществления политических целей близких этим верхам классов—помещиков и крупной буржуазии. Беженство раскрыло содержание отвлеченного лозунга «за великую единую и неделимую Россию», прикрывавшего стремления реставрационного монархизма.

В 1921 году общественно-политическая работа беженских демократических организаций сводилась к ослаблению влияния реакционных кругов русского монархизма на беженские рядовые массы и к разложению армии Врангеля, стремившейся удержать силою—физической или моральной — беженцев вокруг реставрационных политических организаций. К концу этого года

[1]) См. Н. Мещеряков. «На переломе». Г. Раковский. «Конец белых».

русское беженство, расселенное по преимуществу в Турции и Греции, начало расползаться по славянским странам. Этим переселением завершался процесс расслоения русской эмиграции на демократическую, стремившуюся на основах завоеваний мартовской революции (до признания принципов Октябрьской революции беженство дошло только в следующем периоде) строить новую жизнь, и на реставрационную—целью своих достижений ставившую восстановление в России помещичье-монархического строя.

Демократическое беженство с переселением на Балканы переходило на свободный труд. Этот процесс—отрыв от организации Врангеля и осознание себя свободными рабочими — сыграл большую роль в социально-политическом самоопределении беженцев, почему и заслуживает быть отмеченным. Реакционные остатки гвардейско-помещичьих кругов продолжали держаться вокруг армии Врангеля и контр-революционных организаций его окружения. Но в 1921 году беженство было едино в одном: оно в массе было еще антисоветским. Массовое бегство из армии Врангеля, характеризующее особенно 1921 и начало 1922 года, принявшее организованный характер и вызвавшее приказы «главного командования» о наказании за «дезертирство», это—первый сознательный шаг беженства по пути разрыва с авантюрами воинствующей эмигрантщины против Советской России.

Из беженских организаций «Общеказачий Сельскохозяйственный Союз», возникший в начале 1921 г. в Константинополе, являясь по уставу организацией экономической взаимопомощи беженцев казачьих земель, оказал особенно значительное влияние на разрешение трудовыми беженцами вопроса об их взаимоотношениях с армией Врангеля. Значение этого Союза в истории беженства определяется вовсе не его экономическими задачами, а тем, что он не только способствовал переходу трудовых беженцев из армии на положение свободных рабочих, но и непрестанно будировал их

мысль в направлении необходимости окончательного разрыва с реставрационными организациями, как армия Врангеля, «казачьи атаманы и правительства» и весь их антураж.

Немало желчной злобы было направлено против Союза за его деятельность «разлагателя армии» в буржевском «Общем Деле», не говоря уже о явной врангелевской прессе. И, не выходя из рамок об'ективности, следует с несомненностью констатировать, что Союзу принадлежала видная политическая роль в деле разложения сил реакционного реставраторства. «Весь состав правления «Общеказачьего Сельско-хозяйственного Союза, — пишет один из деятелей его, — определенно стремился использовать Союз в политических условиях обезвреженья вооруженной врангельской реакции путем перевода больших масс бойцов из армии на трудовое положение гражданских беженцев» [1]). Переселение беженских масс в страны Балканского полуострова и предполагавшаяся переброска туда же армии Врангеля заставили в конце 1921 года Правление Союза перенести центр своей деятельности в Болгарию, где политическая обстановка признавалась наиболее подходящей для осуществления его задач. Нашедшие поддержку в правившем тогда Болгарией Болгарском Земледельческом Народном Союзе руководители Казачьего Сельско-хозяйственного Союза, обеспеченные моральной поддержкой земледельческого болгарского правительства, продолжали свою работу по разложению армии Врангеля на территории Болгарии. В январе 1922 года руководители этой организации представили членам болгарского правительства, видным парламентским деятелям земледельческой фракции, Центральному Комитету Земледельческого Союза меморандум, в котором указывали как особенно важную задачу момента русских демократических группировок, — борь-

[1]) М. Адамович. «Открытое письмо представителю Общеказач. Сел.-хоз. Союза в Праге». «Новая Россия» № 10.

бу со свившими прочное гнездо в Болгарии реакционными организациями русского монархизма и с армией Врангеля. Меморандум указывал, что оставление армии Врангеля в том виде, как она перебрасывалась в Болгарию, грозит стране гибельными для нее последствиями не только в вопросах ее международной политики, но и во внутренней ее жизни.

Нужно отдать справедливость ныне убитому бывшему премьеру Болгарии и лидеру земледельческой партии Стамболийскому—он один из немногих болгар отчетливо представлял себе монархическую подоплеку не только армии Врангеля, но и общественных организаций врангелевского окружения, как «Союз офицеров», «Земский Союз», «Союз Городов», старый Красный Крест и т. д. Болгарские земледельцы—по убеждению ярые республиканцы — не могли не согласиться прийти на помощь в борьбе с монархическими русскими организациями, как и с армией Врангеля. Деятельность «орлов» Врангеля, вводивших свой режим в независимом государстве, несомненная и установленная болгарской политической разведкой связь штаба Врангеля с блоком болгарских буржуазных партий в целях помощи последнему в его борьбе с правительством—подтвердили правильность сделанного в меморандуме предупреждения.

Исследователи этого периода жизни беженцев в Болгарии, как русские, так и болгарские, грешат против истины, когда взваливают на Стамболийского и его правительство ответственность за допущение армии Врангеля в Болгарию в качестве военной организации. Некоторые даже приписывают ему намерение использовать ее в борьбе правительства с коммунистической партией. Это неверно. Допущение армии Врангеля в Болгарию есть продукт дипломатического, а может быть, и иного давления французского представительства из репарационной комиссии. Желание французов развязаться с армией Врангеля, которую они содержали в Галлиполи и на острове Лемносе, было естественно.

Принимать к себе деморализованную банду, проявлявшую тенденции суверенного государства в Галлиполи, ни французы, никто другой не соглашался.

Однако попытки сохранить врангелевскую военную организацию, на которую французские руководящие круги в то время возлагали надежду, чуть ли не как на силу, способную охранить «прочность версальского мира», заставляли французское правительство найти выгодный для себя выход из положения. Взгляд французских политиков, относящийся к 1921 году, на врангелевскую армию характеризует статья официоза министерства иностранных дел «Temps». «Можно утверждать,—говорится там после оценки заслуг Врангеля в деле защиты от «угроз большевиков не только независимости молодого польского государства, но и всей европейской цивилизации»,—что в то время, когда московские диктаторы вырабатывают планы, как зажечь пожар революции в Европе, роль армии Врангеля далеко еще не окончена... Будущее Франции и прочность версальского мира нуждаются в возрождении России, которая снова сделается верным союзником. Независимая Польша с своей стороны нуждается в возрождении России для защиты от германских цепей. Вот почему необходимо сплотить единство России и, как бы ни было ужасно положение остатков южно-русской армии, нельзя упускать из виду, что эта армия есть символ будущей России» [1]).

Французы обратили свои усилия по линии наименьшего сопротивления, и репарационный пресс нажал на Болгарию.

Некоторые руководящие круги болгарского Земледельческого Союза, равно и как его вождь Стамболийский, с самого начала были настроены резко отрицательно к организации Врангеля. Планомерное и систематическое будирование мысли земледельцев о необхо-

---

[1]) «Le Temps» № 21739 от 8 февр. 1921 г. «L'armée du général Wrangel».

димости ликвидировать монархическую организацию русской эмигрантщины не давало возможности остыть пылу экспансивных болгар. И правительство только ждало достаточного повода, чтобы иметь основание разгромить армейскую организацию Врангеля. В борьбе русской демократической общественности с врангелевской военщиной громадную помощь оказала Болг. Коммунист. партия, организовавшая широкое общественное движение против существования на территории Болгарии вооруженной чужеземной силы, готовой броситься не только на соседнюю Советскую Россию, но и на обезоруженную по мирному договору Болгарию.

Повод к ликвидации не замедлили дать сами «орлы». Шпионская организация, руководившаяся военными агентами Врангеля в Болгарии, полковником Вязьмитиновым и полковником Самохваловым, подготовляла военные действия врангелевской армии в Болгарии, которыми компрометировалось положение Болгарии перед соседями (нота тов. Раковского). Ее подготовка говорила также о посягательстве на земледельческое правительство. Эта организация была раскрыта, и разгром армии был произведен. Главари армии были высланы из Болгарии. В ответ на это Врангель послал болгарскому правительству ноту, угрожая войною, но кроме улыбки она никаких последствий не имела. Этот разгром армии имел громадное моральное значение в борьбе русской общественности с Врангелем. Перед массами, находившимися еще под дурманившим сознание влиянием былой силы и могущества южно-русского властелина, с которым — уверяли белогвардейские газеты — считаются все государства, как с законным представителем России (не то что с какими-то большевиками!), этот владыка оказался лишенным ореола всякого могущества. Продолжать свою работу разложения демократические беженские организации могли уже с несравненно меньшими трудностями. Армия расползалась. Былой вождь ее, развенчанный претендент на диктаторскую власть над Россией, изменник России и герой Польши—

предстал пред массой не только солдат, но и офицеров уже без ореола мученического подвига—«крестного пути во имя родины»—во всем неприглядном облике скупщика дач в Топчадере (предместье Белграда) на деньги, вырученные от продажи русского государственного имущества и награбленных им частных ценностей [1]). С целью развенчания бывшего героя толпы, чтобы показать, что с Врангелем никто не считается, как с представителем России, на что претендовал и он и состоявшее при нем законосовещательное учреждение «Русский Совет», выходившая в Софии газета, имевшая задачей разложение армии Врангеля и отвлечение масс от монархического влияния, «Вестник Земледельца», посвятила Врангелю целый номер, содержание которого определялось бросавшимися в глаза аншлагами: «Врангель—авантюрист», «Врангель не смеет говорить от имени России», «Врангель—клоун и базарный плясун», «Врангель—изменник России» и т. д. Врангелевщина была разгромлена. Совершенно согласную с истиной характеристику оставшейся к концу 1922 г. врангелевщины дает Покровский в приводимом ниже письме: «...от добровольческого корпуса остались только отдельные офицеры. Ни корпуса, ни вообще какой-либо военной организации нет и в помине. Вслед за организационным распадом они в кратчайший срок распались морально и в данное время—нет ничего».

На-ряду с чисто отрицательным движением—разрывом с реакцией врангелевской военщины — 1922 год характеризуется уже положительными устремлениями. Вместе с отрицательными задачами — разрушение реакционных организаций—демократическая обществен-

---

[1]) Врангель продал частные ценности, заложенные в Петроградской ссудной казне, эвакуированной во время мировой войны в Ейск, а оттуда, по приказанию уже Деникина, перевезенной в Юго-Славию. Там, в гор. Катарро, эти ценности хранились. Остатки этих ценностей Сербское правительство, по сообщениям газет, ныне решило депонировать в гос. банке.

ность выдвигает задачи положительные: организацию возвращения на родину. Кто был связан с массою беженства, тот знает, что из десяти писем в девяти ставился вопрос: скоро ли на родину, как можно проехать в Советскую Россию, будет ли та или иная организация заниматься вопросом репатриации и т. д., и т. д. И в этих вопросах, сопровождавшихся всегда жалобою на заграничное существование необеспеченного работою пролетария, надеждою на лучшее житье дома, тоскою по дому, чувствовалось стремление на родину. Перед беженством встали вопросы об отношении к Советской России, к власти, там существующей. Трудовое беженство задумалось над сущностью того процесса, который произошел в результате гражданской войны. Его недавние мысли, направленные только в сторону освобождения от пут реакции, присосавшейся к нему в процессе гражданской борьбы, приобрели новое направление. В описываемый период место информационных листков различных штабов начинают уже занимать вести с родины, письма родных, близких, рассказы приехавших из Советской России моряков, торговцев и т. д. Вместо однотипных известий белой печати о «расстрелах, заглушаемых шумом грузовиков в мрачных подвалах Чека», вместо «самых неопровержимых сведений от бежавших из России» о полной разрухе всей жизни, как писалось в информациях штаба Врангеля, появляется, хотя и случайная и несистематическая, но достаточно достоверная в сознании беженца—от родных и друзей—информация о том, что несмотря на голод, на тяжкие годы блокады, на разоренное народное хозяйство, оставленное гражданской войной, жизнь в Советской России не замерла, а, наоборот, прогрессирует, что власть трудового народа твердой рукой ведет страну к возрождению, что нормальная жизнь не нарушается вновь возникающими фронтами борьбы белой буржуазии против красной власти трудового народа. Эти вести не могли не заставить беженство, в громадном большинстве вышедшее из трудовой среды,

задуматься над своей былою ролью в гражданской войне. Сравнивая свое положение закабаленного казарменным строем «русской армии» за границей или военно-полицейским режимом беженских лагерей со свободным положением хозяина земли русской—трудящегося рабочего или крестьянина—беженец не мог не отдать предпочтения положению последнего. Вести о русской действительности заставляют его иными глазами посмотреть на происшедшую в России революцию Октября. Мысли о доме заставили беженство обдумать свое участие в происшедших событиях и оценить исторический смысл происшедшего. Вести о русской действительности дали новый критерий для уяснения смысла революции Октября. В процессе размышлений беженство выяснило: вольно или невольно, путем обмана или собственной ошибки, или путем рокового стечения обстоятельств—трудовая масса приняла участие в гражданской войне вовсе не на той стороне, где ей надлежало быть. Став на этот путь, она докатилась до заграничной жизни и, пребывая здесь, продолжала служить оружием в руках все той же, противоположной ей по существу, российской реакции. Задумываясь над своей ролью за границей, как орудия, которое всячески старается использовать реакция для уничтожения завоеваний революции, для реставрации помещичье-буржуазного строя, беженская масса поставила перед собою вопрос политического значения: соответствует ли народным чаяниям существующая в России Советская власть, и каково значение эмиграции в борьбе с этой властью ее врагов? Пятилетнее существование власти Советов давало достаточный материал для определения ее значения и для Советской Республики и для трудовых масс. В сознании русской эмиграции произошел перелом, который описывает, напр., проф. Устрялов, таким образом: «Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же во имя великой и единой России.

При всем бесконечном различии идеологий, практический путь один»... А Чахотин ставит вопрос более конкретно: «Кто бы ни был у власти сейчас, но раз он способствует процессу собирания и упрочнения России, он должен получить поддержку со стороны мыслящей и патриотически настроенной интеллигенции. Надо окрепнуть физически и экономически, надо, насколько возможно при данных условиях, укрепить национальный дух, а там жизнь покажет». («Смена Вех». Прага. 1921.) Помимо этих чисто националистических рассуждений о российской великодержавности, беженская масса—трудовая по преимуществу—выдвинула мотив, оправдывающий смысл существования советской системы. Советская власть есть организация исключительно трудовых классов народа, которая одна в состоянии установить желанный мир, не только не покушаясь на чью-либо самостоятельность, но и охраняя неприкосновенность и престиж советского государства. Пребывание беженства за границей дает возможность всяким авантюристам из реставрационного лагеря, от «венценосных» блюстителей престола дома Романовых до сиятельных баронов, опираться на беженскую массу, как на возможное подкрепление своих попыток поднять в России гражданскую войну. Ею же оперируют, как материалом, способным поддержать взрыв Советской власти внутренними российскими силами, «демократы» из лагеря кадетов, эс-эров и пр. эмигрантских интеллигентов, стремящихся к покорению русского народа и России европейскому капиталу.

Беженство занимало в этих авантюрах роль «народа, гнев которого готов смести ненавистную Советскую власть».

Эта антитеза—Советская власть, стоящая на страже интересов Советской России и трудового народа, и выброшенная Россией кучка эксплоататоров и хищников, стремящихся в своих классовых интересах погубить Россию, привела трудовое беженство к политическому самоопределению:

Советская власть есть единственная власть, могущая защитить интересы трудящихся и оградить Россию от расхищения «великими державами». Черносотенные же реставраторы и интеллигентщина из эмиграции, рьяно борющиеся с Советской властью,—это отщепенцы народа.

Беженство от них отмежевалось, чтобы не создавать из себя возможной опоры в их авантюристических замыслах против России [1]). 1922 год дал таким образом положительные достижения: трудовые эмигранты осознали бессмысленность своего заграничного существования и признали себя гражданами Р. С. Ф. С. Р. Этот год дал единый советский фронт трудовой эмиграции. Она перестала уже быть эмиграцией и с нетерпением ждала возможности возвратиться на родину.

После происшедшего перелома в сознании беженства так называемый «исход от большевиков» и дальнейшее пребывание за границей не только теряли смысл, но, что невыносимее для сознания беженства, создавали почву для продолжения всяких авантюр, оправдываемых его именем, давали основание для бравады военщины Врангеля «поставить немедленно, в случае необходимости, 50 тысяч штыков и сабель против Советской России».

Уходя все дальше от организаций врангелевской военщины и связанных с нею сил «антибольшевистского фронта», беженство создает различные союзы и группировки, ставившие задачей организовать возвращение на родину.

«Среди организаций «белых»,—говорится во введении к сборнику документов о деятельности миссии Р. О. К. К. в Болгарии,—относился благожелательно к стремлениям беженцев возвратиться на родину «Общеказачий Сельскохозяйственный Союз», правление которого находилось в Софии. С мая 1922 года этот союз занялся вопросом

---

[1]) См. ниже резолюции казачьего с'езда и воззвания б. офицеров в главе: «Советизация беженства».

организации репатриации тех из своих членов, находившихся в Болгарии, которые в числе до 4 тысяч человек выражали желание возвратиться на родину. Так как этот союз занят был только судьбою своих членов и вообще имел целью оказывать помощь только казакам, то в Софии образовалась такая же организация, но с более широкими задачами. Это был «Союз Возвращения на родину». Он вскоре же организовал целую сеть своих отделений по Болгарии, которые сгруппировали вокруг себя 5 тысяч беженцев, желавших репатриироваться»[1]).

Неорганизованное первоначально стремление беженства на родину в середине 1922 года начинает таким образом принимать первые организованные формы. «Начало организованной репатриации положил ряд запросов различных беженских организаций в Болгарии,—пишет «Новая Россия»,—обращенных в Верховный Комиссариат Лиги Наций в Женеве по поводу технических условий репатриации и по вопросу о гарантиях». (А. дю-Шайля. «Репатриация».) Центральное Бюро Союза Возвращения на родину обратилось с ходатайством о бесплатном возвращении членов Союза к венскому (25 июня 1922 года) и константинопольскому [2]) (30 мая 1922 года) представителям Р. С. Ф. С. Р., при чем к последнему с просьбой передать ходатайство в Россию. «Учитывая тяжелое материальное положение республики, то, что все силы брошены на фронт борьбы с только что пережитым голодом,—пишет центральное бюро «Союза Возвращения на родину»,—мы не надеялись и не должны были надеяться на скорый успех с этой стороны, но мы должны были познакомить с собой и испросить радушного приема у новой власти, обещав со своей стороны безусловную лойяльность к власти Советов и всемерную поддержку ее в деле строительства и укрепления.

---

[1]) La Mission de la Croix Rouge Russe en Bulgarie et le repatriement des réfugiés russes. Documents. 1923. p. 4.

[2]) Здесь, очевидно, имеется в виду Константиноп. представительство Н. К. В. Т.

Эту просьбу мы передали и в Нарком Внутренних Дел Р. С. Ф. С. Р. В последних числах июля получилось первое извещение от Полномочного Представителя Р. С. Ф. С. Р. в Австрии о принципиальном разрешении Лигой Наций вопроса и о приезде миссии Р. С. К. К., имеющей полномочия по реэвакуации русских граждан. Всеми группами Союза было вынесено и направлено в Центральное Бюро и непосредственно по адресу болгарского правительства и Лиги Наций большое число резолюций, коллективных просьб и ходатайств с общим числом отдельных подписей, достигающим 4 тысяч» [1]).

II. Представительство Российского Общества Красного Креста в Болгарии.

Советское правительство пошло навстречу стремлению беженства разорвать с реакцией и возвратиться на родину и конкретно поставило вопрос о применении амнистии к беженцам, находившимся в Болгарии, а также и о репатриации российских граждан. Между Н. К. И. Д. и д-ром Нансеном, в июле 1922 г. было заключено соглашение, сущность которого сводится к следующему:

1) Д-р Нансен, действуя через подведомственные ему учреждения, принимает на себя организацию репатриации, а равно все связанные с последней расходы.

2) Подлежат репатриации только уроженцы Дона, Кубани и Терека, так как лишь в этих областях экономическое и санитарное положение является благоприятным.

3) Русское правительство подтверждает полную амнистию уроженцам этих областей, рядовым участникам гражданской войны; служившие же на ответственных должностях должны исходатайствовать себе личную амнистию.

---

[1]) «Союз Возвращения на родину. 1922 — 1923». София. 1923. Стр. 5—6.

4) При высадке в Новороссийске репатрианты принимаются представителем Н. К. В. Д. и уполномоченным д-ра Нансена.

5) Надзор за действительным осуществлением амнистии возлагается на высшего представителя Н. К. В. Д. в г. Ростове.

6) Принимая на себя перед общественным мнением Европы ответственность за выполнение данных Советским правительством обещаний, д-р Нансен считает крайне необходимым принятие строжайших мер к недопущению агентов-провокаторов, подосланных Врангелем, в состав репатриантов.

В связи с проведением репатриации и соглашением Н. К. И. Д. с д-ром Нансеном о поручении этого дела представительству Р. О. К. К., явилась необходимость в открытии в Болгарии представительства последнего. Решение Международного Комитета Красного Креста о признании Советского Красного Креста единственным национальным русским Красным Крестом предопределяло международно-правовое положение представительства последнего в Болгарии. 20 октября 1922 года представительство Р. О. К. К., во главе с тов. Корешковым, прибыло в Болгарию. С появлением представителя Р. О. К. К. в Болгарии благожелательное отношение правительства Стамболийского к репатриации русских беженцев [1]) могло получить осязаемые формы в согласованной работе его с миссией Р. О. К. К. Болгарское правительство письмом министра внутренних дел от 25 октября 1922 г. за № 8832 доводит до сведения тов. Корешкова, что оно изъявляет согласие на репатриационную деятельность в Болгарии представительства Р. О. К. К.

Настроение уходящей от реакции беженской массы, своим стремлением на родину вызвавшей появление в Болгарии—в то время центре средоточия контингентов армии Врангеля—Советского представительства, согла-

---

[1]) Такое отношение болгарского правительства констатирует, напр., «Союз Возвр. на родину». (Op. cit. стр. 6.)

сие болгарского правительства на организацию его краснокрестной и репатриационной деятельности, угроза существованию белогвардейских организаций,—все это не могло не взволновать реакционные русские круги. Реакция повела наступление по всему фронту. В русской белой прессе —«Русь», «Русское Дело», «Новое Время», «Вечерняя Пресса» и др., а отчасти и в буржуазной болгарской—«Час», «Мир», «Народ», «Эпоха» (последние две—«социалистические») и др. была поднята кампания, нашедшая отклик в английской «Таймс», против допущения в Болгарию «большевистского» Красного Креста, миссия которого имеет задания военно-разведывательного характера, мобилизацию русских, шпионаж против Болгарии и пр., и пр. («Русь»). Рассчитывающая услужить своим господам и содержателям—Антанте—черносотенная печать развивала военные планы «большевистской миссии» до стремления ее совместно с «большевистским» же, по ее мнению, правительством Стамболийского распространить власть Коммунистического Интернационала не только на Болгарию, но далеко за ее пределы—в странах Малой и Большой Антанты. Поэтому—caveant consules...

16190.

Курьезны были зачастую доказательства военно-разведывательной деятельности представительства Р. О. К. К. Так, напр., представительство отпечатало отдельные анкеты для бывших офицеров и чиновников. На обложке этих анкет сверху была надпись: «Военно-административный Отдел». Французский посланник в Софии, Жорж Пико, счел это достаточным подтверждением военной организации Советского представительства и упрямо твердил всем, извлекая экземпляр такой анкеты:

— Военно-административный отдел! Как видите, сама миссия признает, что имеет военный отдел. Для чего ей нужен этот отдел, если она не занимается военною подготовкою на территории Болгарии?

Болгарская политическая жизнь в этот период отличалась резкой борьбою земледельческого правительства

против партий буржуазного блока. Последний, в свою очередь, вел усиленную подготовку для решительного боя за свои «конституционные» права, попранные «большевизирующимся» правительством Стамболийского.

На стороне буржуазного блока стояли дипломатический корпус, репарационная комиссия и силы реакционной военщины из лагеря русских реставраторов. Представители последних, связанные не только общностью стремлений с болгарской буржуазией, но часто, кроме того, и узами совместной службы в царской армии или общими интересами «светской жизни» Петрограда, всем своим существом рвались к единению с «интеллигентной» Болгарией. В ее среде они рассчитывали—и не ошиблись в этом—найти защитников своих «законных прав» и привилегий.

В этих болгарских кругах, близких к русской контрреволюции и связанных с нею ненавистью к приоритету трудового принципа в государственном устройстве, русская реакция вела упорную работу по дискредитированию «большевистского Красного Креста» и увенчанию похвальными лаврами русского Красного Креста старой организации и других эмигрантских учреждений.

Расчет русской реакции, опиравшейся в своей кампании на дипломатические связи с представителями стран враждебных или только официально дружественных Советской России, сводился к тому, что буржуазные болгарские общественные круги своим давлением на отзывчивое во всем, что было связано с мнением Антанты, правительство Стамболийского заставят его и с появлением Советского представительства признать фактически русский вопрос в Болгарии in statu quo ante.

Болгарская буржуазная печать, слепо шедшая на поводу у русской белогвардейщины, поддерживала кампанию последней против гуманитарной деятельности Р. О. К. К. Так, напр., с несомненной целью дискредитировать представительство Р. О. К. К. и лишить его ореола официального представительства государственного

учреждения Советской России, с которым считается болгарское правительство, была выпущена сенсационная заметка в газете «Мир» (официальный орган народно-прогрессивной партии) об обыске в помещении представительства Р. О. К. К., об аресте некоторых сотрудников представительства и об установлении надзора за остальными. Болгарское правительство сочло нужным пресечь эти выпады. По этому поводу появилось следующее опровержение правительственного официоза — «Победы»:

«Сообщение газеты «Мир» от начала и до конца вымышленно, тенденциозно и ложно. Полиция не производила никаких арестов и обысков, как то описано в «Мире». По этому поводу было произведено дознание, которое установило, что «Мир» получил свою информацию от русской газеты «Русь», издающейся в Софии врангелевскими кругами. Вследствие этого газета «Русь» сегодня закрыта, а «Мир» опровергает свое вчерашнее сообщение».

Впитавший в себя наиболее реакционные элементы болгарского общества болгарский Красный Крест, которому надлежало, как Красному Кресту страны, куда прибыла миссия Р. О. К. К., оказывать ей всяческое содействие, на деле совершенно отказывал в помощи представительству. В ответ на письмо Центрального Комитета Р. О. К. К. по поводу убийства в Болгарии его сотрудника—Агеева, болгарский Красный Крест не нашел ничего лучшего, как написать квиетическое произведение на тему: преступные типы—психически ненормальны, и потому в проявления их душевной неуравновешенности следует вмешиваться психиатру, а вовсе не «гуманитарной» организации Красного Креста. В ответ на просьбу в том же письме Ц. К. Р. О. К. К. предпринять перед болгарским правительством необходимые шаги, чтобы побудить последнее гарантировать нормальный порядок работы по репатриации, болгарский Красный Крест разразился следующей тирадой, «гуманность» которой вселяла надежду на покровитель-

ство столпов болгарского «интеллигентного» общества в сердца членов различных террористических офицерских союзов «белой руки», «голубой крови» и прочих искоренителей советской крамолы в рядах русских беженцев: «Болгарский Красный Крест считает бесцельным предпринимать какие-либо шаги перед болгарским правительством, чтобы гарантировать личную безопасность членам миссии Р. О. К. К. и нормальное исполнение ими работы, ибо установленные в стране законы и так обязывают его (правительство) к этому». (Письмо от 17 февраля 1923 г., № 789.)

Происки русской белогвардейщины, «дипломатическая» защита интересов воинствующей против Советской России реакционной клики «послом» Петряевым, явное покровительство союзнических миссий антисоветским силам—создали возможность для белогвардейских организаций не очень считаться с распоряжениями болгарского правительства, и под высоким покровительством «великих сил» чувствовать себя не хуже, чем раньше. Несмотря на решение Международного Комитета Красного Креста о лишении старого русского Красного Креста права именоваться таковым, в Болгарии представительство последнего долго еще продолжало функционировать под эгидою Красного Креста.

Существование белогвардейского русского Красного Креста в Болгарии одновременно с представительством Р. О. К. К. вызвало запрос в парламенте болгарской коммунистической партии правительству. В запросе, между прочим, говорилось:

«...Мы констатируем, что болгарские власти терпят существование другой самозванной организации Красного Креста из белогвардейской врангелевской среды; что до настоящего времени представители болгарского Красного Креста еще не сочли нужным войти в связь с представительством Р. О. К. К. в Болгарии и прекратить продолжающуюся до сих пор связь с самозванным врангелевским Красным Крестом». В ответ

на эту интерпелляцию бывший министр Внутренних Дел Райко Даскалов в заседании парламента 29 ноября 1922 года ответил: «Советский Красный Крест признан Международным Красным Крестом—признаем его и мы. Болгарский Красный Крест должен сообразоваться с решениями Международного Красного Креста. Он должен войти в связь с Советским Красным Крестом и оказать ему содействие. Врангелевскому Красному Кресту мы воспретим пользоваться именем и знаками Красного Креста». Однако старый Красный Крест в дальнейшем долго еще продолжал фактически игнорировать постановление правительства, и официоз Стамболийского—«Победа»—еще в средине января 1923 года писал: «Не признаваемое больше Международным Комитетом Красного Креста бывшее Русское Общество Красного Креста, не имеющее поэтому права именоваться Красным Крестом, если желает продолжать свою деятельность, должно образовать другое общество под другим названием».

В ответ на соответствующий запрос представителя Р. О. К. К. болгарское министерство иностранных дел письмом от 8 февраля уведомило его, что правительством отдано распоряжение лишить белогвардейский Красный Крест права пользоваться знаками Красного Креста, но, несмотря на это, еще в апреле врангелевский Красный Крест продолжал свою «гуманитарную» работу. Близкая к правительственным и земледельческим кругам газета «Новини» помещает в то время следующую статью: «Нахальство одного иностранца»: «Как известно, болгарское правительство признало представительство Советского Красного Креста единственным официальным русским учреждением в Болгарии. Одновременно с признанием Советского Красного Креста, правительство распорядилось, чтобы старый Красный Крест передал официальному представительству Р. О. К. К. в Болгарии все свое имущество и инвентарь и прекратил свою дальнейшую деятельность. Вопреки этому, старый Красный Крест, представляемый

БИБЛИОТЕКА СТОЛОВОЙ

Фельдманом, продолжает выполнять свои функции. Ввиду этого министерство внутренних дел предписало столичному градоначальнику внушить Фельдману, что он должен подчиниться распоряжениям правительства, иначе он подлежит ответственности по болгарским законам, преследующим деятельность организаций, официально не признанных».

Болгарский Красный Крест, дружественные связи которого с русской белогвардейщиной неоднократно были зафиксированы официальными источниками, не мог, однако, не признать формально миссии Р. О. К. К.

Официальный орган болгарского Красного Креста [1]) пишет: «Международный Комитет Красного Креста решил признать русский старый Красный Крест как благотворительное общество, которое, сохраняя все имущество, которым располагает в стране, где работает, не может, однако, пользоваться эмблемами Красного Креста, кроме тех случаев, когда это допущено правилами Женевской конвенции. Согласно этой же конвенции, болгарский Красный Крест предпринял своевременно перед нашим правительством шаги для признания Советского Красного Креста, а также и в том, чтобы старая организация осталась действовать как благотворительное общество, зарегистрированное по законам страны». Не будучи в силах воспротивиться проведению в жизнь решений Международного Красного Креста и болгарского правительства о ликвидации белогвардейского Красного Креста, болгарский Красный Крест добивается, однако, необходимости сохранить имущество за старой организацией. Это указание Б. О. К. К. имело в виду положение вопроса об имуществе русского народа в Болгарии. По настоянию представительства Р. О. К. К. болгарским правительством были приняты меры охранения над имуществом Советской Республики, находившимся на территории

---

[1]) «Известията на Българско Дружество Червен Кръст». Брой 9—10. Февр.—март. 1923 г. л. 255—256.

Болгарии и подвергавшимся до того времени разграблению как со стороны белогвардейского Красного Креста, так и других врангелевских организаций. Вскоре же по приезде в Болгарию представитель Р. О. К. К. обратил внимание болгарского правительства на недопустимость подобного расхищения эмигрантскими организациями имущества, хозяином которого является исключительно Советская Республика. Имущество это в свое время было ограблено у русского народа и вывезено за границу. В связи с этим заявлением, представительство Р. О. К. К. указало также на необходимость принятия мер охраны над теми деньгами, которые находились в депозите Болгарского Народного Банка и составляли собственность Советской Республики, на которые также покушались различные эмигрантские организации от «посольства» Петряева до старого Русского Красного Креста.

Обращение представительства Советского Красного Креста по этому вопросу к болгарскому правительству и меры, принятые последним, сильно взволновали тех, в чьих руках до сего времени находилось распоряжение этим имуществом. Паника настолько охватила врангелевские круги, что было в срочном порядке предписано немедленно ликвидировать все склады с имуществом как интендантским, так и краснокрестным. Но многие склады все-таки удалось охранить, наложив печати, и имущество в то время было спасено от расхищения, равно как и деньги, депонированные в Болгарском Народном Банке.

В № 294 болгарского официоза «Победа» было помещено следующее сообщение: «Министерство внутренних дел сделало распоряжение окружным начальникам, чтобы они немедленно приступили к описи и опечатанию имущества, принадлежавшего русским консульствам».

Это распоряжение имело большое политическое значение. Охрана имущества консульского, т.-е. имущества государственного, означала, что болгарское правитель-

ство совершенно не признает ни бывшей российской власти, ни тем паче эпигонов представительства старой России, получивших свои верительные грамоты от «Совещания Послов», «правителей» и пр., каковым было «посольство» Петряева.

Нужно отметить, что деятельность представительства Р. О. К. К., нашедшая энергичную поддержку в органах советской общественности в Болгарии, имела значительное влияние на поведение болгарского правительства.

Русской реакции, стремившейся оставить в своих руках управление беженством и распоряжение имуществом русского народа, было нанесено таким образом поражение. Ее политические стремления нашли предел. Гуманитарная краснокрестная работа закреплена была исключительно за представительством Р. О. К. К. Государственное достояние Советского Союза бралось болгарским правительством под свою охрану от грабительских покушений на него «хозяев земли русской»— русской белогвардейщины.

Еще большее поражение потерпела русская реакция в лице так называемого «русского посольства» во главе с дипломатическим представителем Петряевым. Назначенный «русским посланником» в Болгарии «Совещанием бывших послов в Париже», одно время являвшийся также дипломатическим представителем Врангеля, Петряев почувствовал, что в возрастающем влиянии Советского представительства тонет былой престиж его посольства «несуществующего правительства». Поэтому, воспользовавшись настроением болгарских правительственных кругов, которое могло заставить его в один прекрасный момент покинуть Болгарию, он, не дожидаясь этого, сам оставил свой пост «посланника» и удалился.

Идейная борьба белогвардейщины, если только можно говорить об идейности в методах и целях белогвардейской борьбы вообще, осложнилась с ее стороны самой беззастенчивой травлей работников красно-

крестной миссии, сотрудников органов советской общественности, деятелей репатриации и т. д. Первой жертвой этой травли пал сотрудник Р. О. К. К. и один из редакторов «Новой России» А. М. Агеев, убитый по приговору террористической организации генерала Покровского [1]). Прокурор Софийского Окружного Суда, на основании следственных материалов, так описывает деятельность контр-революционных групп русской белогвардейщины на территории Болгарии: «Группа бывших офицеров из остатков русских контр-революционных армий, расположенных в Константинополе, Варне и других городах, образовала организацию в Болгарии, с центром в Софии. Организация поставила себе целью сгруппировать находящиеся в Болгарии врангелевские части для высадки десанта в Советской России на черноморском побережье, собрать сведения о скрытом в Болгарии врангелевскими частями оружии, информировать заинтересованных лиц и уничтожать всех своих противников. Средства для осуществления указанных целей организация получала из-за границы от монархического об'единения. Во главе организации стоял бывший генерал русской армии Покровский, человек с сильной волей, смелый и решительный. Организация Покровского создала несколько ударных групп из самых смелых и решительных людей для выполнения поручений боевого характера вплоть до уничтожения врагов организации. В это время в Болгарии уже находились представители Российской Советской Республики, прибывшие в Софию в качестве представителей Российского Общества Красного Креста, в том числе Александр Агеев и Сергей Чайкин, оба ярые защитники советского режима, которые образовали отдельные ячейки из остатков врангелевских войск для пропаганды идеи возвращения всех русских в Россию и для поддержки Советского

---

[1]) Ген. В. Л. Покровский—известный особенно на Кубани вешатель. Командовал Кавказской армией во времена Деникина.

правительства. Агеев в конце октября 1922 года начал издавать в Софии газету «Новая Россия», в которой горячо высказывался в защиту революционной большевистской России, нападал на всех контр-революционеров, раскрыл существование групп генерала Покровского и призывал всех русских возвращаться на родину. Так противопоставлялись идеи этих двух групп. Вражда между ними особенно резко усилилась, когда в № 2 «Новой России» было напечатано письмо генерала Покровского к некоему генералу Боровскому в Белград, в котором описывалось положение группы Покровского.

3 ноября 1922 года, когда Агеев вышел из Земледельческого Союза, один из участников организации Покровского, Азан Бойчаров, бросился к нему и выстрелил из револьвера. Пуля попала в правую часть паха, вследствие чего через пять дней Агеев умер. После покушения на Агеева, Покровский решил устранить и Чайкина. Для этой цели был составлен такой план: поджечь жилище Чайкина и в суматохе застрелить его. Полицейскими властями заговор был раскрыт, после чего, согласно сделанным властями распоряжениям, были задержаны все участники организации Покровского. Сам Покровский, после того как стрелял в представителей власти, командированных для его задержания, был застрелен». Ликвидация болгарскими властями организации Покровского и убийство последнего предотвратили выполнение остальных террористических актов против членов миссии Р. О. К. К. и других видных работников советской общественности.

Организация Покровского была связана с виднейшими представителями армии Врангеля, казачьими «атаманами и правительствами», от которых и получала помощь и полное моральное содействие. Деятельность этой организации является типичной для всех организаций «антисоветского фронта». Вот как рисует ее сам генерал Покровский. Болгарскими властями

был арестован курьер Покровского, который вез в Сербию следующее письмо:

«Дорогой Александр Александрович [1])! Обстоятельства так сложились, что я вынужден вновь командировать к тебе Власова. Дело в том, что мы столкнулись с крайней затруднительностью, вернее, почти невозможностью достать приличное оружие в нужном нам количестве и качестве. Запасы оружия, переданные мне генералом Агоевым [2]), оказалось в ужасном виде: паническая публика это оружие зарыла в землю без всяких предохранительных мер, и, естественно, что после этого оно годится лишь в музей. Необходимых нам пулеметов и бомб (ручных гранат) там не оказалось вовсе. Таким образом, пришлось обратиться ко всевозможным добровольческим начальникам, большинство из которых от выдачи оружия уклонилось, ссылаясь либо на отсутствие такового, либо на незнание мест хранения и т. д. Как удалось выяснить, большинство этих господ не выдает оружия просто из трусости, боясь, что сведения об этом просочатся в их части, где уже нельзя никому ничего доверять. Удалось договориться лишь с некоторыми, но для этого необходимо условное распоряжение Кутепова или Витковского. Это и является главной целью настоящего моего письма. Тебе необходимо переговорить с Витковским и понудить его послать соответствующую телеграмму. В противном случае (т.-е. в случае его уклонения,—чего я не думаю) такую же телеграмму все же необходимо послать от его имени. Что поделать, раз кругом — либо предатели, либо шкурники. Теперь о здешних делах; здесь не легко, но все же движется вперед. Купили очень приличную парусно-моторную шхуну, которая с сегодняшнего дня обору-

[1]) Ген. А. А. Боровский—возглавлял в Сербии организацию Покровского.

[2]) Командир Терско-Астраханского казачьего полка в Болгарии, фактически несуществовавшего, ибо казаки частью уехали уже в Россию, частью ждут возможности репатриироваться.

дывается и приспосабливается к плаванию. Есть и экипаж, но вольный; это плохо, и потому я очень прошу тебя подыскать какого-либо доблестного моряка (военного флота, но именно черноморского), моториста и 2—3 матросов. Последних можно брать только из казаков-рыбаков Таманского или Ейского отделов. Их достаточно в дивизии. Для покупки шхуны мне пришлось залезть в сильный долг; я взял заимообразно у сербского консула (я живу у него) 56 тысяч лев. Шхуна к плаванию готова уже в любой момент, но окончательно оборудована будет к субботе. Разместить на ней с достаточными удобствами можно человек 45. Дальнейшее уплотнение нежелательно. Предполагаю ее вооружить 3—4 пулеметами, иметь на ней запас ручных гранат. Скорость хода 6—6$^1/_2$ миль в час, на парусах скорее. Погода сейчас на море идеальная, и как обидно, что время уходит из-за всех этих хозяйственных задержек. Простоит такая погода, по мнению моряков, до середины ноября; до середины декабря—переменная. Затем—бури. С февраля до начала марта — спокойно. До начала зимы запас времени уже невелик, и надо дать большое напряжение, чтобы перебросить 2—3 сотни с некоторыми старшими начальниками. Продолжать работу придется уже с марта. Организация здесь такова: 1) вр. и. д. начальника штаба — Фед. Никиф. Буряк; у него собираются все материалы и сведения: а) по связи с тем берегом; б) информация оттуда; в) военно-морская разведка того берега; г) изучение того берега, горных проходов и т. д.; д) политическая и агентурная разведка здесь, в Варне, и во всей Болгарии; и, наконец, остальная штабная работа. 2) Личным составом ведает полковник Иван Дмитриевич Золотаревский,— политическая и военная подготовка личного состава, заготовка карт, необходимого снаряжения и т. д. 3) Вопросы расквартирования и довольствия и т. д. Служба связи — генерал-майор Михаил Демьянович Гетманов. 4) Военно-морской разведкой — генерал-майор

Всеволод Вениаминович Муравьев. 5) Политической разведкой и агентурой — Николай Артемьевич Бабкин. Офицер для поручений — капитан Василий Иванович Драгневич (псевдоним Арсеньев). Ему же поручена связь с тобой и выполнение всех твоих распоряжений по добровольческому корпусу. Все эти лица получают месячный оклад по 2 тысячи лев. На служебные расходы — отдельный аванс. Переменный личный состав получает по 50 лев в сутки, за вычетом на квартиру 5 лев — 45 лев. В Софии есть специальный разведывательный информационный пункт на 7 тысяч месячных общих расходов. (Такой же здесь.) В разных городах Болгарии своя агентура. В организации большевиков («Союз Возвращения на родину» и «Союз Земледельцев») есть наши люди. Удалось недавно втиснуть и в самое сердце к большевикам своих людей. Все эти перечисленные мною лица (заведывающие какой-либо частью) снабжены сербскими паспортами и, таким образом, забронированы. Есть некоторые дефекты: личный состав старших (завед. отд.) недостаточно высок в интеллектуальном отношении, надо подыскать что-нибудь посильней. Надеюсь, что это тебе удастся. Другое обстоятельство, это—что где-то у нас есть какие-то щели и скважины, быть может, как результат легкомыслия, а быть может, и злонамеренности (первое все же верней). Во всяком случае, кое-что, кое-какие сведения о нашей работе, несомненно, просачиваются. Принимая это во внимание и имея причины быть недовольным за такое неряшество на Муравьева, я, вероятно, опущу на него тяжелую кару [1]). Будет серьезный урок для всех других.

Посылаю тебе письмо Кучука-Улагая [2]), из которого ты ознакомишься с положением вещей в Константинополе. Теперь, конечно, все это изменилось

---

[1]) Муравьев был утоплен по приказанию Покровского.

[2]) Полк Кучук Улагай—уполномоченный Покровского в Константинополе.

в худшую сторону, близость перехода Константинополя в руки кемалистов, естественно, не улучшает возможностей ген. Улагая [1]), а ухудшает. Во время последнего моего пребывания в Софии (5—7 октября) я виделся с Агоевым и Богаевским [2]). И тот и другой сообщили мне, что Терский атаман Вдовенко [3]) и его правительство выхлопотали себе пока что шесть виз в Болгарию и складывают чемоданы, собираясь в путь-дорогу. Н. Н. передавал содержание письма ген. Улагая, в котором тот высказывается, что «дело их, повидимому, близится к преждевременному концу», так как «долго засиживаться здесь невозможно». Таким образом, совершенно очевидно, что неделей раньше, неделей позже, но константинопольская база для посылок групп, конечно, закроется,—это ясно. Остается только наша база. В связи с этим у меня был разговор с Богаевским, уже, повидимому, сильно подготовленным Агоевым (Агоев всецело стремится к слиянию с нами; он против константинопольского демократического коллектива). Богаевский предложил свое содействие во всех областях, вплоть до материальной, и обещал в ближайшие дни переговорить с председателем терского правительства Букановским [3]), извлечь десяток, а, может быть, и другой тысяч франков. Я поблагодарил, согласился исполнить его просьбу перебросить на Дон 30 донцов и теперь жду результатов. Боюсь, что ждать придется долго. Сегодня напишу ему письмо, дабы подбодрить на скорость. Из Софии мною была послана телеграмма о высылке людей.

---

[1]) Ген. Улагай известен по гражданской войне на юге России. В Константинополе занимался тем же, чем Покровский в Болгарии.

[2]) Ген. А. П. Богаевский — последний атаман «Всевеликого Войска Донского».

[3]) Вдовенко, Букановский и др. «члены правительства» продали нефтяные участки в Грозненском районе и на полученный аванс в $2^1/_2$ милл. фр. живут припеваючи за границей, допуская даже роскошь в виде поддержки различных «десантных» операций.

Это необходимо сделать, но надо обратить внимание на то, чтобы они лучше самоснабжались. Платить за их легкомыслие и покупать здесь для них шинели мы не можем. Необходимо также, чтобы среди отправляющихся были бы какие-либо старшие начальники.

Нельзя отправлять одну зеленую молодежь; здесь мы имеем в виду кой-каких старших офицеров, но в общем количество их все же незначительно. Опять о деньгах. Послал тебе телеграмму, где требую от Андр. Андр. 100 быков (т.-е. 100 тысяч динар.). Это настоятельно необходимо. В противном случае мы дойдем здесь до ликвидации. Полагаю, Александр Александрович, для воздействия на психику всех тамошних пауков, необходимо возвратиться к старому эс-эровскому методу: нанести смертельный удар какой-нибудь одной голове. Оглушены будут все сразу. Это всегда действовало безукоризненно твердо,—подействует и теперь. Вопрос так унизительно неприлично затянулся, что другого выхода я не вижу и потому, если и теперь Гайдуков [1]) ничего не ассигнует, я определенно прошу тебя сделать распоряжение о применении этого воздействия. Люди для этого могут быть и в самом Белграде и в дивизии через Гуриева.

Посланы ли дипломаты к Муссолини? Об есауле Салтыкове я кое-что слышал. Думаю, что он в сообществе с кем-нибудь постарше—подходящий человек. Но необходимо с этим вопросом поторопиться, ведь это же затянулось на второй месяц. Какая деятельность Зборовского и Гуревича? Вполне ли наш Зборовский? Виделся ли ты с этим болваном Науменко [2])? Вот прохвост! Не находишь ли ты, Александр Александрович, что тебе было бы настоятельно необходимо для пользы дела оставить фабрику. С предложением Андрея Андре-

---

[1]) Гайдуков—банкир, один из директоров «Русско-Сербского Дружества», при посредстве которого Врангель продал ценности, хранившиеся в Петроградской ссудной казне.

[2]) Кубанский «атаман».

евича согласен; конечно, необходимо захватить в орбиту нашего начинания больше (будь то американские или русские—это вопрос второго порядка) деньги. Это неоспоримо. Конечно, надо поехать в Берлин и, быть может, к чорту на рога, но создать большой финансовый план и фундамент — это тоже неоспоримо. Надо иметь в руках бумагу, на которой можно писать векселя, а на голой... их никто не пишет. Я поеду хоть на край света за манящим Андрея Андреевича золотым руном (ох, как он увлекается и мало знает Западную Европу), но поеду только тогда, когда на той стороне будут уже наши люди, нам подчиняющиеся, выполняющие наши директивы, действующие во имя диктуемой им нами идеи—и связанные с нами. Это так ясно и неоспоримо, что впредь ему вовсе не следует писать мне на эту тему. Сейчас для него очередная короткая задача—не миллионы и не международные договоры, а всего только сто тысяч. И вот на эти-то сто тысяч мы сделаем вексельную бумагу на сотни миллионов—не достанет он этих ста тысяч,—и мы политические и военные банкроты. Я уже потерял надежду, что он добьется успеха, и потому прошу твоего властного вмешательства в это дело. Надо, непременно надо, ударить — от удара по Гайдукову посыпятся искры из глаз у всей братии. Вместе с искрами посыпется и то, что нам необходимо, как воздух. Иначе крах. Необходимо, Александр Александрович, подыскать для меня серьезного заместителя здесь. После отправки наполненной шкуны я немедленно выеду. Это может быть после 20-го числа. На время моего пребывания в Сербии твое присутствие там необходимо. Прошу тебя, Александр Александрович, ускорь высылку ставропольцев во главе с Петром Никитичем Сычевым. Для получения нами оружия: винтовок, ручных гранат и пулеметов—необходимо, чтобы Кутепов или Витковский (только бойся Штейфона или Архангельского) послали теперь же телеграмму на имя Начальника Гвардейского Отряда полковника Христофорова (Лович) и Началь-

ника Александровского Училища ген. Бурова (Свищев). Содержание телеграммы должно быть таково: «Удовлетворите полностью ходатайство Драгневича». Мы же возьмем оттуда несколько десятков винтовок, столько же ручных гранат и 3—4 пулемета. Оружие им не нужно. Оно пропадает. Здесь, Александр Александрович, от добровольческого корпуса остались только отдельные офицеры. Ни корпуса, ни вообще какой-либо военной организации нет и в помине. Это вина барона и Кутепова, струсивших использовать эти подавляющие силы для переворота в Болгарии. За это их и разгромили. Вслед за организационным распадом они в кратчайший срок распались морально и в данное время,—нет ничего. Несколько десятков тысяч динар (в запечатанном конверте) можно спокойно послать с Власовым. Пусть зашьет в сапог. Итак, всего доброго. Жму руку. Помогай бог. Твой Виктор Покровский 10—X—22. Варна».

Сообщая об этом письме, «Победа» добавляет: «Еще не замолкли отзвуки прежних крупных врангелевских афер, как болгарскими властями открыта новая организация, во главе которой стоял ген. Покровский, находящийся в Варне. Раскрытие новой аферы вполне подтверждает характер и цели организации и полковника Самохвалова. Как и было выяснено раньше, скрытая цель этой организации—переворот в Болгарии. Имеются полные и категорические подтверждения от самих участников десантной организации, что она действительно существовала и имела целью осуществить десант в широком масштабе, привлекши к участию контингенты, расположенные в Болгарии. Место предполагавшегося десанта—юг России, главным образом Кубань. Арестованные болгарскими властями врангелевцы—Буряк и Драгневич,—признали, что рапорт [1]) являлся подлинным. Драгневич заявил, что когда он был в Ловиче, то слышал, что Врангель готовил переворот в Болга-

[1]) Приведенное выше письмо Покровского.

рии». «Новини» — орган болгарских земледельцев, кроме того, сообщает: «В связи с этим рапортом, болгарскими властями в Варне был арестован Драгневич, офицер для связи с добровольческим корпусом Врангеля и заведующий доставкой оружия от врангелевских частей для десанта. У него обнаружен сербский паспорт № 292 от 3 октября, выданный сербским консулом в Варне Ал. Боловичем, как сербскому подданному, служащему в Болгарии. Кроме того, арестованы: полк. Ф. Н. Буряк, временно исполняющий должность н-ка штаба десантной операции ген. Покровского, полковник Бабкин, начальник моторной лодки «Хр. Ботев» (та самая лодка, о которой говорится в рапорте Покровского) и ген. Золотаревский. У всех них также оказались сербские паспорта. Обнаружены шифрованные телеграммы, подававшиеся через репарационную комиссию (в Софии) на имя некоего Максимовича. После раскрытия шифра выяснилось, что в них сообщалось об от'езде в Варну ген. Улагая, главного организатора русских контр-революционеров в Константинополе».

В этой работе русская белогвардейщина находила реальную поддержку и моральное одобрение в среде болгарской военщины и буржуазии.

Связь болгарских буржуазных партий с деятелями русской белогвардейщины подчеркивает «Работнический Вестник» в статье «Предатели на работе». «Со всей страны,—пишет газета,—получены известия об интимных связях между штабами народно-прогрессивной партии и демократов с русскими помещиками и генералами. Эти связи необыкновенны. «Народняки» и демократы устраивают политические совещания, собрания с участием русских помещиков и генералов. В этих собраниях, конференциях и совещаниях держатся речи против Советской России и за восстановление монархической России, против коммунистов, равно, как и «дружбашей» (земледельцев), которые считаются большевиками новейшего типа, за новую войну против Советской России. Старые подхалимы в союзе с русскими помещиками

и генералами готовят заговор против свободы и мира болгарского народа. Те, которые не пользуются никаким доверием народных масс и, следовательно, не могут взять власть при поддержке народа, ищут чужую помощь и не останавливаются перед преступным замыслом добраться до власти при посредстве чуждой вооруженной силы, готовые после того бросить болгарский народ в новую авантюру и позорнейшую братоубийственную войну против русского народа». («Работнический Вестник» № 222, за 1922 год) [1]).

Болгарская буржуазия открещивалась от альянса с Врангелем. Она не могла признаться в том, что в своих стремлениях захватить государственную власть ей пришлось бы опираться на штыки иноземных солдат. Однако, договор взаимной дружбы между блоком болгарской буржуазии и русской белогвардейщиной остается фактом. Дальнейшее поведение Врангеля и его штаба в то время, когда власть уже находилась в руках болгарской военщины—опоры помещичье-буржуазного класса,—не оставляет никакого сомнения в истинном характере отношений обеих сторон этого договора дружбы.

«Этот договор дружбы» в достаточной степени об'ясняет те горячие симпатии, которыми пользовались врангелевская военщина и реакционная русская общественность в болгарских буржуазных кругах.

Опирающаяся на круги болгарской буржуазии русская реакция не нашла отклика и сочувствия в болгарских трудящихся массах. Предпринятая ею кампания против Советского Представительства не могла оказать на рабочие и крестьянские круги болгарской общественности никакого влияния. Болгарская Коммунистическая Партия, как организация революционного пролетариата, естественно, не могла не отнестись

---

[1]) Целый ряд данных, устанавливающих этот альянс, находится в материалах к запросу Ком. партии в парламенте об армии Врангеля.

сочувственно к репатриации русских беженцев в Советскую Россию. Об этом свидетельствует, как «Союз возвращения на родину», «опиравшийся на сочувствие и моральную поддержку БКП», [1]) так и резолюции с'езда казаков в ноябре 1922 г. [2]).

Точку зрения Болгарского Земледельческого Союза, организации болгарского мелко-буржуазного крестьянства, на репатриацию русских развил представитель этого Союза Аврамов на том же казачьем с'езде: «Ныне великая Россия,—говорил он,—перенесшая после 17-го года грозные потрясения, выходит на путь могучего создания и строительства, и вы, братья русские, в этот час, более чем когда-либо, нужны там, в России. Вам необходимо ехать в Россию, всегда одинаково великую для Болгарии. Идите и твердо держите власть в своих трудовых руках. Не нужно ни царей, ни министров, пусть правит тот, кто работает на полях и заводах». Эта точка зрения Болгарского Земледельческого Союза отразилась на отношении земледельческого правительства Болгарии к борьбе демократического беженства с реакционной врангелевщиной.

Среди беженцев предпринятая русской реакцией против Представительства Р. О. К. К диверсия имела результаты, совершенно противоположные тем, какие от нее ожидались. Приезд в Болгарию миссии Красного Креста показал массе беженства, что Советское Правительство стало на путь конкретного разрешения беженского вопроса и применения амнистии. Это еще более вдохнуло в беженцев желание поскорее возвратиться на родину лойяльными гражданами Советской Республики, какими себя осознало уже беженство, и показать миру свою политическую физиономию—врагов белогвардейских авантюристов. Это значение появления миссии Р. О. К. К, как официального Представительства Советской Республики в Болгарии, должно

---

[1]) Цитир. брош. стр. 5.
[2]) См., стр. 43.

быть выдвинуто в истории балканского беженства на первое место. Несомненно, и это доказывает история жизни беженства в последующий период, не только репатриационные стремления углубляются в среде трудовой массы беженства и охватывают другие слои беженской массы, но беженство открыто заявляет о признании им Советской власти и разрыве с белой контрреволюцией.

III. „Советизация“ беженства.

29 октября 1922 года появляется декларация бывших генералов, игравших большую роль в стане белых—обращение их «К войскам белых армий», где они пишут:

«Боевые наши соратники! Настоящим обращением мы оповещаем всех вас, что отныне мы признаем в качестве Российского Правительства нынешнее Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и готовы перейти на службу в Российскую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Мы все даем обещание быть лойяльными гражданами Советской Республики и честными солдатами ее революционной армии. Гражданская война и годы эмиграции наглядно показали, что идеология белого движения потерпела полное крушение, потому что по существу своему являлась глубоко антигосударственной и противонародной. Выброшенное в эмиграцию белое движение выродилось в ряд авантюр, лишенных какого бы то ни было идейного содержания. Зародившееся под лозунгом спасения отечества, белое движение уже давно является ярко выраженным движением против России. Особенно показательной и требующей сурового осуждения является деятельность барона Врангеля, для которого несчастное положение беженских масс и бывшей армии является источником власти и который не оставляет попыток возобновить вооруженное нападение на

Россию. Врангель не только являет собою угрозу мирной жизни в России, но и торгует русским оружием, носить которое мы почитали своей гордостью. Мы наблюдаем русские войсковые части на службе у государств, не состоящих с Россией ни в союзе, ни в дружественных отношениях. Несомненным преступлением против России является удар в тыл Российской Красной армии в период наступления ее на поляков, преступным является и настоящая готовность Врангеля бороться против Новой России на стороне ее врагов. Мы не можем ни сочувствовать, ни нести ответственность за этот авантюризм. С другой стороны, нужно признать, что пятилетнее существование Советской власти свидетельствует о том, что эта власть признана русским народом и пользуется его всемерной поддержкой. Доходящие до нас из России сведения определенно говорят о том, что наша родина вышла из полосы первоначального революционного хаоса и вступила на путь творческой созидательной работы. На международной политической арене Советское Правительство является единственным защитником интересов России и ее государственного суверенитета. Международное положение Советской России укрепляется с каждым днем, но для обеспечения мирного процветания нашей родины она нуждается в постоянной, стойкой армии, для успешного строительства и воспитания которой важен каждый дельный солдат и офицер.

Поэтому мы считаем преступлением перед народом русским сидеть в эмиграции, когда наша родина нуждается и ждет от нас помощи. Мы убеждены, что это сознание побудит каждого честного эмигранта целиком согласиться с нашей позицией и последовать нашему примеру—возвращению в Россию.

Солдаты, казаки и офицеры, вы знаете отдельно каждого из подписавших настоящее обращение, вы знаете нас по совместной боевой работе в течение целого ряда лет—поэтому мы обращаемся к вам с призывом: не теряйте времени, следуйте нашему примеру.

Возвращайтесь к родным полям и очагам для дружной работы на пользу нашей родины. Верьте же нам: единственным побуждением, которым мы руководствуемся в нашем решении—является искреннее желание помочь нашей родной России. Мы предпочитаем открытое признание своих прошлых ошибок прозябанию в эмиграции. Мы открыто осуждаем все попытки сформировать и отправить в Россию десант, разведывательные партии и отдельных агентов для поднятия восстаний, как это имеет место сейчас в пределах Балкан. Ни одного солдата, ни одного офицера на новую авантюру! Мы уверены, что наш пример увлечет за собою всех наших честных боевых соратников. Да здравствует же Революционная Советская Россия, великая наша Родина!»

15 ноября другая партия б. генералов и офицеров пишет: «К войскам бывших белых армий».

«Смелый призыв генералов Секретева, Гравицкого, Клочкова, Зеленина [1]) и др., открыто порвавших с белым лагерем, честно признавших свои прошлые невольные ошибки и заявивших горячее желание работать по мере сил для блага и счастья Новой России в рядах ее революционной Рабоче-Крестьянской Красной Армии,—отозвался сочувственным эхом в сердцах всех честных русских солдат, находящихся в эмиграции. Мы, нижеподписавшиеся, б. офицеры белых армий, вполне разделяем все положения, изложенные в упомянутом выше воззвании. С горечью мы должны сознаться, что мы являемся жертвами подлых авантюристов, спекулировавших на наших головах и на нашей крови строивших свое благополучие. Мы открыто признаем Советское Правительство единственной законной Российской властью, признанной народом и им поддерживаемой. Мы все проникнуты горячим желанием скорее слиться с Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армией, ей одной отдать все свои силы и способности».

---

[1]) Подписали первое воззвание.

4 февраля 1923 года новая офицерская декларация: «К войскам белых армий», в которой между прочим говорилось:

«Мы знаем, что большинство офицеров белых армий — дети трудового народа и, естественно, не могут быть врагами трудящихся. Только сила исторически неблагоприятно сложившихся обстоятельств в начале Октябрьской Революции отбросила нас в стан белых...

Очутившиеся в стане белых с самого начала бессмысленной гражданской войны, мы сразу оторвались от нашей родины, потеряли всякую связь с нашим народом и, толкаемые к новой авантюре, невольно творили позорное дело измены против родного народа. Не наученные горьким опытом Новороссийска, где мы видели только заботу наших былых начальников и правителей о себе и своем добре, еще в Крыму, под влиянием односторонней лживой информации, мы полагали, что творили великое национальное дело. На самом же деле помогали Польше в захватных стремлениях отторгнуть искони принадлежавшее русскому народу достояние российского государства. Ныне в изгнании, в более спокойной обстановке за границей, узнав и испытав лично трудовую жизнь чернорабочего и эксплоатацию его труда в современном капиталистическом государстве и ближе ознакомившись с истинным положением в России, мы поняли грубую ошибку борьбы против родного народа и весь ужас содеянного нами.

Здесь за границей, мы увидели всю лживость «осваженной» [1]) печати и пришли к сознанию, что в течение всего периода кровопролитной гражданской войны мы вкладывали свой предательский меч в зиявшие раны родины, мешая ей восстать со своего страдальческого ложа. Наступил третий год с тех пор, как последний выстрел гражданской братоубийственной войны заглох в Крыму. Мы—за границей—бесправные беженцы;—в России идет постройка новой государственности. За этот

[1]) «Осваг» — учреждение, ведавшее пропагандой в армии Деникина.

период уже изжиты непосредственные впечатления гражданской войны, и русский народ первый протягивает руку прощения эмигрантам, открыв широкую дорогу на родину нам, вольно и невольно обманутым сынам, которые искренно сознали свои ошибки и честно готовы послужить Новой России. Солдаты, казаки и офицеры белых армий, мы, старые ваши начальники и соратники по прежней службе в белой армии, призываем вас всех честно и открыто порвать с вождями белой идеологии и, признав существующее на родине правительство Р. С. Ф. С. Р,—смело ехать на родину. Ориентирующиеся на кого угодно, только не на интересы родины, Врангели, Кутеповы и проч. вожди белого движения ищут только случая, чтобы послать вас вновь творить каиново дело против родины в союзе с врагами России—на новую авантюру, чтобы восстановить свое прежнее положение и власть помещиков и капиталистов. В то же время Советская власть, при полной поддержке всего народа, шаг за шагом отвоевывает достойное положение нашей родины у международных хищников и укрепляет незыблемость границ и территории российского государства.

«Боевые наши соратники, каждый лишний день нашего прозябания за границей отрывает нас от родины и дает повод международным авантюристам строить свои предательские авантюры на наших головах. Мы должны решительно отмежеваться от этого низкого и подлого предательства нашей родины и в ком не заглохло чувство любви к отчизне, быстрее присоединиться к трудящимся России».

О том же настроении, о разрыве с белым прошлым и о стремлении возвратиться в Россию лояльными гражданами Советской Республики говорит воззвание моряков:

«Более двух лет прошло с тех пор, как мы покинули родные берега. За это время мы имели возможность в полной мере убедиться в коварстве наших былых союзников и в лживости и продажности белых вождей и правителей. Уведенный при нашем преступ-

ном содействии, флот приходит в негодность без экипажей и ухода. Им незаконно и безвозмездно пользуются и за бесценок его распродают при молчаливом попустительстве Врангеля. Мы сами выброшены на берег, наши товарищи в России остались без работы. Сейчас—довольно колебаний, оглядываний и шатаний. Перестанем отягощать нашу вину преступным молчанием и громко скажем: 1) мы обращаем внимание всех на незаконный захват российского флота, 2) мы протестуем против его распродажи и пользования им помимо разрешений Советской власти, 3) мы требуем его возвращения России и уплаты денег за пользование тоннажем, 4) мы предостерегаем товарищей моряков не облегчать своими исками и притязаниями возможности перехода русских судов под иностранный флаг. Мы зовем всех моряков об'единиться на платформе признания Советской власти, как единственно законной. Все на Родину!».

Показателен в смысле резкого разрыва с белым прошлым и советского настроения трудовых беженских масс упоминавшийся уже с'езд казаков в Софии, на котором было представлено более четырех тысяч трудовых беженцев. При этом нужно отметить, что это казачество составляет 75—80% всей беженской массы Балканского полуострова. Таким образом резолюции, принятые с'ездом, красноречиво говорят о настроении трудовых масс беженства. Декларация казачества не оставляет никаких сомнений в истинных стремлениях трудового беженства: «С'езд от имени представляемых им четырех тысяч четырехсот казаков считает необходимым заявить следующее: зарубежное трудовое казачество, давно осознав свою роль в прошлом как простого орудия в руках всероссийской контр-революции и твердо решив покончить с таким положением, признает себя гражданами Р. С. Ф. С. Р и подчиняется безоговорочно единственно законной существующей в России Советской власти, осуществляющей национальную задачу собирания воедино государства российского и

охрану его интересов в международных отношениях и не склоняющей в то же время интернационального знамени освобождения трудящихся масс всего мира от рабства и эксплоатации, привлекая тем к себе горячую любовь и симпатии народных низов всего мира, и поднимая тем самым престиж русского имени на небывалую до сих пор высоту. Считая, что дальнейшее пребывание вне пределов России будет давать возможность реакционным силам использовывать вопреки воле и желанию казачества наличие казачьих масс для авантюристских преступных попыток борьбы с Советской Россией, с'езд полагает гражданским и политическим долгом зарубежного казачества приступить к осуществлению мысли о возвращении на родину. Своей твердой решимостью вернуться в пределы Советской России казачество окончательно порывает с врангелевской белогвардейщиной и сознательно наносит решительный удар врангелевской реакции, увлекая из ее вооруженных рядов за собой под знамена Красной Рабоче-Крестьянской Армии Р. С. Ф. С. Р. кадры бывшей белой армии. Заканчивая свои работы, с'езд призывает всех честных русских граждан, находящихся вне пределов Родины, понять свой долг и вступить на этот путь, который давно избрало казачество и оформило его на настоящем с'езде. Тем, кто не смог участвовать в с'езде и выявить свое стремление—стать гражданами Советской республики, — с'езд пишет в «Обращении к зарубежному трудовому казачеству»: «Общеказачий земледельческий с'езд в Болгарии обращается к вам, трудовые казаки эмиграции, которые не смогли послать своих делегатов, вследствие репрессий и препятствий вашего бывшего начальства, продолжающего держать власть над вами в своих руках.

С тех пор, как Врангель со своими сподвижниками, Кутеповыми, Шатиловыми, казачьими атаманами и проч. был выброшен детищем русского народа, Красной Армией, из пределов России, прошло два года. Два года вы, казаки, скитаетесь на чужбине, переживая и передумывая прошлое и гадая о будущем. И уже

давно душой вы покинули белый стан. Ни лживые речи «главнокомандующего», каждый месяц обещавшего вам победоносный поход на Россию, ни фальшивые взывания к казачьей доблести «атаманов», пресмыкающихся у ног Врангеля, ни десанты с целью снова поднять гражданскую войну в России—ничто уже не может скрыть истину, обмануть вас и увлечь на старые пути. Уже давно стало ясно вам всем, что враждовать с Советской Россией долее и бессмысленно и преступно, что отказ от прежних ошибок и признание Советской власти и примирение с нею—есть долг каждого честного русского, находящегося за границей. И все то, что накопилось в душе у каждого, что каждый вынашивал в груди своей, таясь и прячась от соседа, пора все это и вам высказать громко, принять решение и проводить его в жизнь. Довольно нам быть эмигрантами, бесправными отщепенцами родины нашей, бездомными бродягами в глазах соседних народов и всего мира. Пора осознать себя сынами новой, в революции рожденной России, пора вам, казакам, признать себя гражданами Р. С. Ф. С. Р, пора возвращаться на родину. И не под звуки царского гимна, распеваемого помещичьими голосами, как мечтает белогвардейщина, не в дружном союзе с соседями, отхватившими от России куски ее тела и трепещущими теперь за добычу свою, не с танками европейских империалистов, вожделеющих согнуть Россию под ярмо мировой эксплоатации капитализма. Нет. Наш путь на родину, отряхнувши с наших ног прах белого прошлого. Наш путь на родину, отвернувшись с презрением от белых авантюристов, поддерживаемых всемирной реакцией, не прощающих Советской России ее борьбы за освобождение трудящихся масс всего мира. Становитесь же на этот единственно правильный путь, все казаки. Решайтесь, кто еще колеблется, отбросьте ваши сомнения, если они у вас есть, забудьте обиды, если вы их претерпели, помня, что и сами мы грешны немалыми обидами, нанесенными нашими руками.

Там—возрождающаяся на трудовых основах жизнь и крепнущая новая Россия, здесь—мерзость духовного запустения и гниль беззубого авантюризма, спекулирующего казачеством на всемирной политической бирже. Наш лозунг: «Назад в Россию!». Ни один честный казак не должен оставаться вне пределов ее. Долой эмигрантство! Да здравствует великая родина наша Советская Россия!»

Свое отношение к так называемым атаманам и правительствам с'езд высказал в следующей резолюции: «Общеказачий земледельческий с'езд, обсудив вопрос о деятельности так называемых казачьих атаманов и правительств за границей, находит: 1) Существование за границей казачьих правительств во главе с атаманами, претендующих господствовать над казаками, в качестве носителей высшей государственной власти Дона, Кубани и Терека, является совершенно абсурдным, так как эти бывшие государственные образования ныне вошли в состав Российской Советской республики. 2) Те лица, которые в данное время именуют себя казачьими атаманами и членами казачьих правительств, являются не более, как кучкой самых бессовестных авантюристов, никем за официальных лиц непризнанных, преследующих одну цель—обеспечение себе, на возможно продолжительное время, сытого и довольного существования за счет захваченного ими в свое бесконтрольное распоряжение имущества и денежных сумм, принадлежащих российскому правительству или частным лицам. 3) Для доказательства перед иностранными правительствами права распоряжения захваченными казачьими и российскими государственными деньгами и имуществом, эти лица делают вид, будто имеют попечение о беженцах-казаках. В действительности же они никакой помощи казакам не оказывают и всячески стремятся задержать казаков на чужбине, руководствуясь в этом своими личными интересами и реакционными политическими стремлениями, тождественными с идеологией Врангеля, в отношении к которому атаманы и прави-

тельства играют служебную роль. Общеказачий земледельческий с'езд, выражающий мнение трудящихся казаков, признавших себя гражданами Р. С. Ф. С. Р., заявляет, что интересы трудового казачества диаметрально противоположны интересам кучки лиц, которые, отчасти на основании бывших у них раньше должностей, а отчасти самозванно, именуют себя правительствами и атаманами и которые, являясь неправомочными держателями казачьих и российских ценностей, расхищают их на свои личные надобности. С'езд заявляет, что эти лица не являются выразителями настроений и воли казачества и, обращая на их деятельность внимание правительств тех государств, где они сейчас находятся, настаивает на конфискации всех тех денег и всего того имущества, которое еще не расхищено, и на передаче их законному владельцу—Р. С. Ф. С. Р. Дальнейшее оставление этих капиталов в руках кучки авантюристов грозит, между прочим, и общественному спокойствию тех государств, где находятся беженцы казаки, так как «казачьи правительства», с помощью имеющихся в их распоряжении средств, организуют на чужих территориях выступления против России, устраивают террористические акты против неугодных им политических деятелей, возбуждают беженские массы путем печатной и устной агитации против тех правительственных распоряжений, которые направлены к обузданию преступной деятельности авантюристов. Лишение денежных средств обезвредит так называемые казачьи правительства и вместе с тем даст возможность трудящимся казачьим массам более спокойно, не испытывая на себе никакого давления, приступить к разрешению вопроса о возвращении на родину».

Авантюры белогвардейской контр-революции получили оценку в обращении с'езда к председателю болгарского Совета министров и Болгарской Коммунистической партии:

«Изгнание преступных авантюристов, готовивших на территории Болгарии нападение на Советскую Россию

и мечтавших о захвате власти в самой Болгарии, разрушение военных организаций белых генералов—окончательно раскрепостило контингенты бывшей белой армии, и в особенности казачество, от уз, наложенных на него организованной в военную силу российской контрреволюцией. Пользуясь плодами этого раскрепощения, казаки-земледельцы, находящиеся в Болгарии, смогли свободно приступить к разрешению вопроса о своем дальнейшем пребывании в эмиграции. С'езд, собравшийся для разрешения этого вопроса, выражает свою глубочайшую признательность болгарскому правительству и заявляет, что из памяти трудового казачества никогда не изгладится услуга нынешнего земледельческого правительства Болгарии, окончательно расковавшего тяготевшие на казаках цепи белогвардейской реакции и тем активно приблизившего момент возвращения их к себе на родину».

В приветствии болгарской коммунистической партии с'езд говорит: «С переселением громадного числа русских беженцев на Балканы, русская реакция решила использовать Болгарию в качестве базиса для создания военных сил, направленных против Советской России. Помещичьи и капиталистические верхи решили использовать оплот реакции—вооруженную организацию Врангеля—в целях поднятия и поддержки в России новой гражданской войны для нового угнетения трудящихся масс. Штабы Врангеля для этой цели держали закрепощенной массу русских людей, запугивая ее судами, дикими расправами, контр-разведками и казнями. Общеказачий земледельческий с'езд, поставивший задачей своей—раскрепощение казаков и солдат бывшей армии Врангеля от тлетворного влияния штабов, исполнителей воли монархической реставрации, встретил отклик и сочувствие в среде трудящихся болгарских масс, организованных в Болгарскую коммунистическую партию.

Кампания, поднятая против гнусных штабов Врангеля и казачьих правителей «Работническим Вестником»

и парламентской группой Б. К. П., а также внушительные митинги протеста, устроенные Ц. К. и местными комитетами партии, поддержали борьбу против столпов русской реакции,—и в Болгарии российская реакция повержена во прах».

Точка зрения эс-эров, высказанная ими в «Днях», что казачий с'езд имел чисто разведывательный характер, опровергается наказом с'езда делегации, отправляемой в Россию, где подчеркивается ее чисто декларативные задачи. «Общеказачий земледельческий с'езд от имени зарубежного трудового казачества поручает делегации всюду заявлять всем государственным и административным учреждениям, общественным и политическим организациям и народным массам, особенно Дона, Кубани и Терека, что казачья эмиграция живет теми же чувствами, что и российское казачество; что, живя до сих пор за границей, казачество уже давно порвало с реакционными кругами белогвардейской атаманщины и врангелевщины и стало на путь слияния с народными массами родных краев, мысля себя только гражданами рабоче-крестьянской Р. С. Ф. С. Р.; что оно стремится поскорее возвратиться на родину для того, чтобы соединенными силами всех граждан мирно строить жизнь новой России и участвовать в разрешении ее национальных задач. Делегация должна информировать как местное население, общественные и политические организации, так и государственные и административные органы о жизни и задачах зарубежного казачества и информироваться о всех сторонах российской жизни».

Наиболее важным моментом с'езда, несомненно, является решение вопроса об отношении трудового беженства к Советской власти в России и к реакционно-белогвардейским группам эмиграции, а также политическое обоснование своих репатриационных стремлений. Голос трудового казачества заставил замолкнуть Врангеля, похвалявшегося выставить 50 тысяч штыков и сабель «верного ему казачества» на борьбу с Совет-

ской Россией, положил предел и мечтам эс-эров об организации «революционной демократической» армии из эмигрантского казачества, которую под верховным водительством испытанного в боях главкома Керенского рассчитывали бросить на «одоление власти большевиков». С'езд, на котором представлено было небывалое для эмигрантских с'ездов число сочувствующих, положил предел басням о настроении трудовой казачьей массы, раздававшимся как справа, так и слева. Слева эс-эры и их эпигоны, казачьи демократы из «Союза Возрождения Казачества», рассматривали казачью массу, как монолит, который в будущей России (ведь эмигрантская интеллигентщина не знает России, она живет идеей «будущей России») создаст «новую Россию, одинаково далекую как от ненавистного прошлого, так и от коммунистической аракчеевщины настоящего» (Зензинов). Стремление возвратиться в Россию об'яснялось обычною тоскою по родине, тяготением к дому, где «дым отечества нам сладок и приятен». В этом процессе отрицался элемент политический (Орган «Союза Возрождения Казачества»—«Казачья Лава»). За границей «здоровое чутье,—пишет, напр., Зензинов,—подсказало казакам все необходимые политические выводы из тяжелого, доставшегося дорогой ценою опыта. И как ни тяжко для казачества его вынужденное пребывание на чужбине и отрыв от родины, можно смело сказать, что ни для кого из всей многоликой русской эмиграции это пребывание за границей не будет так плодотворно, как именно для казачества. Они и здесь, в чуждой им обстановке, продолжают оставаться крепко сплоченной массой, которую не удастся разложить—несмотря на все старания—ни монархистам, ни большевикам, ни сменовеховцам. И нет сомнений, что, вернувшись в Россию, они вместе со всей демократией будут строить новую Россию», характер которой описан выше [1]).

[1]) Зензинов. «Казачество в эмиграции». «Дни» № 26 от 29 ноября 1922 г.

Правые смотрели на трудовое казачество как на сословие, верноподданное его величеству.

Бывшие ранее с'езды зарубежного казачества, происходившие под знаком лакейской угодливости «атаманской власти», выносившие резолюции—«как прикажут их превосходительства»—рады, сформированные авантюристами казачьей политики для достижения своих целей, выносившие резолюции согласно желаниям своих водителей, неустанно твердили, что казачество непримиримо настроено по отношению к Советской власти, что оно не мыслит себе возвращения иным, как с оружием в руках, для уничтожения Советской власти огнем и мечом. Пресса известного направления, являющаяся выразительницей идеологии воинствующей клики, стремящейся возродить в России былые порядки господства генеральско-помещичьих верхов методами новой гражданской войны, подголоском заливалась на все лады, идеологически обосновывая угодные «атаманам», «правительствам», штабам и пр. и пр. «решения казачества».

И вот казачество высказалось.

Казачество, представляющее трудовое *беженство*, давно уже сознало, что оно было только орудием в руках российской контр-революции, стремившейся снова подчинить трудовые массы помещикам и капиталистам.

Зарубежное трудовое *беженство* двухлетнею борьбой раскрепостило себя, об'явило себя гражданами Р. С. Ф. С. Р. и тем признало государственно-разумной только систему Советской республики. Свое стремление репатриироваться *беженство* обосновывает не тягою домой, не мотивами индивидуального порядка. Своим гражданским долгом с'езд почитает осуществить мысль о репатриации потому, что этим вырывается у российской реакции возможность оперировать именем *беженства* в ее преступных планах.

На-ряду с начавшейся репатриацией, наиболее ярким выражением этого периода является, таким образом, возникновение «советского гражданства» в недрах *бе-*

женства. «Советские граждане» из беженцев множатся. Это—люди, которые сознательно переводят себя из состояния беженцев «от Советской России» в разряд ее сынов. Это—не только репатрианты, ибо свой переход на платформу Советской России они не связывают с обязательным и немедленным возвратом в Россию. Кружок лиц, группировавшихся вокруг «Новой России», поставил задачей соединить эти советские элементы, созревающие, но разбросанные и раз'единенные, несвязанные между собой. В процессе выполнения этой задачи возникла идея организации «советской общественности». Исторические условия болгарской жизни начала 1923 года не дали, однако, возможности претворить эту идею в жизнь, и дело дальше начальной организационной стадии не пошло.

Группа «Новой России» так определила задачи этой общественности: «Две главнейшие задачи стоят перед этими сооветскими элементами. Первая—парализовать на всех путях враждебную работу против Советской России, ведущуюся со стороны эмигрантской организованной контр-революционной общественности. Второй не менее важной задачей будет систематическая работа над устранением в среде других народов тех предрассудков, предубеждений и антипатий, которые накопились против России в результате как прошлого режима, так и мировой войны и революции. Но эту свою положительную роль советские элементы из эмиграции могут выполнять, только сорганизовавшись. Организация советской общественности в недрах эмиграции—вот очередная назревшая задача, повелительно диктуемая жизнью и положением» [1]).

Так в процессе оформления своего политического сознания *беженство* от пассивного признания себя советскими гражданами переходит к стадии активной работы в интересах Советской Республики. Этот момент в истории беженства заслуживает быть отмеченным особо

[1]) «Новая Россия», № 35 от 28 января 1923 г.

по двум основаниям: помимо того, что беженство создавало идеологический фронт борьбы с эмигрантской контр-революцией и европейской враждебностью к Советской Республике, оно переходило через позиции, занятые «сменовеховцами», чем органически связывало себя с советским строем. Оставление белого лагеря, примирение с Советской Россией и Советской властью в рядах эмиграции протекает по двум идейным руслам. Одно суммирует мотивы национально-государственные, другое—мотивы социально-политические. Мотивы национально-государственные сводятся к тому, что революция и большевизм, как активнейшая сила ее, воссоздали государственное единство и мощь России, успешно работают над воссозданием ее международного влияния и престижа и постепенно возвращают ее на путь ее исторических устремлений—продвижения к Босфору гегемонии в славянстве, нажима на Индию в спорах с англосаксами, пробивания путей к открытому морю и т. д.

Все грехи Советской власти—вещь преходящая, с течением времени эта власть обомнется, оботрется, проделает эволюцию, освободится от своих «юношеских» увлечений и налетов революционного времени, от своего классового происхождения и постепенно обратится в «настоящую», национальную государственную власть.

Совсем иной процесс происходит в другой части эмиграции, приводящий ее к стремлению вернуться в Россию. Этим процессом охвачены, главным образом, низы эмиграции, а также все те интеллигентские круги, которые эмиграция опролетаризировала, поставив их в условия простого, трудового, рабочего существования. Рудники Перника в Болгарии и битье камня на шоссейных дорогах в Сербии сделали многих и многих из непримиримых врагов власти Советов восприимчивыми даже к элементам «азбуки коммунизма». В этой части эмиграции эволюция заключается в восприятии идеи трудовой государственности и власти трудовых классов в ней, как основного принципа построения

всей общественно-политической и хозяйственной жизни. И признав внутренне, для себя, трудовое начало в государственной жизни, а власть труда в национальном и интернациональном масштабе—высшим направляющим началом, порожденным революцией, они естественно разрывают духовно с эмиграцией и стремятся воссоединиться с Советской Россией физически. Для этой части Россия ценна становится не только тем, что она—Россия, но именно тем, что она—Советская. Ставши в это русло, человек занят не тем, чтобы исчислять времена и сроки, в течение которых Советская власть «будет изжита» в своих советских особенностях и войдет в нормальное русло, а, наоборот, втягивается в те проблемы, которые возникают из необходимости преобразовать и приспособить существующую действительность к тем творческим принципам, которые заложены в идее «власти Советов». Этот процесс кардинально подвергает переделке и переработке психику и идеологию людей, охваченных им, и ведет ко все более глубокому и всестороннему восприятию советской идеи. Такой процесс в отличие от «сменовеховства» с полным правом можно назвать процессом «советизации» эмиграции. Процесс советизации идет параллельно и на-ряду со сменовеховским, но к совершенно иным конечным результатам. Для очень многих, охваченных процессом советизации, переходным этапом является сменовеховство [1]).

IV. Эмиграция и беженство.

Стремление *беженства* — возвратиться на родину гражданами Советской республики, воспринявшими всю новизну принципов трудового государственного устройства, резко отличает *беженство* от эмиграции. Эмиграция—это не беженство. Рядовое беженство стремится в Россию такую, как она есть, Россию трудовую, Россию советов. Трудовое беженство видит в Советской

[1]) М. Адамович. «Сменовеховство и советизация». «Новая Россия». № 87.

системе управления возможность организации государством защиты интересов труда и трудящихся масс. Эмиграция отмежевывается от существующей власти в России. Для нее нет России Советской. Есть Россия «будущая», в которой, по ее мнению, не будет той власти, из-за наличия которой пришлось эмигрировать и продолжать эмигрантское существование. Эта эмиграция всех оттенков политической мысли,—от рейхенгальцев до эс-эров,—незначительная по своей численности сравнительно с беженской трудовой массой, чувствует, что только эта последняя и может придать смысл ее существованию вне пределов Советской России.

Ибо, если вся *трудовая масса беженства* репатриируется, то останутся за границей на положении *эмиграции* только генералы, помещики, фабриканты и обслуживающие их политиканы и писаки, не желающие слиться в строительстве новой России с ее трудящимися массами, презирающие эти массы, гнушающиеся общения с ними. Вот почему эмиграция старается удержать трудовое *беженство* за границей. Вот чем об'ясняются запугивания беженцев тем, что происходит в России.

Несмотря на все уговоры черносотенно-генеральских кругов, несмотря на свидетельства различных «очевидцев-выходцев из России»—то родственников, то родственниц, «только что приехавших из России», уверяющих, что репатрианты—сумасшедшие люди, если едут на верную смерть в Советскую Россию, несмотря на страстную агитацию—от Врангеля до Виктора Чернова,—несмотря на все это, стихийное движение *беженства* на родину растет. «Казачьи Думы» [1]), «Русское Дело»[2]), «Русь»[3]),

---

[1]) Орган казачьих «атаманов и правительств» черносотенно-монархического направления.

[2]) Официоз «внепартийной армии» Врангеля. Создан на деньги монархистов и ими все время субсидировался.

[3]) Бульварный листок черносотенного направления, издающийся в Софии на средства Врангеля.

а за ними «Руль», «Казачья Лава» [1]) и прочая эмигрантская печать заверяли, что репатриация—дело «поголовщиков», получающих от 500 до 1500 лева «за голову» репатриируемого. Стихийное движение на родину беженской массы из Болгарии, Турции, Чехии, Юго-Славии и др. мест доказало всю вздорность пустой болтовни эмигрантщины. Если нельзя отрицать стихийного стремления на родину, то нужно все-таки, с точки зрения эмиграции, показать, что это явление дальше рамок психологических переживаний индивидуума не идет. Все эмигрантские группы,—от Врангеля до эс-эров—пересматривают основы своей тактики.

«Элементы чисто беженские, — пишет «Русское Дело», — неспособные к сознательному политическому подвигу эмиграции, стали отсеиваться от эмигрантов, знающих, почему и для чего они не в России, а за границей».

«Пора кончить с беженством,—заключает «Русское Дело»,—пора переходить на эмигрантское положение тому, кто может его «вместить», либо возвращаться на родину» (№ 296).

Ставка на *беженство* проиграна и совершается отход на ранее заготовленные позиции от беженства к эмиграции. Один из лидеров «республиканско-демократического» казачества, командированный пражскими эс-эрами в Болгарию для организации противодействия репатриации казаков, цинично заявил: «Ну что ж, казаков мы не удержим, но приложим все усилия, чтобы удержать студенчество, интеллигенцию». Тех, «кто может вместить». Тех, кто переходит, согласно «Русскому Делу», «из бытового положения—беженства в эмиграцию—состояние политическое». И вся эмиграция,—те, «кто может вместить»,—приветствует

---

[1]) Официальный орган «Союза Возрождения Казачества», тесно связан с пражскими эс-эрами, издается на их деньги. Представляет из себя «республиканско-демократический» орган эс-эровского склада со всеми характерными особенностями мелкобуржуазной идеологии.

вместе с «Русским Делом» «от'езд мертвых душ эмиграции, ложащихся на нее тяжелым, бесполезным грузом», ибо только теперь для эмигрантов, впервые со времени исхода из России, «откроется возможность планомерной организации и настоящей борьбы». А еще недавно то же самое «Русское Дело» кричало о 50.000 штыков и шашек, которыми располагает Врангель, а в Париже происходили совещания эс-эров из «Административного Центра» с видными военными специалистами о формировании из казаков «революционной армии». Масса ушла от эмиграции. Эта позиция сдана. Студенчество и трудовая интеллигенция уходят, и недалек тот час,—не день, даже,—когда падет и эта позиция. И тогда эмиграция ограничится совсем малым числом тех, «кто может вместить».

Пути *беженства* и эмиграции различны, и каждый определил свое направление: беженство вливается в трудовые массы Советской России, эмиграция, «обревшая возможность планомерной организации и настоящей борьбы» с трудовым народом продолжает за границей свою работу по созданию «антисоветского фронта».

Эмиграция, «та, которая может вместить» высокое назначение эмигрантского существования, не оставляла теоретического обоснования борьбы с Советской Россией, идеологии контр-революции. Почти одновременно прозвучал гимн контр-революции, провозглашенный столпами бурцевского Национального Комитета—*А. В. Карташевым* и *Д. С. Пасманником*. Карташев в газетной статье пишет о том, что только контр-революция, как реакция против существующей Советской власти, способна возродить в России национально-государственную идею. Пасманник, мысль которого не вмещается в рамках газетной статьи, выпустил «Дневник контр-революционера», в котором подробно развивает общую ему и Карташеву,—а скорее и всему Национальному Комитету,—мысль, сжато формулированную Карташевым. Теоретические бредни об организации борьбы с Советской властью, высказываемые обоими идеологами

белого движения, не рассчитанные на самую организацию борьбы («об этом в газетах не пишут,—заявляет Пасманник,—да я и не считаю себя авторитетом в этом вопросе»), подхватываются листками «боевого назначения» врангелевского штаба вроде «Галлиполи» и служат идеологическим обоснованием практической подготовки различных планов «главнокомандующего» о победоносном наступлении через Румынию на Москву. «Я—сознательный и непоправимый контр-революционер»,—пишет Пасманник. «Главная наша цель возбуждать в русской эмиграции энергию, необходимую для борьбы с большевизмом». «Мы, эмигранты, обязаны организовать борьбу с большевиками, мы должны ее начать, притом борьбу не словами, а делами». Единственная задача эмиграции по «Дневнику контр-революционера»—это организация активной—«не словами, а делами»—борьбы с Советской властью. «Возбуждение в русской эмиграции энергии на борьбу с большевиками»—это и есть призыв к новой гражданской войне. «В наше время нужно говорить ясные слова», и Пасманник их говорит. «Как надо добиваться свержения большевиков? Стачками с оружием в руках, т.-е. восстаниями». Теоретики белого движения подводят моральный фундамент под вербовку пушечного мяса авантюристами не словесной, а действительной контр-революции. Контр-революция, представляющая из себя, так же, как и революция, не самоцель, а средство, должна иметь определенные стремления и импульсы. Революция Октября своим импульсом имела интересы трудящихся классов, своею целью—установление рабоче-крестьянской власти и изменение старых социальных отношений. Какие цели ставит себе контр-революция? Карташев обрисовал ее отрицательные стремления: «контр-революция не тождественна с восстановлением безудержной реакции». Обычно со словами—политическая реакция—связывалось представление о мрачных временах самодержавия. Казалось бы, что в молчаливом обходе этого вопроса Карташевым, нужно искать этого же ответа. Но Пасманник после

долгой аргументировки заявляет: «Я не верю в российскую республику с нашей слабой буржуазией, с анархическим крестьянством и социалистической интеллигенцией. Законный порядок может быть легче установлен при монархической, чем при республиканской власти». Революция произошла потому, по мнению Пасманника, что массам были чужды «частная собственность, личная свобода, национальное самосознание, чувство законности, государственный интерес». Все это может быть установлено «легче при монархической власти». Вот цель, которую ставит себе контр-революция Пасманника, Карташева, «галлиполийцев» — установление монархической власти.

Вышедшая из лаборатории алхимиков контр-революции абстрактная теория будирования эмигрантской мысли на борьбу с большевиками в реальности претворялась в поиски источника, согласного поддержать военное выступление монархистов и их армейской силы—организации Врангеля против Советской России. Монархисты перестраивают свои ряды, и бросая немецкие монархические союзы, снова ориентируются на союзников. Берлинское «Время» (январь 1923 года) очень характерно рисует эту деятельность монархистов:

«6 ноября (1922 г.) в Берлине состоялось заседание президиума монархического совета. На заседании присутствовал бывший председатель совета Марков II, который обвинял совет в германофильстве. Заседание кончилось скандалом, а также и выходом из состава совета Маркова, Евгения Ефимовского, Локотя и сенатора Боткина. 8 ноября Марков выехал в Париж, начав работу по подготовлению всеобщего монархического с'езда. Со своими единомышленниками ему удалось образовать отдельную группу «Союз национального об'единения». Митрополит Антоний также вошел в состав этой группы и обещал войти в связь с б. императрицей Марией Федоровной, дабы убедить ее возглавить монархическое движение. Состоялся с'езд 16 ноября, и группе Маркова удалось победить. 23 ноября в Париже весьма секретно

состоялось заседание некоторых монархических лидеров, под председательством члена верховного монархического совета князя Ширинского-Шахматова. На заседании было постановлено созвать второй монархический с'езд под лозунгом монархического учредительного собрания. 19 декабря в Мюнхене состоялось заседание правления «Верховного Монархического Совета», «Союза Национального Об'единения», бывших членов высшего монархического совета; кроме того, на заседании присутствовал князь Муравлин-Голицын (канцлер кабинета Кирилла Романова).

На совещании было постановлено: созвать 15 января в Париже монархический с'езд (учредительное собрание). От армии Врангеля на с'езд должен прибыть начальник штаба генерал Миллер, но возможно, что будет присутствовать и сам генерал Врангель. Марков II был у французского генерала Фоша. После приема у генерала Фоша в Париж был вызван из Сербии генерал Шатилов. Марков через генерала Шатилова начал вести переговоры с генералом Врангелем, которые увенчались успехом, и генерал Шатилов и до настоящего времени находится в Париже, работая совместно с группой «Национального Об'единения». Из Сербии в Париж прибыла делегация от офицерского союза во главе с генералом Ушаковым, которая была принята Марковым. Генерал Ушаков выразил желание присутствовать на предстоящем с'езде. В случае, если с'езд удастся, а в частности будет согласие б. великого князя Николая Николаевича возглавить армию, возможно, что в феврале месяце генерал Врангель при содействии французов начнет операции в Крыму».

Итак, перемена ориентации—от немецких монархистов к французским республиканцам. В корреспонденции мюнхенского сотрудника «Времени» прежде всего бросается в глаза обвинение высшего монархического совета Марковым вторым в германофильстве. Душа рейхенгальского с'езда, наиболее темпераментный выразитель германо-монархической идеологии, очевидно, за-

был, что политическая работа рейхенгальцев сводилась к двум основным положениям: 1) непризнание Россией Версальского мира и расторжение союза с Англией и Францией и 2) создание союза России, Германии, Венгрии, как монархических государств.

Точнее, не забыл, а решил переменить ориентацию для осуществления авантюристических попыток своих единомышленников реставрировать трон Романовых, а под их скипетром—власть крупно-поместного сословия и крупной буржуазии и погребсти те завоевания революции, которые не только дали политическую и экономическую свободу «простому народу», но и поставили его волю во главу угла государственного строительства России. Ставка на германское юнкерство, очевидно, потерпела крах. Революционное движение в Германии, кривая которого, несмотря на частичное понижение в отдельных случаях, несомненно, повышается, пример единодушного революционного отпора немецких рабочих масс попытке реставрировать монархию в Германии (Капп), договор в Рапалло с Советской Россией—убедили монархических зубров в том, что Германия должна быть исключена из учета сил будущего монархического союза.

Среди некоторых французских кругов, руководимых французской промышленной буржуазией, капиталы которой вложены в металлургическую и угольную промышленность юга и юго-востока России, особенно сильно живет мысль о борьбе с Советской властью, лишившей ее возможности бесконтрольно грабить российское богатство и безгранично эксплоатировать русский рабочий класс. Поэтому среди этих групп все время будируется мысль об интервенции в русские дела. Особенно сильно стала проявляться эта мысль со времени об'единения русских и иностранных промышленных кругов. Это—вполне естественно с точки зрения и офицерского союза, стремящегося каким бы то ни было путем восстановить императорскую Россию с привилегиями военщины, и с точки зре-

ния Врангеля, осуществляющего всякую предложенную ему авантюру, лишь бы при помощи своей «русской армии» подпереть престол российский, а временно, впредь до появления «хозяина», установить военную диктатуру со всем милым его сердцу прошлым его крымского владычества.

Во время англо-русского конфликта, подчеркивая его значение, как наиболее удобного для выступления против Советской России момента, эмигрантские монархисты организовались в единый центр, чтобы создать «национальный кулак», готовый по первому приказу Антанты действовать для «ослабления» Советской России. Николай Николаевич, признанный всеми националистами вождем армии, которая будет послана на новый фронт против России, переехал в Париж, где концентрировалась русская черносотенная реакция, и имел ежедневные совещания с различными русскими «общественными» и военными деятелями. Туда же отправился гонец Врангеля—Шатилов с заявлением Врангеля, что он, «зная, каким обаянием пользуется имя Николая Николаевича, был бы счастлив повести армию за ним».

Былой *плехановец*, а ныне бард «национальной мысли» Гр. Алексинский недоволен медлительностью английских лордов в их образе действий против России: «Что такое посылка одной канонерки и самой грозной ноты?», гневно спрашивает он в «Русской Газете» по поводу англо-советского конфликта. «Послать не канонерку на Мурман,—продолжает он,—а целую эскадру к Кронштадту и Петрограду,—эскадру, которая сопровождала бы корпус добровольцев русской национальной армии».

Патриотические настроения этих кругов «национальной России» рисует, например, «Вестник Русского Национального Комитета». Вот образчик совершенно бесстыдной похвальбы российских националистов своими успехами в их борьбе с большевиками: «...то было сделано в августе 1920 года... Польше грозила гибель; Германия поднимала голову; необходимо было при-

нять меры быстрые, решительные и действительные. И французское правительство приняло меры быстрые и решительные, которые оказались действительными. В числе их было признание крымского правительства и материальная поддержка южной русской армии. В результате Польша была спасена, и Европа избегла новой катастрофы».

С точки зрения «националистов» «Русская Газета» иначе и не могла поступить, так как России—если она большевистская — не надо. Пусть лучше она сгинет. «Новое Время» устами Д. Воротынского восклицает: «Зимний ветер говорит о гибели распутных тиранов России, и их Россия издыхает, зараженная неизлечимой проказой. Слышите ли, что об этой гибели повествует ветер? Помоги, господи! Помоги, господи, даже не умереть, а издохнуть, как последней падали, целой России, потому что она заражена неизлечимой советской проказой».

Но какова же должна быть будущая Россия, о восстановлении которой говорят «националисты»? Будущее устройство России, «освобожденной от большевиков», представляется «национально-мыслящей» эмиграции в реставрации помещичьего строя. Профессор Локоть на страницах «Нового Времени» развивает теорию о восстановлении нарушенного революцией права помещиков на землю или—но это с большой натяжкой,—во всяком случае на компенсации. В статье «Грядущая выкупная операция» он пишет: «Возрождающаяся Россия не может стать на революционную точку зрения, т.-е. признать, что все захваченное насилием во время революции принадлежит захватившим по праву, хотя бы захват этот совершался по революционному закону с разрешения, ведома и даже веления революционной власти. Должен быть указан государством законный порядок восстановления и возмещения, для всех граждан обязательный и одинаковый, согласованный не только с частными интересами, но и с интересами общими—государственными. Государство должно будет

взять на себя и частно-правовую сторону этого конфликта, т.-е. найти средства компенсации потерь частных лиц при этом разрешении конфликта. Отсюда—неизбежность для новой законной национальной русской власти вступить на путь разрешения частно-правовых столкновений и претензий материального порядка,—земельных и других,—аналогичный тому пути, какой был применен государством в 1861 году при освобождении крестьян». А «Еженедельник Высшего Монархического Совета» таким образом затрогивает ту же тему: «Земля издревле считалась государевой, и теперь тоже должна, сверх пределов частной собственности, поступить в распоряжение монарха, в качестве основного государева фонда», естественно для награждения «опоры престола» — служилого дворянского сословия.

«Левая»—эмиграции, не стремящаяся к реставрации «безудержной реакции» самодержавия (ведь и националист Карташев не сторонник ее), но не гнушающаяся не только коалиции, но и полного солидаризирования с черносотенной реакцией в едином фронте против Советской России, недалеко ушла от своих соратников из правого стана. Своей дряблой никчемностью она только помогала реакции. В этом отношении заслуживают быть отмеченными, вследствие их попыток повлиять на трудовые беженские массы, эс-эры и сколок их—казачьи демократы из «Союза Возрождения Казачества». Согласно их характеристике: «В условиях эмигрантской жизни необходимо обратить главное внимание на организационную работу, имея в виду подготовку сил и длительный процесс борьбы для свержения существующего строя» [1]).

«Союз Возрождения Казачества», в своем официальном органе «Казачья Лава» зовет: «Все, в ком не угасли силы для борьбы за торжество свободы, за лучшее наших краев, кто не забыл страшных жертв, принесен-

[1]) Зензинов. «Дни», от 29 ноября 1922 г.

ных во имя этого, стройтесь в наши ряды». Цель этого «построения рядов»: «Признать необходимой коалицию борющихся с существующим строем сил, положив в основание ее следующие принципы: свержение существующего строя внутренними народными силами; за границей вести борьбу против признания Советской власти, как законного российского правительства, для чего, между прочим, вступать в необходимую связь с местными и иностранными партиями и группировками». Метод борьбы, конечно, свержение существующей власти путем «революции»: «Проповедь надежд на эволюцию Советской власти — это вредное усыпление, это отвлечение внимания от подлинного революционного процесса, который совершается ныне в недрах русского народа и должен во что бы то ни стало разрядиться. Революция продолжается. Новая вспышка ее неизбежна. Этого не надо забывать. И к этому, может быть, скорому моменту надо быть готовым». Что значит на практике революционное свержение Советской власти,—комментировала «Новая Россия». Новая гражданская война, столкновение классов. Революция февраля, которую «Казачья Лава», из уважения к ней, пишет с заглавных букв, и заветы которой для нее являются великими, была революцией политической в рамках помещичье-буржуазного строя, и политическую власть оставила в руках класса помещиков и капиталистов. Революция октября есть революция социальная, при которой политическая власть перешла в руки трудящихся масс. Борьба за захват политической власти из рук трудящихся (советов) есть борьба в пользу помещиков и капиталистов, в чем и сказываются «великие заветы революции февраля 1917 года» и эпохи керенщины. К этой борьбе зовет «Казачья Лава» трудовые массы. Эс-эры обнаружили свою буржуазную сущность в лице их alter ego казачьих интеллигентов, неудержимо летящих в об'ятья бывших носителей власти казачьих краев «атаманов и правительств», тоже осуществляющих «великие заветы февраля 1917 года». В «Днях»

Зензинов старается разрекламировать с'езд 34 казаков «Союза Возрождения Казачества», которые, создав около пражского «Земгора» «об'единенный Казачий Комитет», по словам Зензинова, «представляют всю казачью общественность». Эс-эрам и эс-эрствующим 34 казакам нужно убедить всех, что казачество—активный антисоветский центр, вокруг которого об'единяются борющиеся с Советской Россией силы. Кстати сказать, в вопросах коалиции эти «демократы» и «республиканцы» не гнушаются, например, об'единения с пресловутыми «казачьими правительствами», хотя бы по поводу репатриации.

Расслоение эмиграции, социальные причины, вызвавшие его и сказавшиеся на балканской эмиграции, подметила и болгарская печать. «Победа» в передовой статье, характеризуя обе группировки, высказывает симпатии болгарского земледельческого класса к трудовому беженству и дает отвратительную картину разложения интеллектуального облика эмиграции:

«Русские трудовые беженцы пользуются у нас уважением и любовью. Но кроме этих тружеников среди русских имеется категория авантюристов, людей, которые гражданскую войну превратили в свою профессию,—людей, которые хотят вести широкий и привольный образ жизни и не хотят работать. Некоторые из них получили значительные суммы от Т. Тодорова и Данева (представители болгарских буржуазных кругов), основали мнимые книгоиздательские товарищества и исчезли с одним-другим миллионами. Некоторые продавали бриллианты своих жен, чтобы пить шампанское и параллельно заниматься всякой конспирацией и против России, и против нас, и против соседних стран и за счет этих соседних стран—против нас. Эти авантюристы низкой марки допустили ряд безобразий, и державная власть приняла меры против них. Сейчас они занимаются шантажем и провокацией».

V. Беженство в Сербии и Греции.

«Если вы хотите пожить,—пишут «Дни»,—в условиях жизни времен Николая II, испытать на себе прелести охранки и лишний раз убедиться в отрицательных сторонах монархического строя,—приезжайте в Белград. Тут все по-старому. За пять лет революции и за три года эмиграции монархисты ничему не научились, а, наоборот, дошли до той крайней точки, когда дальнейшее движение вправо уже невозможно. Ведь белградские монархисты даже самого Шульгина и Ксюнина считают чуть ли не большевиками, а Пуришкевича левым. Монархическое белградское об'единение, в котором находятся почти все здешние монархисты, стоит на платформе абсолютизма и является отделом тайного германо-русского союза «Благодарности союзникам», имеющим свою главную квартиру в Берлине и Мюнхене. Во главе этой милой организации в Белграде—Скаржинский. Монархисты крепко обосновались в Сербии. Имеют свою осведомительную часть с подотделами по провокации и контр-разведке. Всем делом сыска ведает Тарасевич, в руках которого находится черная книга со списками лиц, находящихся под надзором, и целый штат платных сыщиков. При нем находится знаменитый отдел перлюстрации писем, над которыми трудятся даже делегаты белградского студенческого союза на студенческом с'езде в Праге. Аресты и избиения в тюрьмах левых в Белграде—вещь весьма обыденная. Арестовывают за воображаемое сотрудничество в «Последних Новостях», «Днях» и проч. антибольшевистских органах. Кроме союза «Благодарности союзникам» в Белграде существует полуантикварный союз «голубой крови», дворянско-монархический союз. Вторым немногочисленным монархическим об'единением является группа монархистов-конституционалистов—кирилловцев с Ветчининым во главе. Его органом являлось «Русское Дело». Почему-

то,—не поделили ли эти господа министерских портфелей, или по причине тиража,—но «Русское Дело» вело борьбу не на живот, а на смерть с «Новым Временем». Кроме этих двух течений особую монархическую величину представляет из себя на белградском фоне генерал Врангель, благополучно живущий на свое скромное содержание в 35 тысяч динар в месяц. При нем есть свой «Союз верных». Цель союза—борьба с разрушителями русской армии. Через Тарасевича «верные» находятся в связи с «союзом Благодарности союзникам».

В Сербии наблюдается союз двух реакций: русской, выброшенной Октябрьской революцией за пределы родины, и сербской, потерявшей корни в стране и держащейся еще благодаря разрозненности национальных,—с одной, и трудовых, с другой стороны, сил страны. Премьер Пашич и двор короля Александра—это официальная Сербия, направляющая политику Юго-Славии. Король Александр—родственник бывшей русской царской семьи—живет в атмосфере честолюбивых комбинаций о занятии российского престола династией Карагеоргиевичей и о гегемонии над всем славянством. Как русский воспитанник, он связан со многими русскими фамилиями Рюриковичей, которые теперь находятся при его дворе. У Пашича все связи с русскими реакционерами. Поэтому вполне естественно в Сербии, где до сих пор продолжают играть значительную роль в политической жизни радикалы (партия Пашича) и двор короля, существование условий жизни времен Николая II.

Сербские рабочие и земледельцы склонны к скорейшему союзу с Советской Россией, но их сила еще не в состоянии сломить реакционный режим радикального правительства Пашича. Не сербский народ, а сербская чиновная и военная бюрократия оказывают покровительство организации Врангеля. Сербская реакция опирается на русские белогвардейские воинские части в своей борьбе с национально-революционным движе-

нием Македонии. Газета македонских беженцев, склонная к защите существующего буржуазного строя,— «Илиндень», установила целый ряд случаев усмирения македонцев врангелевскими частями, состоящими на службе в сербской жандармерии. Земледельческое движение западных областей Юго-Славии испытывает на себе гнет полицейского режима, опирающегося на русские войска, охраняющие «за совесть» интересы не только сербской великодержавности, но и существующее классовое господство. Нет ничего мудреного в том, что на этой почве пышно развился махровый цветок русской реакции.

«Центр монархического движения, — пишет «Новая Россия»,—Белград. На улицах, в кафе, во многочисленных русских ресторанах мелькают старые царские формы. Золотые, с колоссальными, в глаза бросающимися вензелями, погоны, поржавевшие от скитаний заграничных шпоры. И при встрече с превосходительством—почтительное замирание. Отрыжка истории: старые, времен очаковских, генералы; сенаторы, на восьмой десяток переваливающие, и десяток старых журналистов, твердящих одни и те же, всем знакомые, никого не убеждающие слова: о России царской, народе согрешившем. На улице короля Милана против нового дворца— светло-серое здание: российское посольство. С послом, неизвестно какое реальное государство представляющим, с военным и морским агентами и целым консульством. Во дворе посольства, занимающего целый квартал, приютились учреждения, из которых плетутся нити так рекламируемой своими же газетами монархической пропаганды. Тут и правление белградской колонии и управление Палеолога, смело, не взирая ни на что, представляющего русское беженство, и верноподданный врангелевский студенческий союз. Здесь происходят собрания «верных», на которых фабрикуются от имени русских людей всевозможные верноподданнические адреса, приветствия, воззвания. Из этого царства теней расходятся тонкие нити по всем колониям. Опле-

тают беженскую массу, в извращенном до-нельзя виде представляют ее перед сербскими властями»[1]).

В это царство теней монархической России стянуто было до 30 тысяч беженцев, из которых три четверти принадлежали к трудящимся классам. Типичную картину сумерочной жизни изгнанников, тоскующих по родине, на чужбине подчиненных палке капрала, поставленного над ними приказом самого «главкома», дает сербский корреспондент, той же газеты:

«В начале 1921 года,—пишет он,—тысяча человек казаков, вывезенных заботливыми превосходительствами из Константинополя, были размещены в грязных казармах Требинской крепости (в Герцоговине) по настоянию «правительственного уполномоченного», заявившего сербским властям, что казаки—чернь и вообще элемент ненадежный. Бедные казаки, запертые в крепости, не имели возможности заработать куска хлеба; из жалких мизерных подачек «Державной Комиссии» плеяда начальствующих превосходительств урывала добрую половину то на канцелярские расходы, то себе на жалование. Казаки сидели без копейки денег, голодные, оборванные. Военный комендант старался поддерживать военный дух казаков, распространяя в невероятном количестве газетную литературу антибольшевистского содержания и препятствуя поступлению сведений извне. Особенно было распространяемо историческое «Общее Дело». Он с уверенностью говорил о мировой интервенции против Советской России, устроил тюрьмы для «неблагонадежных». Призадумались, приуныли казаки, дети широких степей, попавшие в герцоговинскую трущобу. 1922 год был ознаменован приездом сеявших среди казаков предательские семена агитаторов-монархистов. Первым приехал рейхенгалец Ножин, восхвалявший прелести монархии, громивший советы и призывавший к единению. С оцепенением и гробовым молчанием слушали затаившие злобу казаки и с опущенными головами

[1]) Н. Сомовский. «Царство теней». «Новая Россия», № 41.

расходились в казармы. Кряхтя, охая, молча садились на кровати и, подперев голову руками, думали горькую думу. «Раз'езжаться, ребята,—говорили казаки,—ничего не высидим. Смеются над нами. Вот приехал этот чорт бородатый, Ножин, наговорил ерунды, а с нас завтра потянут последние динары». И динары потянули. Через неделю после от'езда Ножина комендант представил счет на несколько сот динаров, израсходованных на угощение г. Ножина. После Ножина приехал в крепость толкователь писем генерала Краснова, полковник Жуклевич, призывавший казаков записываться в монархическое об'единение: «Вы, казаки,—опора всероссийского трона, вы самый надежный элемент, вы гордость монархии. Записывайтесь в монархическое об'единение! Записавшись, вы лишний раз докажете ваше благоразумие»,—неистово кричал с трибуны Жуклевич. Молчали казаки. «Что же вы молчите? Записывайтесь»,—пытается еще раз Жуклевич. Опять молчание. Из последних рядов слышится смех и крик: «Довольно!». Не вынес Жуклевич и с остервенением заорал: «Вы изменники, вы сволочь, вы предали государя!» Унылая грусть с'едала казаков. Выходили казаки партиями из крепости, смотрели на хлопотливых горожан, и чувство одиночества, заброшенности, недовольства и презрения наполняло их ожесточенные сердца. Приходили в казармы, садились и молчали. Изредка кто-нибудь скажет: «Вот бегают люди в городе: знать, есть семья, заботы. А мы... Эх-хе-хе!»—Тяжело вздохнет и замолкнет. Редко, очень редко появлялась подлинная радость, озаряла их скучные, однообразные дни. Это случалось тогда, когда кому-нибудь удавалось получить письмо от товарища из Болгарии. В письмах обыкновенно сообщалось, что казаки, живущие в Болгарии, получают письма из России, что жизнь там налаживается, что многие из Болгарии уехали домой и живут теперь припеваючи. Недоумевали казаки, почему же они не получают писем из России. Злой гений русских в Сербии—Тарасевич, пользуясь особым доверием сербской полиции, имеет

доступ на почту, где со своими приятелями проверяет все письма из России. Конечно, те письма, в которых родные просят казаков приезжать, задерживаются и уничтожаются. С июня месяца 1922 года казаки начали уходить в Банат и Бачку на работы. У всех одна мысль, одна мечта: «Заработаем денег, перезимуем, а весной домой. Если не разрешат поездом, пойдем до Болгарии. Больше сидеть в Сербии не будем» [1]).

«В Сербии, так же как и в Болгарии, как в Греции, беженство пересмотрело свои политические взгляды на Советскую власть, и там все громче и громче раздавались голоса: «На родину». Ни для кого не секрет, что 75% *беженства* в Сербии давно разуверились в белых путях, потеряли всякое доверие к так позорно дискредитировавшим себя вождям белого движения и жадно ищут путей к возвращению в Россию. Ни от кого не скрыть, что в русское посольство в Белграде—этот оплот всех интриг—ежедневно приходят десятки человек, получающих паспорта для проезда через Болгарию на родину. И стоит только прислушаться к рассуждениям рядового беженца, конечно, не на страницах «Русского Дела», а на постройках и улицах Белграда, на земляных работах, в заброшенных колониях, там где глухо гудит, зарабатывая себе кусок хлеба, беженская масса, чтобы уловить одну больную, мучащую всех мысль—в Россию. И что характерно. В Россию без всяких «но». В Россию теперешнюю, новую, подлинную, строящую свое будущее. Этого естественного понятного движения не могут придушить и скрыть, как бы ни старались об этом ни Тарасевич в «Старой Управе», ни Ксюнин в «Русском Деле». Ведь тут уже не свалишь ни на большевистских агентов, ни на сменовеховцев, совращающих к возвращению на родину. Кажется, делается все, чтобы к рядовому беженцу не проникло ничего, освещающего действительное положение вещей, и делается рьяно. Достаточно упомянуть,

[1]) Серг. Можаев. «Опекуны». «Нов. Рос.», № 32.

открыто о возвращении в Россию, чтобы попасть на бдительный надзор, не только врангелевской контрразведки, но и сербской полиции. Вполне осознана ложность пребывания вне сегодняшней России. Пребывания в качестве материала для политических комбинаторов, цепляющихся за призрак власти главнокомандующего»[1]).

Реакционная часть эмиграции не преминула вступить в борьбу с этим течением беженской мысли. Приемы этой борьбы, как и обычно, очень многообразны,— от ругательских нападок печати до физических пыток в подвалах сербской «Старой Управы» (белградской полиции). «Новое Время» идейно подняло кампанию. «Казак» в статье «Дары предателей» останавливает внимание читателей на просочившиеся в Сербию, несмотря на бдительность сербской и особенно русской жандармерии, «Декларацию казачьего с'езда» и «Обращение к трудовому зарубежному казачеству». «Нигде, ни в «Обращении»,—пишет «Казак»,—ни в «Декларации» нет ни одного намека на то, что всегда было, есть и будет дорогого казачеству—указаний на его права и вольности, на его казачий быт и казачью собственность. Третий Интернационал призывает казаков стать гражданами Р. С. Ф. С. Р. и подчиниться безоговорочно единственной законной существующей в России Советской власти. Это пишут те, с кем три долгих кровавых года казачество Дона, Кубани и Терека вело смертельную борьбу».

«Казак» забыл, что так призывает и пишет не Третий Интернационал и не те нехорошие люди, которые «за деньги продали казачество и Россию», а как раз то самое казачество, которое в массе своей, не разглядевши толком, к чему дело сводится, ввязалось в гражданскую войну и действительно три кровавых года сражалось против трудовой России за интересы помещиков и ка-

---

[1]) Н. Сомовский. «Сербские настроения». «Нов. Россия», № 32.

питалистов, воображая, что оно сражается за родину. Еще свое негодующее внимание этот же «Казак» останавливает на том месте воззвания с'езда к зарубежному трудовому казачеству, где говорится: «Казачество должно возвращаться не с танками европейских империалистов, вожделеющих согнуть Россию под ярмо мировой эксплоатации капитализма», и заявляет: «Нет, этим господам со звериною душой и низкими инстинктами разрушителей зарубежное казачество, однажды ушедшее от них, в массе своей никогда не поверит и за ними не пойдет». Но не помогают литературные увещевания. Трудовое беженство стремится вырваться из обстановки сербской реакции и направляется к берегам Черного моря, откуда из Варны пароходы везут его собратьев в новую Россию. Вот что рассказывает корреспондент «Последних Новостей» из Сербии о югославянских настроениях беженцев:

«Каждою весною неизменно разрастается движение домой, в Советскую Россию. Первоначально, в прошлом году едущие скрывали свои истинные намерения и говорили о переезде лишь в Болгарию. Теперь не скрываются. Едут в одиночку, едут группами, едут офицеры, солдаты, казаки. Пора посмотреть на факты без иллюзий. Домой многие вернулись и пишут, что можно ехать. И без моих вопросов добавляют: «Здесь ничего не дождешься от наших главарей. Только зубы чешут, да и жалованье за наш счет получают». В этих словах слышится не одно разочарование, но и вражда».

Как всегда, в режиме, покоящемся на контр-разведке и ее приемах воздействия, там, где бессильны аргументы слова, слово уступает место делу и дыбе. Лучшей иллюстрацией борьбы с репатриацией может служить изложенная ниже история, настолько характерная, такая цинично откровенная по своей жизненной правде, что достойна самого широкого оглашения. В начале 1923 года инициативной группой беженцев в городе Ср. Митровицы решено было начать дело организованной массовой репатриации в округе, охва-

тывающем широким кольцом район городов Белграда, В. Бечкерека, Панчева, Шабаца, Янковцев, Ср. Митровицы. Так как информация о порядке репатриации была недостаточна, так как газета «Новая Россия» в Юго-Славию не допущена и доходила в очень ограниченном количестве тайком, кроме того, необходима была непосредственная связь с органами, уже знакомыми с этим делом, от группы был командирован в Софию в «Союз возвращения на родину» председатель ее И. С. Ленский, который посетил Софию, получил соответствующую информацию и возвратился в Белград для учреждения в Юго-Славии «Союза возвращения на родину», легализации его и организации всего дела в строго легальных рамках. Прибыв в Белград, Ленский по поручению всей инициативной группы отправился в сербское министерство внутренних дел, где его принял секретарь отделения министерства о защите государства (департамента полиции) Вассо Лазич, отнесшийся к начинаемому делу по виду весьма сочувственно и наговоривший много весьма лестных слов о России, русском народе и о необходимости кончать позор эмигрантщины. Обещаны были полная поддержка и сочувствие. Ленский после этого выехал в Ср. Митровицы, место своего постоянного жительства. На вокзале в Митровицы он был арестован полицейским комиссаром, который заявил ему, что он арестовывается по телеграфному распоряжению министерства внутренних дел, обвиняясь в организации «Союза возвращения на родину», т.-е. в коммунистической пропаганде, так как Россия сейчас в руках коммунистов, и кто зовет туда—способствует укреплению коммунизма. У него был произведен обыск, ничего не обнаруживший. Из митровицкой тюрьмы Ленский с закованными руками был переслан в Белград в арестное помещение при «Старой Управе». Первый допрос с него был снят шефом полиции, Любичем, при чем при допросе присутствовал ведающий контр-разведкой по русским делам Тарасевич. «Помните,—предупредил шеф Любич,—что у нас тут

выкручивают руки, выламывают ноги и убивают»... Ленский, не скрывая ничего, рассказал обо всем, выразил удивление, что его арестовывают за дело, которого он не скрывал и поддержка которому была обещана от представителя правительства, секретаря департамента полиции, Вассо Лазича. На это Любич ответил: «Мы не так глупы, как вы думаете. Если мы разрешим массовую репатриацию русских домой, то уедут все, и наш народ поймет, что в России не так плохо, как об этом пишут наши газеты, следовательно, не так плохи большевики и Советская власть, как нужно это нам». Затем Ленский был ввергнут в подвал. Начались муки пыток. Изо дня в день к арестованному являлся Тарасевич с двумя палачами-жандармами и начинались истязания. Били по лицу, двумя плетьми из воловьих жил, били по телу, каждый раз до потери сознания и в обморочном состоянии уносили в камеру. Иногда раздевали и голого сажали в «челию», сырой, холодный каменный мешок в квадратный метр. И каждый раз являлся Тарасевич и требовал выдачи организации по репатриации. Одновременно с Ленским в застенок был доставлен и товарищ председателя инициативной группы Новойдарцев. Так продолжалось месяц. Никаких обвинений Ленскому пред'явлено не было. Через месяц ему об'явили, что он высылается в Болгарию.

А. Бекаревич, суммируя данные, относящиеся к положению вопроса о репатриации в Юго-Славии пишет:

«Вопрос репатриации в Юго-Славии находится в весьма первобытном состоянии. И не потому, что беженская масса индиферентна к этому вопросу, или обрабатывается в известном направлении своей эмигрантской прессой. Нет. Другие причины и факты, более сложные и значительные, тормозят, задерживают и препятствуют разрешению этого вопроса, поставленного на очередь велением жизни. Наиболее многочисленная группа беженцев—демократическая, куда входят главным образом казаки, солдаты и в небольшом количестве

рядовое офицерство военного времени из бывших студентов и пролетарской интеллигенции. Эта группа сплошь хочет немедленного возвращения в Россию. Настроение ее определенно революционное, отношение к Советской власти вполне доброжелательное. Особенно сильно начало проявляться тяготение у этой группы на родину с октября прошлого года. Искреннее стремление возвратиться в Россию без ножа за пазухой существует у этой демократической группы, составляющей две трети всей беженской массы. И все же вопрос репатриации находится в Юго-Славии в первобытном состоянии. Существующая политика правительства королевства и Франции удерживает насильно русскую массу, желая ее использовать. Понятно отсюда и поведение русских учреждений и лиц, равняющихся на поведение правительства и всемерно тормозящих от'езд тех, кто, не взирая ни на что, едет в Россию, направляясь то в Болгарию, то на Вену. Консул Адамов не дает паспортов в Россию («Какую Россию?—спросила меня жеманно барышня в консульстве.—Нет России и не выдаем туда паспортов»). «Державная Комиссия» не дает денег. «Новое Время» с «Русским Делом» безнаказанно лгут, расстреливают, вешают, четвертуют отправившихся на родину. И все это понятно. Пашич знает, что делает, знает и Штрандман, и Суворины-сыны с Ксюниным тоже знают. Но линия поведения представителя Лиги Наций в королевстве г. Цвернера непонятна и прямотаки загадочна. Вот документ, ярко характеризующий отношения этого представителя «высокогуманитарной» организации к своему делу. На прямо поставленный мною ему вопрос в письменном виде, как я могу репатриироваться, куда должен обратиться и что делать, он прислал мне следующее: «№ 2824, 21 декабря 1922 г. М. Г. Что касается возвращения беженцев в Россию, то вопрос этот до настоящего времени не принял еще какой-либо реальной формы, и во всяком случае рассчитывать в этом отношении на какую-либо помощь Лиги Наций не приходится. Вместе с тем долгом почи-

таю уведомить вас, что деятельность Лиги Наций преследует исключительно гуманитарные цели и не носит политического характера. Уполномоченный Верховного Комиссариата Лиги Наций в королевстве С. Х. С. Цвернер».

Документ этот говорит сам за себя. Г-н Цвернер, преследуя «гуманитарные» цели, не смог даже поставить меня в известность, что все это можно проделать в Софии, в Болгарии. И так не только со мной, так разговаривает он с другими, а лощеные джентльмены из его канцелярии—русские «жоржики», так те и разговаривать не хотят, особенно со «станишниками». Если указать, что при министерстве внутренних дел есть отдел русской контр-разведки, что за желание, а особливо за увещевание ехать домой выбрасывают из третьего этажа белградской полиции, а потом симулируют самоубийство, если указать, что и сейчас десятки русских сидят за это в тюрьмах, то будет достаточно ясно, в каком состоянии находится там вопрос репатриации»[1]).

Сербские беженские массы через все рогатки просачивались в Болгарию и оттуда уже направлялись на родину.

Не сладка жизнь трудового беженца и в Греции. Необеспеченность жизни пролетария, эксплоатация иностранного рабочего туземными эксплоататорами-кулаками, отсутствие заработка, благодаря все усиливающейся безработице в стране,—вот экономическая сторона жизни «греческих» беженцев.

А к этому еще плюс специфически русские наросты политического существования. Дипломатическое представительство бывшего царского правительства, военная агентура Врангеля, реакционная русская общественность, поддерживаемая иностранными, как национальными, так и интернациональными учреждениями,

---

[1]) А. Бекаревич. «Положение репатриации в Юго-Славии».

еще более усиливали моральную приниженность экономически подавленного русского рабочего-беженца. Общую численность беженцев в Греции трудно определить точно: с трех тысяч человек, первоначально осевших в Греции, русское население во всяком случае возросло до 7—9 тысяч человек. Сельское хозяйство Греции даже нуждалось в рабочих руках, русский труд зарекомендовал себя качеством хорошим и дешевым, почему власти покровительствовали в'езду русских земледельцев. Заработная плата с течением времени стремительно сокращалась, иногда на 30—40%, и русские рабочие, как почти везде за границей, превращались и здесь в париев труда, обязанных за пониженную плату работать 10 и более часов в сутки. В греческих массах начинают смотреть на русских, как на конкурентов, отнимающих заработок и сбивающих цены на рабочие руки. Это отразилось, естественно, и на общем отношении к русским. Когда же после военной катастрофы в Грецию нахлынуло до 700 тысяч своих греческих беженцев из Малой Азии, Константинополя, Восточной Фракии,—положение русского трудового беженства становится угрожающе тяжким. На фоне русского беженского горя еще контрастнее обрисовывается беспечальное житие привилегированной эмигрантщины, составляющей едва 20% общей численности русских в Греции. Эти господа частью доедают избытки из остатков «красивого прошлого», частью примостились на трудовом горбе рядового беженства в качестве его радетелей, представителей и управителей, получая хорошие оклады как из иностранных источников, так и из остатков расхищаемых российских средств, которые ловкостью рук обращены на потребу процветающей эмигрантщины. Вся эта клика княжащих и володеющих беженцами деятелей иерархически увенчивается засевшим в Афинах «российским послом» Демидовым и некиим русским военным агентом, т.-е. врангелевским, генералом Невадовским. На ролях «служивого сословия» у демидовских сфер состоит немногочисленное ультра-реакционное офицер-

ство и чиновничество. Так же, как и повсюду—здесь опекают, крадут, спекулируют на больных и увечных, морочат голову и кормят «завтраками» неимущих, ухаживают в общежитии за здоровыми, розовощекими старичками-генералами и выкидывают на улицу больных «большевиков», т.-е. тех, кто неосторожно выдал свое намерение ехать домой. Как и у Врангеля в Белграде и в Софии, у генерала Невадовского и у Демидова на предмет ограждения беженства от разложения имеются специалисты по слежке за беженцами, состоящие в то же время на службе в афинской тайной полиции. Неудивительно, что немало русских вынуждены были за свою неблагонадежность и «большевистскую» агитацию познакомиться с полицейскими участками, а некоторые и с греческой тюрьмой. Вся полнота власти и попечение над российским беженством в Греции находится в руках главным образом двух контр-революционных организаций: монархического с'езда, возглавляемого бывшим личным секретарем королевы Ольги, капитаном флота Гаршиным, и офицерского союза, поддерживающего Врангеля и руководимого военным агентом Невадовским. В руках монархического и офицерского союзов находятся все существующие в Греции общежития, лагери и госпитали для русских. До 50% трудового беженства, необеспеченных, чаще всего безработных, надорвавших здоровье и силы, вынуждено считаться с афинскими эмигрантскими заправилами, пользоваться их помощью, скрывать свои истинные настроения и убеждения.

Рассматривая положение дела репатриации русских из Греции, надо принять во внимание не только материальную зависимость беженских масс от произвола своего начальства, но и ряд других обстоятельств; что в Греции до сего времени нет советского представительства, без прямого участия которого немыслима правильно поставленная и быстрая репатриация; что в Греции представительство Лиги Наций возглавляется людьми, не уяснившими себе должным образом ни порядка,

ни смысла репатриации в том виде, как она задумана и проводится в жизнь соглашением Советского правительства с д-ром Нансеном; что руководители и видные работники афинского представительства Лиги Наций к тому же совсем недружелюбно настроены к Советской России и инспирируются все тем же пресловутым «русским посольством». Многие беженцы, горячо откликнувшиеся на об'явленную летом 1922 г. представительством Лиги Наций регистрацию желающих вернуться в Россию, подверглись репрессиям со стороны своего начальства, попав в опалу и потеряв последнюю оказывавшуюся им скудную поддержку, а отправки так и не дождались. Печальный урок убедил широкие массы беженства в Греции, что тяга на родину в глазах белого начальства—преступление, и что лучше при настоящей обстановке тщательно скрывать свое желание репатрироваться. И действительно, многие сотни русских людей по всей Греции, хотя и вошли в контакт с афинским «Союзом возвращения на родину», однако, предпочитали оставаться в тени до тех пор, пока вопрос об отправке их не встал конкретно. Но зато, когда пароход стал реальностью завтрашнего дня, люди сбрасывают с себя личину вынужденного молчания. Лучшим свидетельством истинных настроений и желаний трудового беженства является тот, поистине удивления достойный факт, что незадолго до отправки первого парохода, в Пирей прибывали десятки беженцев со всех концов Греции. Незанесенные ни в какие списки репатриируемых, они снялись с мест исключительно потому, что долетел до них клич: «В Россию!» Пешком пришли к пароходу. Шли сотни километров босые, оборванные, в лихорадке, на себе волоча свой убогий скарб.

9 декабря 1922 года, несколько сот русских беженцев, собравшись в пирейском общежитии, решили, что русское беженство в Греции должно взять в собственные руки дело своего возвращения на родину. Тут же был избран комитет группы русских беженцев, которому общим собранием было поручено немедленно: 1) просить

греческое правительство о предоставлении парохода, 2) вступить в контакт с конфедерацией рабочих союзов в Греции и просить их всемерного содействия в деле репатриации, 3) войти в связь с представительством РОКК в Болгарии и просить его помощи и указаний и 4) наладить контакт с образовавшимися среди русского беженства в других странах «Союзами возвращения на родину». Так было положено начало активной репатриации русских из Греции. Рабочая пресса Греции помогает русским, информируя общество о действительном положении в России и об истинных настроениях трудового русского беженства, стараясь парализовать вредную работу демидовско-врангелевских афинских кругов. В конце января беженцы отправляют двух делегатов в Болгарию к представительству РОКК для окончательной выработки порядка репатриации. Наконец 9—10 апреля 1923 года—долгожданная посадка на пароход первой партии репатриантов около 1000 человек. В порыве острой меланхолии, военный агент разразился следующим рескриптом: «Все меньше делается ядро русских воинов на чужбине, но тем прочнее и закаленнее становится оно. Пусть едут малодушные в Совдепию—это неважно. Русской армии нужны лишь твердые духом. Судьбе угодно было послать длительное испытание, но армия с генералом Врангелем во главе вынесет все невзгоды и выйдет мощной, непоколебимой и грозной. Будем же терпеливо ждать, веря своему вождю, не будем пускаться на отдельные авантюры, какими бы благородными порывами они ни оправдывались, памятуя твердо, что отдельные разрозненные действия губят главную задачу» [1]).

А вот как просто, незатейливо, но вразумительно описывают свои настроения сами репатрианты из Греции. Перед от'ездом в Россию они составили два документа:

«Г-ну представителю Лиги Наций в Болгарии. Г-н представитель! Около трех лет тому назад мы, рус-

[1]) В. Венев. «Русские в Греции».

ские беженцы, политической волной были выброшены на чужбину. Дарованной амнистией Р. С. Ф. С. Р. и решением Лиги Наций вопроса о репатриации русских беженцев нам, в частности находящимся в Греции, представилась возможность осуществить свои стремления и желания возвратиться к своим родным полям и семьям. Незначительная часть старой русской эмиграции, коей не по сердцу репатриация, будучи организована, своими протестами и заявлениями о нашем якобы нежелании вернуться на родину всячески старается препятствовать планомерной работе по репатриации. Несмотря на чинимые препятствия, благодаря Лиге Наций, мы, репатрианты из Греции, получив возможность возвратиться в Россию, считаем своим долгом просить вас, г-н представитель, довести до сведения Верховного Комиссара Лиги Наций д-ра Нансена нашу глубокую благодарность за принятое горячее участие в нашем возвращении на родину. Будучи осчастливлены настоящим светлым днем, днем возвращения на родину, мы не можем не вспомнить о наших товарищах, также стремящихся возвратиться на родину, находящихся в Греции и, особенно, в Сербии, где русские организации, противящиеся нашим стремлениям, пользуясь нашей неорганизованностью, продолжают оказывать свое влияние на недопущение в эти государства российского представительства и насильственным путем стараются удержать русских за границей. Испытав на себе трудности в осуществлении желания возвратиться на родину, мы, отъезжающие в Россию, протестуем против насилий, чинимых со стороны организаций бывш. ген. Врангеля, и заявляем, что желание русских беженцев прежде всего—возвращение на родину.

Поэтому мы просим Верховного Комиссара Лиги Наций д-ра Нансена прийти на помощь оставшимся и силой своего высокого авторитета облегчить репатриацию, оказав воздействие на правительства Греции и Сербии в смысле скорейшего допущения в эти государства российского представительства, которое со-

вместно с представительством Лиги Наций ускорило бы возвращение на родину честных тружеников, и этим дать возможность навсегда избавиться от «заботливой», но совсем нежелательной опеки лиц, думающих только о своих интересах». Следует 986 подписей.

А вот другой документ, исходящий от тех же 986 греческих репатриантов, не столь сдержанный, но зато еще ярче характеризующий настроение:

«Заброшенные в непривычный для нас климат знойной Греции, где в своем черном, будничном дне рабочего познали весь гнет эксплоатации, открывшей нам глаза и прояснившей наш разум, наконец, мы, беженцы, дождались того светлого луча, который пришел нам на помощь в лице организации д-ра Нансена, открывшей в своем отделении в Афинах запись желающих возвратиться на родину. Осевшая часть русской эмиграции в Греции состояла из 4-х главных наслоений: остатков деникинской эвакуации, эвакуированных раненых и больных при падении врангелевщины, бежавших от гнета Галиполли и Лемноса и вывезенных французами казаков с Лемноса и Чаталджи. Все эти русские изгнанники здесь поставлены в особые рамки—без права переезда в другие страны — и вынуждены, вследствие этого, продавать свой разум и мускулы своих рук в любезно протягивающиеся хищные лапы греческих эксплоататоров. Три года тяжелого труда на пользу растопырившихся карманов капитала сделали свое дело, и часть более сознательных могла вступить на предоставленный Лигой Наций пароход и отправиться в Варну для дальнейшего следования в ожидающую их новую, могучую, свободную Россию. Мы не можем обойти молчанием всю позорную, подлую, отжившую деятельность белых генералов и окружающей их среды, которые в предсмертных своих судорогах все же своей проклятой лапой с выпущенными, хотя и поломанными, когтями, причиняют боль и строят всякие козни нашим товарищам, несчастно попавшим в их змеиное гнездо в пределах Сербии. Пусть наш протест против этого

насилия белых генералов, протест освободившихся от их лжи и вырвавшихся из их цепких лап из Греции, донесется до них, и пусть знают, что сидящие на чужом хлебе в своих кабинетах Парижа, Берлина и Белграда уже не заманят нас снова в свой лагерь авантюры. Нет. Довольно! Мы все уедем в Россию, все, а вы можете сидеть здесь, в Париже, Белграде и Берлине, и решайте бумажную судьбу России, судьба которой решена без вас».

VI. Пособничество „демократической" Европы белому террору.

В глазах беженской массы авторитет представительства РОКК, как представительства советского учреждения, рос с каждым днем. К нему обращались все: и казаки, и офицеры, и делегаты казачьего с'езда,—все, кто стремился на родину как из Болгарии, так и из Сербии, Румынии, Греции,—отовсюду с Балкан, где не было советского представительства, обращались по всем вопросам защиты интересов русских граждан, чего, к сожалению, во всем об'еме представительство РОКК не имело ни права, ни возможности выполнить. В соответствии с ростом авторитета представительства росло и число желающих записаться в отправляемые партии репатриантов. Недостаточность информации в период оформления репатриационного настроения и искания путей сближения с родиной (1921 и первая половина 1922 года), что служило значительным препятствием к правильному разрешению репатриационной проблемы, заменяется в этот период возможностью для беженцев получать правильную информацию о современном положении России. На Балканах возникает орган советской общественности—«Новая Россия», которая ставит своей задачей правильное освещение положения в Советской России. Работа, проделанная газетою в этом направлении, не пропала даром.

Правильное освещение положения Советской России, несомненно, сказалось на увеличении числа желающих репатриироваться. Первая группа репатриантов, списки которых были готовы в течение нескольких дней по приезде миссии РОКК в Болгарию, по обстоятельствам от представительства РОКК независящим, была отправлена только в январе 1923 года. Техническая сторона перевозки лежала на представительстве Лиги Наций. Реальные результаты появления в Болгарии представительства РОКК, сказавшиеся в возрастании числа репатриирующихся, в пробуждении широкого общественного движения в пользу репатриации и отмежевании беженских масс от белогвардейской реакции, оглушили русские реакционные круги. Кампанию против репатриации, репатриационных учреждений и представительства РОКК решено было усилить.

В этой кампании приняли участие все органы белогвардейской печати от черносотенной «Руси» до социал-революционных «Воли России» и «Дней». Ведущие кампанию единого антибольшевистского фронта непосредственно на Балканах «Русь» и «Новое Время» осуществляли задачу—помешать во что бы то ни стало организованной репатриации. Кроме бесконечных басен о России, усилились злобные и клеветнические выпады против «Союза возвращения на родину», против казачьего с'езда, против миссии Красного Креста. Когда не помогло дискредитирование учреждений, и беженская волна все переливалась из Варны в Новороссийск, то в малодушные сердца было брошено сомнение: в Новороссийске не принимают репатриантов, отправленных из Варны, пароходы возвращаются обратно с беженцами, а принятых расстреливают по пути от Новороссийска до Ростова, в чем особенно пытался убедить казаков «атаман» генерал Богаевский на страницах «Казачьих Дум». Белая пресса, злоупотребляя авторитетом представителя Лиги Наций, писала, что в софийском представительстве Лиги получаются жалобы из России на то, что репатрианты расстреливаются («Русь»). В га-

зетных заметках, интервью, фактическими справками эти сведения опровергались советской прессой на Балканах. «Новая Россия» попыталась поставить вопрос перед представителем д-ра Нансена в Софии о том, действительно ли поступали к нему подобные жалобы, на что г-н Коллинс дал ответ: «У меня нет сведений от новороссийского представителя Лиги Наций о том, как были встречены там и как устроились прибывшие из Болгарии беженцы» [1]). Столь неопределенный ответ представителя Лиги Наций придал смелости белогвардейской печати, и «Новое Время», описав в заметке «собственного корреспондента, возвращенного из Новороссийска в Болгарию», мытарства одной из партий репатриантов, которая в большинстве якобы не была принята в Новороссийске, а в принятом меньшинстве была расстреляна, задает вопрос «Новой России»: «Что ответит на это неопровержимое свидетельство очевидца «Новая Россия»?

И только письмо представительства РОКК, обращавшее внимание «индиферентного», чтобы не сказать большего, к распространению этих слухов представителя Лиги Наций на ненормальность такого явления, побудила его дать опровержение этих нелепых слухов.

Представительство РОКК превозмогло препятствия и организовало правильные и регулярные отправки репатриантов. В этом отношении достаточно указать, что представительством РОКК отправлено в Советскую Россию более шести тысяч человек [2]) и подготовлена была к отправке еще партия, репатриировать которую помешало отозвание миссии из Болгарии.

К сожалению, приходится констатировать, что трения вызывались не только противодействием, оказываемым русскими контр-революционными кругами, но и тем индиферентным, а подчас враждебным настроением

---

[1]) «Нов. Россия», № 61, от 30 марта 1923 г.

[2]) Отчет о деятельности Верх. Комис. в «La Mission de la Croix-Rouge russe en Bulgarie etc», p. 23.

болгарского правительства, которое сменило первоначальное доброжелательное его отношение и которое начало проявляться со времени возвращения Стамболийского из Лозанны в декабре 1922 года.

Правительство Стамболийского, слишком чуткое к тому, что ему подсказывалось теми, от кого зависела более близкая связь Болгарии с Малой Антантой, не преминуло откликнуться на намеки некоторых дипломатических кругов в Софии о том, что следовало бы сократить деятельность представительства советского Красного Креста, дать возможность развернуть деятельность русских эмигрантских организаций, смотреть сквозь пальцы на деятельность врангелевских полувоенных организаций и т. д. В самый разгар лозаннских переговоров софийский корреспондент «Таймас» из всех сил старался убедить английское общество в том, что агрессивные стремления Советской России принимают реальную форму во все усиливающемся влиянии большевиков на Стамболийского [1]).

В процессе сближения Болгарии с Малой Антантой (первоначально с Юго-Славией) отношение Стамболийского к представительству РОКК изменялось от благоприятного в первый период до едва терпимого в это время. Формально не изменяя своего отношения, фактически болгарское правительство совершенно не желало оказывать моральную поддержку представительству РОКК. К этому времени нужно отнести разрешение товарища министра внутренних дел распечатать склады интендантского имущества, передачу его врангелевским частям, появление снова в качестве начальника всех врангелевских военных частей в Болгарии генерала Ронжина, ранее предназначенного к высылке из Болгарии, враждебные против советского представительства выпады официоза «Победы», земледельческой

---

[1]) Корреспондентом «Times» состоял представитель «аполитичной» Лиги Наций. О нем см. ниже в главе: «Буржуазный саботаж репатриации».

газеты «Новини» и руководящих лиц Земледельческого Союза и т. д. Вот что пишет «Работнически Вестник», характеризуя положение того времени: «Положительно утверждаем, что 1) высланный из Болгарии по распоряжению правительства, вследствие подготовки государственного переворота, ген. Ронжин возвратился в Болгарию; 2) после приезда Ронжина склады военного имущества, которые были опечатаны по распоряжению правительства, раскрыты и переданы в распоряжение частей «русской армии»; 3) вместе с Ронжиным прибыли группы террористов из организации «Боевая дружина спасения России» [1]). В одном из следующих номеров «Работнически Вестник» приводит копию официального документа о том, что склады интендантского имущества переданы в распоряжение «рабочих дружин», как стали именоваться войсковые части Врангеля, разрешением товарища министра внутренних дел [2]). Правительство Стамболийского не могло отказать настойчивым домогательствам некоторых дипломатических кругов Софии образовать нейтральное учреждение по русским делам, к которому постепенно перешли бы фактически все функции бывшего представительства—«русской легации», представлявшейся Петряевым. В результате этих домогательств болгарским правительством был учрежден «Комитет по делам о русских беженцах» под председательством чиновника болгарского министерства иностранных дел из представителей самой крайней русской реакции, назначенных персонально болгарским правительством. Этому Комитету, по мысли авторов этого учреждения, надлежало принять заботы о русских беженцах, но в него не были включены ни представительство РОКК, ни представительство Лиги Наций. Образование этого Комитета в таком составе должно было знаменовать поворот политики Стамболийского. Не желая формально связывать себя возвращением ста-

[1]) «Работнически Вестник», январь 1923 г.
[2]) «Раб. Вестник», 12 янв. 1923 г.

рого русского представительства, назначенного совещанием бывших российских послов в Париже, Стамболийский согласился на формулу фактического представительства русских интересов черносотенными эмигрантскими кругами.

Этот поворот политики Стамболийского, конечно, был всесторонне учтен русской реакцией, и «Новое Время», рассыпавшись в милостивых похвалах Стамболийскому, открывает поход, целью которого является восстановление армии Врангеля в Болгарии, возвращение высланного командного состава к своим «однополчанам», что было бы, по словам «Нового Времени», со стороны болгарского правительства, только «актом большой государственной мудрости».

Обсуждая цели возвращения командного состава в страну, где остались их «однополчане», по поводу этой мечты черносотенцев «Новая Россия» отмечала, что возвращение командного состава к своим частям, смягченно именуемым «однополчанами» и перекрашенным в защитный цвет под наименованием «рабочих дружин», нужно «Новому Времени» в целях оживления и укрепления в Болгарии базы против Советской России. Так как белградская контр-революция мыслит себе борьбу с Советской властью только в виде крупных или мелких вооруженных выступлений, то возвращение изгнанников в Болгарию знаменовало бы собой усиление активной подготовки вооруженных нападений на Советскую Россию. Попытка «Нового Времени» поднять этот вопрос—есть попытка толкнуть земледельческое правительство Болгарии стать в открыто враждебную позицию по отношению к правительству рабоче-крестьянской России [1]).

Стамболийский вынужден был под влиянием факторов международной политики дать относительный простор поднимавшим голову под эгидой их антантовских друзей русским контр-революционерам. Лишение пайка,

---

[1]) «Новая Россия», № 36 от 31 января 1923 г.

изгнание из казарм, отведенных болгарским правительством для беженцев, удаление из инвалидных домов— вот меры воздействия на «изменивших своему долгу»— служению Врангелю. Веления начальников различных частей снова приобретают силу обязательных к исполнению норм, за неисполнение которых те же кары: изгнание, лишение и т. д. О цинично откровенном поведении начальников свидетельствует, напр., следующий приказ в «свободной парламентской» стране, при «демократическом» «земледельческом» правительстве, посягающий на свободу политических убеждений беженцев: «Распоряжение генерал-майора Полякова (командир казачьего Платовского полка), № 103, 29 апреля 1923 года. Гор. Хасково. По строевой части. § 1. Доходят до меня позорящие платовцев слухи, и верить им боюсь, что некоторые казаки платовцы хотят и готовятся принять участие в манифестациях 1 мая, устраиваемых коммунистами, да еще с красными плакатами. Неужели же забыто и нужно напоминать, что красные тряпки довели Россию и т. д. и т. д. Платовцы не могут и не должны принимать участие в манифестациях 1 мая, а кто ослушается, тот будет исключен из списков платовцев и выселен из казармы, так как хождение с красными тряпками для истинных платовцев позорно».

Итак, несмотря на разгром организации Врангеля в 1922 году, болгарское правительство вынуждено было смотреть сквозь пальцы на существование вооруженной армейской антисоветской организации, сведенной в рабочие дружины. Здесь возымели свое действие и современное запугивание представителем «аполитичного» и «высокогуманного» учреждения в «Таймс», и вожделение французских империалистов использовать «национальный» добровольческий корпус, и стремление Стамболийского поскорее укрепить международное положение Болгарии союзом с Юго-Славией и вхождением в Малую Антанту.

По времени этот поворот в отношении Стамболийского к русскому вопросу совпадал с подготовительной

кампанией к «окончательному торжеству» земледельческой партии при выборах в новое Народное Собрание. В связи с этим, ввиду угрожающего для земледельческого союза роста значения политических требований коммунистической партии, и ставя судьбы последней в зависимость от рабоче-крестьянского правительства Советской Республики, Стамболийский дал директиву по партии: дискредитировать в предвыборной кампании установления Советской России, чтобы тем ослабить значение предвыборных лозунгов болгарской коммунистической партии: «Борьба за рабоче-крестьянское правительство». Этим и об'ясняется перемена отношения наиболее видных деятелей Земледельческого Союза и его прессы к Советскому представительству.

Воспользовавшись тем, что дело об убийстве Агеева назначено было к слушанию, руководящие круги Болгарского Земельного Союза решили развернуть кампанию против представительства РОКК. В прессе неоднократно полунамеками общественное мнение подготовлялось к «сенсационным разоблачениям», которые предстояли на процессе. Хотя обвинительный акт устанавливал виновность в убийстве лиц, входивших в организацию Покровского, и новых обстоятельств дела не было, однако, решено было эти новые обстоятельства создать. Одним из видных деятелей Земледельческого Союза, городским головой города Софии Крумом Поповым, было громогласно в присутствии десятков граждан в помещении городского самоуправления заявлено нескольким городским гласным, что Агеева убили «сами большевики», как врага Советской России. В этом сказалось влияние русских эс-эров.

Эс-эры давно обратили внимание на Болгарию, как центр сосредоточения русских беженцев. Их «Административный Центр», об'единявший силы для борьбы с Советской властью и получавший на это средства от различных иностранных правительств («Материалы о работе эс-эров за границей»), решил поручить работу в Болгарии В. И. Лебедеву, одному из редакторов

«Воли России», бывш. товарищу морского министра в кабинете Керенского. Выбор пал на Лебедева, вовсе не вследствие талантов последнего, а в силу личных отношений его к одному из видных лиц, близких к Стамболийскому. Лебедев приехал в Болгарию еще осенью 1922 года и своим влиянием на земледельческие руководящие круги старался помешать работе РОКК. Благодаря поддержке личного его друга—правой руки Стамболийского — Лебедев пользовался некоторыми услугами как земледельческой партии, так и земледельческого правительства, которые, однако, не препятствовали работе миссии. Насколько эти услуги носили реальный характер, сказать утвердительно трудно. Но нельзя не обратить внимания на то единодушие, с которым пресса всех направлений отметила материальную зависимость Лебедева от болгарского правительства. «Работнически Вестник» сообщил о том, что Лебедев получал значительные суммы от Стамболийского за свои панегирики земледельческому режиму, «Последние Новости» подтвердили это, указав на то, что «Лебедев получал содержание от Стамболийского и написал панегирик его режиму» [1]). «Руль» приводит даже выписку из конторских книг Стамболийского с указанием, когда и сколько уплочено сему вовсе непочтенному эс-эровскому политическому гешефтмахеру: «В министерстве иностранных дел,—сообщает «Руль»,—среди оставшихся счетов Стамболийского найдены записки о выдачах министру Керенского Лебедеву, помимо тех двухсот тысяч лева, что он получил за его книгу «Новым Путем». Вот официальный счет выданных Лебедеву сумм «Безусловного фонда» из «Кредита для защиты болгарских народных интересов и для ознакомления внешнего мира с болгарским национальным делом»:

1) 8 сентября 1922 года уплочено через Ивана Николаева Лебедеву 10.000 лева.

2) 10 октября уплочено Лебедеву 10.000 лева.

---

[1]) «Посл. Нов.», № 972 от 23 июня 1923 г.

3) 24 октября уплочено С. Стефанову по сопровождению Лебедева 3.000 лева.

4) 30 октября уплочено Лебедеву 5.000 франков по 1.011 лева—50.550 лева.

5 9 ноября уплочено за билеты Лебедева 2200 лева.

6) 9 ноября уплочено Ивану Николаеву за визу на паспорт 3590 лева.

7) 9 ноября уплочено за извозчика 65 лева.

8) 9 ноября за визу на паспорт Лебедева 400 лева.

79.895 лева.

1923 г. Куплено шестьсот экземпляров книги его «Новым путем» по 40 лева за экземпляр от издателя его . . . . . 24.000 лева.

103.895 лева [1])

Документы говорят сами за себя, не нуждаясь ни в каких комментариях, за исключением разве того, что издателем книги Лебедева было издательство эс-эровской «Воли России».

Отношение Лебедева к болгарскому правительству порождало сильные подозрения. Еще в августе 1922 г. клевреты Лебедева, за деньги продававшие сведения о нем всем, кто платил им за это, разблаговестили о том, что Стамболийский заказал Лебедеву книгу, которая обрисовала бы перед Европой благодетельный земледельческий режим во всех его благостных для болгарских селян проявлениях, и которая «защищала бы болгарские национальные интересы и ознакомляла бы внешний мир с болгарским национальным делом». Гонорар был обещан солидный. И, действительно, Лебедев в начале 1923 года выпустил книгу «Новым путем», посвященную, по его словам, трудовой повинности в Болгарии, проведением которой так хвастались болгарские земледельцы. Нужно сказать, что о трудовой повинности там не было сказано и пяти фраз, а о благодетельном режиме, о восторгах земледельцев при виде

[1]) «Руль», август 1923 г.

Стамболийского или кого-нибудь другого из министров, в обществе которых Лебедев изучал Болгарию из автомобиля, было написано более двухсот страниц.

В последней главе, озаглавленной «Мус Алла», что будто бы значит «Коснулся бога», Лебедев дает понять, что благодаря Болгарии и ее трудовой повинности он «коснулся бога». «Неужели господин Лебедев не понимает,—писал рецензент «Новой России» по поводу этой книги,—как трезвый и добросовестный ум болгар оценит его старания? В России подобного рода «литературные произведения» назывались песнями торжествующей любви к субсидиям» [1]). Книга, сама по себе не стоящая того, чтобы о ней говорить, но история ее появления характерна для методов работы эс-эровского иудушки, перед которым «национальные интересы Болгарии и болгарское национальное дело» затуманили интересы России.

Выполняя возложенные на него «Административным Центром» поручения, Лебедев присоединился к общему хору черносотенно-кадетско-эс-эровской травли работников репатриации, членов миссии Красного Креста и проч. С несомненной целью дискредитировать работу советского представительства Лебедев воспользовался убийством Агеева. Он непосредственно после убийства пытался подготовлять общественное мнение в том направлении, что Агеев был убит агентами советского представительства. С этой целью он поместил в болгарском социал-демократическом органе «Народ» письмо, в котором утверждал, якобы со слов убитого Агеева, что последний перешел на сторону Советской власти и ездил в Россию, исключительно из желания ближе изучить возможности свержения Советской власти «внутренними силами», что Агеев никогда не сочувствовал Советской власти, оставаясь правоверным демократом эс-эровского толка. Спустя немного времени то же

---

[1]) «Бывший знатный иностранец о болгарской трудовой повинности». «Нов. Рос.», № 85.

самое Лебедев повторил в «Днях» и «Воле России». Пишущий эти строки, видевшийся и разговаривавший с раненым Агеевым уже после того, как его навестил Лебедев, вынужден был печатно назвать собственным именем поступки Лебедева. В статье «Провокация эс-эров» я писал: «В моем присутствии А. М. Агеев просил передать Лебедеву несколько фраз, и среди них не было ни одной, из которой можно было бы сделать выводы, какие сделал Лебедев в письме. Все то, что Лебедев поместил в письме в «Народе»—наглая ложь». И дальше: «В прерывистых разговорах со мною Агеев сказал мне, что у него был Лебедев, но говорить с ним он, к сожалению, не мог, так как ему было очень худо. Таким образом, все от начала до конца в информации Лебедева—сознательная ложь и провокация» [1]).

Расчет эс-эровского работника был ясен: во-первых, дискредитировать самое дело репатриации, указав, что один из видных работников Красного Креста, агитирующий за репатриацию, — противник Советской власти и ездил в Россию только для того, чтобы «изучить возможности свержения» и, во-вторых, подготовить почву для дискредитирования советского представительства подозрением в убийстве «изменника» Агеева. Здесь покоятся корни того, что заявил экспансивный Крумм Попов в порыве предвыборного желания победить своих самых сильных противников—коммунистов. Подтверждение своих слов Крумм Попов видел в том, что тело Агеева не было предано земле в течение 8 месяцев после смерти, а лежало в засвинцованном гробу в морге одной из софийских городских больниц в ожидании возможности перевезти его в Россию. В сопровождении Лебедева Крумм Попов, как городской голова, посетил морг и нашел, что большевики «пренебрежительно относятся к телу Агеева, не хоронят его потому, что он был для них изменником». Лебедев делал попытки официально закрепить эту версию в процессе

[1]) А. Булацель. «Провокация эс-эров». «Нов. Рос.», № 16.

по делу убийц Агеева. Мне уже пришлось указать в «Известиях» на роль Лебедева в процессе, где он стремился принять участие не только в качестве свидетеля, но и защитника, солидаризирующегося с белыми бандитами сообщника преступления, подстрекающего к безнаказанной расправе. «Уже по окончании процесса, — писал я в письме в редакцию «Известий», — один из болгарских адвокатов, близко стоявших к этому делу (назвать его я не смею, зная, чему он может подвергнуться в «конституционном режиме» Цанкова за сочувствие Советской власти), заявил мне, как товарищу Агеева и редактору «Новой России», следующее: в первоначальной стадии процесса эс-эр Лебедев искал встречи с этим адвокатом. Встреча эта состоялась в ресторане «Альказар» в Софии, на улице Царя-Освободителя. Там Лебедев предложил этому адвокату превратить этот процесс из процесса против убийц в процесс против Советской власти. По его мнению, политическая сторона этого процесса требовала установления невиновности в убийстве обвиняемых и шайки Покровского и перенесения ответственности на советское представительство, агенты которого—нужно было так построить процесс—убили Агеева. При этом Лебедев указал на возможность в свидетельских показаниях обрисовать вероломность Советской власти, при которой, как заявляет теперь госпожа Кускова, «производятся массовые убийства партией правящих, убийства, совершаемые холодно, расчетливо, правом сильного над безоружным». Адвокат от такой постановки процесса категорически отказался. Но Лебедев не прекратил своих попыток в этом направлении, и защитники обвиняемых в заседании суда 11 июня просили о замене одного из свидетелей—квартирохозяина убийцы—эс-эром Лебедевым, который «установит невиновность убийцы. (Отчет о заседании)» [1]). Версия об убийстве Агеева, взрощенная эсэровской провокацией, нашла свое выявление в агита-

[1]) «Известия ЦИК СССР», № 257 (1994) от 10 ноября 1923 г.

ционной горячке предвыборной кампании и дала возможность—гордитесь этим, господин Лебедев!—русским и иным чернорубашечникам безнаказанно повторить эксперимент с Агеевым во времена уже правительства Цанкова.

Эс-эры могут гордиться и другим. Психологическая атмосфера, созданная таким отношением болгарских правящих кругов, имевших связь с провокационной работой эсэровской эмиграции, дала возможность белогвардейщине поднять голову и активно выступить против деятелей РОКК и дела репатриации. В провинции, в нескольких местах контр-революционеры устраивали погромы репатриационных учреждений, стреляли в работников «Союза возвращения на родину», ранили уполномоченного представительства РОКК тов. Шергу, секретаря «Союза возвращения на родину» тов. Лищина и т. д.

Русская реакция, располагавшая материальными средствами, захваченными представителями бывшей власти и бывших общественных учреждений, лишала материальной поддержки тех, кто подозревался только в желании возвратиться на родину, кто смел непочтительно отозваться о «главнокомандующем», кто не состоял в одной из монархических организаций.

В болгарский совет министров была подана группой русских инвалидов жалоба с просьбой привлечь виновных к суду, в которой авторы ее излагали порядки, царящие в учреждениях «гуманитарного» белогвардейского Красного Креста:

«В Совет Министров Болгарского Правительства. Группы инвалидов Ново-Загорского инвалидного дома. Прошение. В Ново-Загоре, в державных казармах, есть инвалидный дом врангелевского «Красного Креста», возглавляемого г. Фельдманом. На самом же деле этот инвалидный дом не представляет из себя благотворительного учреждения, а является притоном монархистов: с ведома коменданта инвалидного дома, б. жандармского полковника Фокина, здесь образовалась «народно-монархическая партия», которая занялась преследова-

нием всех «неблагонадежных» лиц; стали писаться доносы коменданту—комендант давал распоряжения производить дознания о таких «неблагонадежных» лицах, и весь собранный материал отсылался в Софию «военному представителю», и это делалось в то время, когда болгарское правительство об'явило, что все русские, находящиеся в Болгарии, являются обыкновенными беженцами, но не воинскими частями. Чтобы не быть голословными, укажем несколько случаев производства дознаний о «неблагонадежных» лицах: кто-то донес на инвалида Покровского, что тот назвал генерала Врангеля самозванцем; усмотревши в этом оскорбление личности генерала Врангеля, как «верховного главнокомандующего», комендант инвалидного дома распорядился произвести дознание. Инвалид Болгов, желая уехать в Россию, зашел как-то в коммунистический клуб — опять дознание, и Болгову пришлось покинуть инвалидный дом. Инвалид Гончаров утерял кошелек—кошелек был найден кем-то из инвалидов и передан администрации; при осмотре кошелька были найдены какие-то «компрометирующие» документы—опять дознание, и Гончаров, получивши сведения, что монархисты собираются его избивать, принужден был уйти из инвалидного дома и спасаться у одного болгарина на огороде. Когда же образовался в Ново-Загоре «Союз возвращения на родину», монархисты, надеясь на заступничество коменданта общежития и г. Фельдмана, стали угрожать инвалиду Покровскому, который принимал участие в организации «Союза возвращения». Покровский, желая избежать насилия, чему бывали примеры, принужден был покинуть инвалидный дом и снять комнату в городе, а затем Покровскому было об'явлено комендантом, что он не только лишается пайка, но и вообще исключается из инвалидного дома за принадлежность к большевистской организации—«Союзу возвращения на родину»—и за агитацию в казарме. Из приведенных фактов видно, что г. Фельдман и комендант инвалидного дома, жандармский полковник Фокин, будучи ря-

довыми беженцами, присвоили непринадлежащие им судебные функции и превратили благотворительное учреждение в охранку. Кроме производства дознаний о «неблагонадежных» лицах, администрацией инвалидного дома по приказанию «военного представителя» производилась регистрация инвалидов бывших офицеров, находящихся на беженском положении; в числе вопросов в регистрационной карточке был и такой: «Имеет ли возможность и желание поступить в армию по первому зову»? Инвалиды принуждены были регистрироваться: не зарегистрируешься—выгонят из общежития».

А вот приказ, характеризующий отношение верхов врангелиады к «свободной репатриации»:

«По приказанию генерал-лейтенанта Ронжина сообщаю получение его превосходительством от ген. Миллера следующего распоряжения от 2 марта № 02766: «В настоящее время во вверенный мне штаб поступают из Болгарии списки офицеров и солдат, которые, по имеющимся на месте сведениям, записались в большевистский «Союз возвращения на родину». Принимая во внимание: 1) что точное установление лиц, записавшихся в означенный союз, является весьма важным в интересах армии и 2) что представляемые ныне списки, составленные на основании непроверенных и неполных сведений, в некоторых случаях даже без указаний частей, в коих состоят подозреваемые, не дают возможности для окончательного суждения по этому вопросу и принятия соответствующих в связи с этим мероприятий,—необходимо теперь же принять меры к урегулированию этого дела и установлению точного и однообразного порядка при учете лиц, изменивших своему воинскому долгу, что, в свою очередь, даст возможность главному командованию применить в отношении их соответствующие меры воздействия. Полная безнаказанность в этом отношении может повести к весьма неблагоприятным последствиям и лишить сдерживающих начал малоустойчивый элемент, склонный смотреть на запись в «союз», как на ловкий тактический шаг, не

лишающий их никаких преимуществ, связанных со службой в армии, и вместе с тем гарантирующий их от возможных неприятностей в будущем. Ввиду этого, по приказанию главнокомандующего, прошу вашего распоряжения о представлении вам всех сведений о чинах, записавшихся в «союз», и о безотлагательной и возможно полной проверке этих сведений, путем опроса свидетелей, подозреваемого, получения необходимых справок начальства и пр., каковая работа только и может быть проделана на месте, где личность каждого хорошо известна его сослуживцам по части и начальству. По собрании достаточных для окончательного суждения материалов, вам надлежит, по рассмотрении их, собственной властью разрешить вопрос о виновности подозреваемого, после чего отдавать приказ о переводе его на беженское положение и затем всю переписку об офицерских чинах препровождать мне для исключения виновного со службы с лишением чинов, через суд чести, если сего не представится возможным сделать на месте, или об увольнении его со службы в порядке дисциплинарной власти главнокомандующего. Последнее правило надлежит соблюдать и в отношении офицеров, состоящих на беженском положении. Копии всех этих приказов ваших прошу препровождать мне. О последующем ожидаю ваших уведомлений». На основании вышеизложенного генерал-лейтенант Ронжин приказал в двухнедельный срок (т.-е. считая получение вами сего 20 марта)—к 2 сего апреля представить его превосходительству список всех чинов вверенной вам группы, записавшихся в «союз» как из числа числящихся в частях, так и переведенных на беженское положение с подробной мотивировкой в отношении каждого лица для принятия его превосходительством требуемых отношением генерала Миллера решений. П. п. Генерального Штаба полковник Зайцев».

В этой атмосфере возрождающейся контр-революции происходит болгарский переворот 9 июня—свержение земледельческого правительства Стамболийского и за-

мена его правительством буржуазного блока, руководимого «Военной Лигой», фашистской организацией «Кубрат».

Чтобы уяснить, какое значение имел болгарский переворот 9 июня для вопроса о репатриации русских беженцев, необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать политическое значение столкнувшихся 9 июня групп [1]).

До 9 июня у власти находилось земледельческое правительство. Страною правила земледельческая партия—Болгарский Земледельческий Народный Союз. Этот Союз по программе и уставу является одновременно политической и экономической организацией мелкого крестьянства—не только собственников, но и сельских рабочих, из которых Союз стремился создать отдельных собственников «трудовых хозяйств», об'единяя всех занятых в земледелии, без различия социальных группировок, в «земледельческое сословие». По идее Земледельческий Союз представляет организацию не только земледельцев, но прежде всего трудящихся. Этим лозунгом, об'единяющим как батрачество, так и трудовое крестьянство, как промышленных рабочих, так и мелких ремесленников-собственников, Земледельческий Союз привлек на свою сторону массу прежде всего мелкого трудового крестьянства. Принцип труда глубоко пустил корни в болгарском селячестве. На языке крестьян нет разницы между земледельцем и фабричным рабочим. С этой точки зрения вполне оправдываемы постоянные заявления Стамболийского и других руководителей Союза, что Земледельческий Союз передаст власть только коммунистам, как партии организованных промышленных рабочих, что Коммунистическая партия ближе Земледельческому Со-

---

[1]) Не ставя своей задачей давать политический очерк Болгарии, я сознательно исключил из своего изложения болгарского переворота значительную политическую силу страны—Болгарскую Коммунистическую партию, так как она уклонилась от активного выступления в дни переворота 9 июня.

юзу, чем буржуазные партии, что «наемные рабочие и ремесленники смогут разделить с Земледельческим Союзом управление», что широкие социалисты (болгарские социал-демократы меньшевики)—предатели интересов трудового народа и т. д. Социальный состав членов Земледельческого Союза указывает на то, что преимущественную массу его членов составляли малоимущие крестьяне. Поэтому вполне естественно, что программа требует национализации крупных частновладельческих имений, передачи их в фонд трудовой поземельной собственности, из которого каждый обрабатывающий землю может получить, на правах пользования, столько, сколько он в силах обработать. Право собственности на землю ограничивается тремя десятинами. Малоимущее крестьянство должно нести меньше налоговых тягот, которые необходимо переложить на «кожедеров», «чорбаджиев», вообще крупных собственников. Народное Собрание проводит закон о конфискации имуществ «виновников войны», спекулянтов, маскирующий стремление сельской массы экспроприировать имущества старых партий городской буржуазии. Для того, чтобы дать выход народному требованию об ограничении собственности крупной буржуазии, программа Земледельческого Союза требует введения высоких налоговых ставок на прирост ценностей, торговый и банковый капиталы, крупные наследства и т. д. Очевидно, учитывая настроение избирателей, Стамболийский в одной из последних своих речей сказал между прочим: «Я вижу здесь банки табачных производителей, громадные новые здания частных банков. Будьте уверены, что это все станет вашим. Они это передадут кооперативам и синдикатам. Если этого не произойдет добровольно, то мы возьмем насильно. Будьте свидетелями, что когда я в следующий раз буду здесь, вы увидите все капиталы и капиталистические предприятия в руках народной кооперации. Мы не поддерживаем частно-капиталистический строй, капитализм».

Что касается собственно политической части программы Земледельческого Союза, то она сводится к поддержанию конституционной монархии, указывая на стремление Союза к расширению основ народоправства. Крестьянство, пришедшее к власти, определенно стремилось к республике. На 17-м конгрессе партии, бывшем в 1921 году, все присутствовавшие делегаты единогласно потребовали свержения царя и провозглашения республики. Болгарским земледельцам не чужда мысль о господстве действительной, а не «формальной» демократии. Будущее государственное устройство Болгарии рисовалось им не только республиканским. Они имели определенную тенденцию устранить целый ряд категорий населения от участия в выборах, во власти, в управлении. «Кто не трудится, тот не управляет»—это основное требование Земледельческого Союза в вопросе об изменении избирательной системы.

Из краткого изложения основных начал программы Земледельческого Союза видно, что этой организации не могли быть чужды стремления и чаяния русских беженских трудовых масс. Поэтому какие бы уродливые формы ни принимала политика болгарского земледельческого правительства, в частности в вопросе о русских беженцах, политика, которая не вязалась ни с программою Союза, ни с настроениями широких масс,—симпатии болгарского селячества всегда оставались на стороне русских трудящихся.

Политика кабинета Стамболийского в конечном счете определялась вовсе не желаниями болгарских политических партий, в том числе и Земледельческого Союза, или полезностью для Болгарии той или иной международной комбинации. Стамболийский часто говорил: «Болгария не может иметь собственной политики. Она поступает так, как диктуют ей великие державы». До тех пор, пока репатриация русских не тревожила мирного сна антантовской буржуазии, пока не обнаружился в широких беженских массах рост процесса советизации, до тех

пор союзники смотрели сквозь пальцы на то, что они позволили решить Лиге Наций по вопросу о репатриации. В Болгарии всем руководили «великие силы». Выше уже было упомянуто о давлении, оказанном на Стамболийского в русском вопросе. Стамболийский пренебрег интересами русских беженцев, принеся их в жертву на алтарь велений великой и всесильной Антанты.

Стамболийский пал [1]). Какие же силы произвели переворот? Военная Лига. Буржуазные партии давно обратили внимание на армию и постарались крепко связаться с ее командным составом. Офицерство, вышедшее из среды городской буржуазии, естественно защищало те же интересы, что и партии буржуазного блока. Мероприятия правительства Стамболийского во внутренней политике, направленные к ликвидации городской буржуазии, а главное к лишению ее экономического базиса, торгового и банкового капитала, организация им диктатуры мелкобуржуазного класса, давно уже беспокоили буржуазный блок, равно как беспокоили последний и энергичные шаги его к изменению конституции в духе мелкобуржуазного республиканизма. Его проект своеобразной национализации крупного торгового и банкового капитала и передача его земледельческим кооперативам не могли не создать благоприятной среды, в которой грибок переворота, питаемый англо-итальянской политикой, стал развиваться с поразительной быстротой. Внутренние силы болгарского переворота 9 июня представляли из себя сумму слагаемых из буржуазных партий от самых правых национал-либералов до самых левых—широких социалистов, весь спектр эксплоататорского класса с его ублюдком — соглашательской социал-демократией. Естественно, что отношение их к русскому трудовому беженству не могло

[1]) Приводимая в настоящей книге характеристика правительства Стамболийского является несомненной его идеализацией. *Ред.*

отличаться симпатиями. Все предпочтение было на стороне русской зарубежной буржуазии, «пострадавшей от большевиков», которые намерены распространить власть трудящихся на весь мир и—помилуй бог—лишить и болгарскую буржуазию ее «неот'емлемых прав» на средства эксплоатации рабочих масс. Поэтому все, что напоминало Советскую Россию в настроении беженцев, подлежало искоренению. Политика Болгарии не могла стать самостоятельной из-за падения земледельцев и воцарения фашиствующей военщины. И профессор Цанков—такая же пешка в шахматных ходах «сердечных друзей» из Антанты, как и «неуч» Стамболийский.

Переворот 9 июня вызван ходом Англии, об'явившей «шах», своему сердечному другу Франции в ее ближневосточной политике. Английские веления сейчас—закон жизни правительства июньского переворота. В том окружении Советской России—от Балтийского до Черного моря на западе, — которое предприняла Англия, от прибалтийских государств через Польшу и Румынию на юг, англинизированной Болгарии должен быть отведен участок фронта. И в политике профессора Цанкова по русскому вопросу нельзя не усмотреть направляющей руки лорда Керзона. Во внутренней болгарской жизни победили, таким образом, те круги, на которые в своей контр-революционной деятельности опиралась русская белогвардейщина, те круги, которые непосредственным давлением или дипломатическими связями сумели сломить правительство Стамболийского в русском вопросе. То, что можно было делать русским реакционерам во времена земледельческого режима только под шумок, что в последний период правительства Стамболийского было только цветочками, дало при новом порядке ягодки, стало делаться открыто, с бравадой, с уверенностью в безнаказанности содеянного. Русская контр-революция почувствовала почву под ногами. После переворота русские белогвардейские организации совершенно распоясались: начались дикие расправы с активными работниками «Союза возвраще-

ния на родину», членами Союза или просто желающими репатриироваться. В день переворота бульварный черносотенный листок «Русь» распространял слухи, что беженцы намерены расправиться с «большевистским» представительством, снова им муссировались слухи об аресте членов миссии, об их бегстве из опасения расправы с ними властей, из боязни «справедливого народного гнева» и т. д.

Письма с угрозами лишить жизни посыпались как из рога изобилия. 13 июня, т.-е. через четыре дня после появления нового правительства у власти, представительство РОКК уже вынуждено было поставить его в известность о тех провокационных слухах, которые белогвардейские организации и их печать, ссылаясь на изменение политики болгарского правительства в русском вопросе, распространяют среди беженства. Вот текст официального обращения представительства к правительству.

Перевод с французского.

Полномочный Представитель
Российского Общества Красного
Креста в Болгарии.
13 июня 1923 года.
№ 655.

Господину Министру Иностранных
Дел и Исповеданий.

Господин Министр!

В тот же день, когда произошла перемена в составе Совета Министров, различные темные личности начали распространять различные возбуждающие массу слухи.

Эти слухи говорили о высылке Представительства РОКК, об аресте членов Представительства, об эксцессах против Представительства и т. д.

Газета «Русь», вышедшая в тот же день, сделала их объектом своей пропаганды, распространяя их по городу.

В результате этой усиленной пропаганды, явно тенденциозной, усилились слухи среди определенных кругов, враждебных репатриации, о том, что политическая обстановка, последующая за изменением Совета Министров, будет иметь благоприятные последствия для заговоров этих кругов, позволяя им привести в исполнение террористические акты против членов Представительства.

С этого дня увеличивается число угрожающих писем, получаемых представительством РОКК.

Текст этих писем не оставляет никакого сомнения в том, что настроение их авторов покоится на вышеуказанных слухах.

Ввиду этого представительство РОКК имеет честь просить Вас, Господин Министр, сделать необходимые распоряжения, которые заставили бы прекратить распространение возбуждающих слухов, содержание которых изложено выше, а также принять меры к ограждению личной безопасности членов Представительства.

Представительство просит Вас не отказать поставить его в известность о тех мерах, которые Вы нашли бы нужным предпринять.

Благоволите принять и проч.

Зампред РОКК *А. Корецкий.*

Болгарское правительство молчало. Как и следовало ожидать, возбуждающие толпу слухи должны были вызвать усиление преследований и издевательств над репатриантами. Угрозы перешли в действия. В провинции происходит ряд арестов и истязаний, произведенных с помощью болгарских властей. 21 июня представительство РОКК сообщает правительству о ряде безосновательных арестов работников репатриации, избиений их агентами болгарской власти и требует расследования этих преступлений болгарской администрации.

Перевод с французского.

Полномочное Представительство
Российского Общества Красного
Креста в Болгарии.
21 июня 1923 года.
№ 670.

Господину Министру Иностранных
Дел и Исповеданий.

Господин Министр!

В письме от 13 июня за № 655 Представительство РОКК уже имело случай довести до Вашего сведения о тех слухах, которые распространяются частью русских беженцев, противников репатриации, в связи с переменою в составе Совета Министров.

Как на результат этих слухов Представительство указало на усиление агрессивности в поведении безответственных лиц из среды антисоветского беженства.

Угрозы по адресу членов Представительства сменились в провинции избиениями лиц, которые проявили себя активно, как работники на поприще репатриации.

Представительство располагает сведениями об актах насилия, имевших место в отношении репатриантов, при которых активную помощь русским антирепатриантам оказывали представители болгарской власти и армии.

Так, в Пловдиве 10 июня двое русских, в сопровождении двух болгарских солдат, искали, с целью арестовать, г. Кудрявцева, который работал по вопросам репатриации. Попытка ареста не увенчалась успехом, только вследствие отсутствия из дома г. Кудрявцева.

В Рущуке вечером 10 июня лицами, приехавшими в автомобиле в сопровождении русского Шелконогова, который накануне указывал болгарским властям квартиры русских (репатриантов), были арестованы г.г. Стремоухов и Гайдуков. Арестованные были отведены в префектуру, где они были избиты и где им угрожали расстрелом. У арестованных вынудили подписку о том, что они прекращают всякую деятельность по репатриации.

В Плевне 10 июня был арестован работник по репатриации г. Шелепугин.

На фабрике «Изида» болгарским комендантом станции был арестован г. Еремеев. При его аресте двое болгарских солдат жестоко его истязали в течение двух часов. Истязания продолжались также и впоследствии во время его допроса.

Угрозы и выпады со стороны антирепатриантов и болгар, которые им помогали, имели место почти повсюду, но были и такие места, как Перник, Бургас, Дупница, где были попытки осуществить эти угрозы.

Из приведенных сведений можно заключить, что во всех случаях, когда «белые» сводили свои счеты со сторонниками репатриации, болгарские власти принимали в них участие на стороне «белых» противников репатриации.

Подобное положение не может не вызвать протеста со стороны Представительства против незаконных действий администрации, нарушающих согласие Болгарского Правительства, выраженное им г. Верховному Комиссару Лиги Наций д-ру Нансену, предоставить возможность всем желающим репатриироваться, равно как нарушающих и разрешение Правительства Представительству РОКК «выполнять действия по репатриации русских, желающих возвратиться в Россию», как нам сообщал г. Министр Внутренних Дел в своем письме от 25 октября прошлого года за № 8832.

Доводя до Вашего сведения, Господин Министр, об указанных выше беззаконных, подлежащих специальному расследованию, действиях администрации и воинских чинов, Представительство РОКК заявляет свой энергичный протест по поводу

насилий над желающими возвратиться на родину и просит Вас дать указания органам исполнительной власти о необходимости лояльного отношения к репатриантам.

Представительство обращается к Вам, Господин Министр, с просьбой поставить его в известность о принятых мерах.

Благоволите принять и проч.

Зампред РОКК *А. Корецкий.*

«Новая Россия» по поводу этих избиений поместила статью под заголовком: «К сведению болгарского правительства», где писала:

«Из провинции поступают в редакцию сведения, что в связи с переменою кабинета отношение как русских власть имущих в предприятиях, так и части болгарской администрации значительно ухудшилось к тем, кто заявил открыто, что он возвращается на родину. Мы доводим до сведения правительства, лозунгом своим поставившего с первого дня существования «право и законность», что в провинции местные власти, не разбираясь в русской обстановке, несознательно идут за наущениями русских бандитов, что приводит к печальным и совершенно неуместным, с точки зрения «демократического режима» Болгарии, поступкам. Правительство Болгарии, имеющее такой большой процент собственных беженцев, не может не сочувствовать желающим возвратиться на родину. Провинциальные эксцессы вызываются недостаточной ориентировкой местных властей. Мы уверены, что предвзятое отношение провинциальной администрации к русским репатриантам, иногда выливающееся в преступное превышение власти, получит должную оценку со стороны правительства».

Спустя всего два дня «Новая Россия» снова доводила до сведения болгарского правительства о новых избиениях репатриантов. «Мы снова обращаемся к болгарскому правительству: лозунг «право и законность» требует немедленного вмешательства в действия местных властей. Промедление в принятии мер к прекращению распространяющихся действий местных болгарских властей в отношении русских репатриантов гро-

зит обратить разрозненные случаи в систему борьбы болгарской администрации с репатриацией русских беженцев, возможность которой допустило болгарское правительство договором с д-ром Нансеном и допущением в Болгарию представительства РОКК. Мы приветствуем распоряжение г. министра внутренних дел, предписывающее администрации не делать различия между русскими и болгарами. Но необходимо проявить твердость в проведении этого на местах и указать на невозможность делать различие между русскими и русским».

Правительство и «совесть народная» — пресса — молчали. Зато отвечали ножи и пули разнуздавшихся белогвардейцев, истязания и аресты болгарской администрации. Волна террора постепенно охватывала всю Болгарию. Волна двигалась вслед за генералом Ронжиным и полковником Зайцевым, которые выехали в турнэ по Болгарии, чтобы лично руководить операцией разгрома репатриантских учреждений. Сообщения с мест поразительно однообразно указывали на приезд этих белых рыцарей печального облика, интимное общение их с местными комендантами или полицейскими начальниками и, как на результат этого, разгром на следующий же день всех русских репатриантов. Снова бессильное перед насилиями болгарских властей Представительство РОКК ставит обо всем в известность болгарское правительство и снова просит принять меры охраны русских граждан.

Перевод с французского.

Полномочное Представительство
Российского Общества Красного
Креста в Болгарии.
22 июня 1923 года.
№ 674.

Господину Министру Иностранных
Дел и Исповеданий.

Господин Министр!

В письме от 21 июня № 670 Представительство РОКК протестовало против преступных действий, совершенных властями на местах, в частности против актов насилия над русскими гражданами, выразившими желание возвратиться в Россию.

В настоящее время Представительство снова вынуждено довести до сведения Болгарского Правительства об аресте лиц, работающих над репатриацией русских беженцев.

Так, в Хаскове были арестованы: г. Шерга, которому Представительство РОКК поручило наблюдение за организацией репатриации, и г.г. Утишев и Беляев, занимавшиеся репатриацией тех, кто заявил желание возвратиться на родину.

Указанные лица были интернированы в Бургас, а их Бюро по репатриации закрыто. В этом увеличении случаев ареста лиц, занятых репатриацией, Представительство не может не видеть системы борьбы против репатриации русских, предпринятой местными болгарскими властями.

Повторяя свой протест, высказанный в письме от 21 июня, Представительство вынуждено обратиться к Болгарскому Правительству с представлением освободить как можно скорее всех арестованных, занятых репатриацией, если к ним не предъявлено обвинения в каком-либо преступном деянии, возвратить их в места их работы и предпринять необходимые меры, гарантирующие им возможность свободно работать над репатриацией русских, как это указано в соглашении Болгарского Правительства, заставить прекратить новые акты насилия, совершенно невыносимые.

Доводя до Вашего сведения обо всем изложенном, Господин Министр, Представительство надеется получить в самый короткий срок ответ как на это письмо, так и на письма, затрагивающие тот же вопрос, от 13 июня № 655 и 21 июня №670.

Примите и проч.

Зампред РОКК *А. Корецкий.*

Перевод с французского.

Полномочное Представительство
Российского Общества Красного
Креста в Болгарии.
3 июля 1923 года.
№ 706.

Господину Министру Иностранных
Дел и Исповеданий.

Господин Министр!

В дополнение к письмам от 21 июня № 670 и 22 июня № 674 представительство доводит до сведения Министерства Иностранных Дел о новых случаях арестов и истязаний работников репатриационных учреждений, имевших место в Габрово.

Ночью с 19 на 20 июня там были арестованы г.г. Караульный, Еремин и Попов, которых отвели в управление местного коменданта, где их избивали в течение получаса комиссар полиции подпоручик Килифаров и Иван Хаджи Стойчев.

Необходимо указать, что здесь, как и во всех случаях, изложенных раньше, аресты выполнялись по доносам русских контр-революционеров. При этом аресте присутствовали русские—Сахаров и бывш. денщик генерала Туркула по имени Андрей. На вопрос арестованных, за что они арестованы и подверглись истязаниям, подпоручик болгарской армии Нежный ответил: «Русские сказали, что вы—коммунисты».

Таким образом, Представительство снова вынуждено обратить внимание Болгарского Правительства на необходимость как можно скорее решить вопрос о беспрепятственной работе по репатриации русских беженцев.

Благоволите принять и проч.

Зампред РОКК *А. Корецкий.*

Предвидя, что непринятие мер, гарантирующих нормальную работу репатриантских учреждений, может повлечь за собой трагические последствия, представительство РОКК предупреждает об этом болгарское правительство.

Перевод с французского.

Полномочное Представительство
Российского Общества Красного
Креста в Болгарии.
3 июля 1923 года.
№ 705.

Г'осподину Министру Иностранных
Дел и Исповеданий.

Господин Министр!

В письме от 13 июня за № 655 Представительство РОКК сообщило Министерству Иностранных Дел и Исповеданий о получении—особенно часто в последнее время—писем, полных угроз, авторами которых являются круги русских контр-революционеров. Как на попытку привести в исполнение угрозы, изложенные в этих письмах, мы должны указать на покушение несколько дней тому назад группы лиц из 6 человек проникнуть около 3 часов ночи в здание Представительства, поспешивших скрыться через забор, когда заметили, что они обнаружены служащими Представительства.

В указанном письме Представительство просило Министерство Иностранных Дел сделать распоряжение о принятии мер, ограждающих личную безопасность членов Представительства.

Возможность ночного нападения на здание Представительства показывает, что органы исполнительной власти не получили еще приказания от высшей власти о принятии мер охраны.

Однако отсрочка в принятии таких мер может иметь столь же трагический исход, какой однажды уже имел место в отношении сотрудника РОКК г. Агеева, убитого русской контрреволюционной организацией генерала Покровского.

Чтобы избежать повторения подобного трагического случая в современной атмосфере политической борьбы русских контрреволюционеров против Советской России, атмосфере, которая им кажется по каким-то необъяснимым причинам более благоприятной, о чем они заявляют в своих письмах, чем в период убийства Агеева, Представительство просит Вас, Господин Министр, сделать возможно скорее распоряжение о принятии действительных мер, ограждающих личную безопасность членов Представительства и его сотрудников.

Примите и проч.

Зампред РОКК *А. Корецкий.*

Предупреждение оказалось не напрасным. Спустя два дня после этого письма в Плевне был убит уполномоченный представительства РОКК—тов. Шелепугин.

Перевод с французского.

Полномочное Представительство
Российского Общества Красного
Креста в Болгарии.
10 июля 1923 года.
№ 723.

Господину Министру Иностранных
Дел и Исповеданий.

Господин Министр!

С первых же дней перемены правительства в Болгарии, белые русские организации и их пресса, как «Русь», «Новое Время», начали пропагандировать среди бывших контингентов Врангеля мысль о необходимости отомстить тем из беженцев, кто признал себя гражданами РСФСР и желает возвратиться на родину.

Среди беженцев будировалась мысль о необходимости разделаться с «большевиками» и о долге каждого русского патриота уничтожать агентов «Коминтерна», как хотели белые пропагандисты представить сторонников репатриации.

На эту сторону деятельности белых организаций и их прессы Представительство РОКК неоднократно, начиная с 13 июня, обращало внимание Болгарского Правительства. Во всех письмах: от 13 июня № 655, 21 июня № 670, 22 июня № 674 и 3 июля № 705—Представительство обращалось с просьбой к Болгарскому Правительству принять необходимые меры гарантии свободной работы всем лицам, занятым в организациях по репатриации.

В письме от 21 июня № 670 Представительство, перечисляя акты насилия над работниками репатриации, имевшие место к тому времени, указывало, что в избиениях репатриантов белыми болгарские власти неизменно оказывали доносчикам действительную помощь. Арестовывали и избивали, истязуя лиц, на которых без достаточных оснований указывали им белые, как на оказывавших будто бы сопротивление болгарским властям и принимавших участие в событиях 9 июня против нового правительства.

Несмотря на то, что Представительство делало энергичные представления о необходимости принятия решительных мер, чтобы избежать в дальнейшем препон в работе по репатриации, также как и о необходимости обуздать местные власти, перешедшие всякие границы в их незаконных избиениях русских, Болгарское Правительство не только не сочло нужным ответить что-либо по этому вопросу Представительству, но даже не приняло никаких мер, гарантирующих жизнь и свободу русских репатриантов.

О непринятии болгарским правительством каких-либо мер свидетельствует Господин Министр Внутренних Дел Русев в его разговоре с представителями «Союза возвращения на родину» 6 июля, который заявил, что он впервые слышит об актах насилия над работниками репатриации. Это заявление Господина Министра Внутренних Дел имело место, несмотря на устное заверение меня начальником политического отдела Министерства Иностранных Дел от 30 июня, что немедленно, и во всяком случае не позже 2 июля, будет отправлено письмо Министерству Внутренних Дел с предложением принять меры, гарантирующие безопасность работников по репатриации русских.

Представительство неоднократно указывало на то, что работники репатриации арестовывались без достаточных оснований и некоторые из них содержатся до сих пор в тюрьме, исключительно вследствие доносов, ни на чем не основанных.

Судебные органы на местах не находят в действиях арестованных никакого состава преступления и их освобождают. Представительство обращало внимание Болгарского Правительства на препятствия работе по репатриации, причиняемые арестами, чинимыми болгарскими властями. Однако Болгарское Правительство не обратило никакого внимания на это сообщение.

В письме от 3 июля № 705 Представительство предупреждало Болгарское Правительство, что непринятие мер может иметь трагический исход, как уже однажды имело место в случае с убийством Агеева. Предупреждение оказалось не напрасным, так как 5 июля в Плевне, в обстановке очень подозрительной, был убит уполномоченный Представительства г. Шелепугин, на участь которого Представительство в свое время обращало внимание Болгарского Правительства в письме от 21 июня № 670.

После расследования доноса белых русских на г. Шелепугина и его товарищей, признанного совершенно неосновательным, после того, как они просидели под стражей три недели, они были освобождены судебными властями 5 июля в 10 часов утра. В два с половиной часа дня того же 5 июля Шелепугин отправился из дому в мерию города Плевны, чтобы получить пропуск для въезда в Софию. Он намерен был после этого зайти к прокурору, чтобы получить необходимые документы. К прокурору он не являлся и домой больше не возвращался, а на следующий день 6 июля его труп был обнаружен в двух километрах от центра города в 50 шагах от дороги, покрытый ножевыми ранами, числом до 30.

По данным, которыми располагает Представительство, судебно-медицинским осмотром установлено, что Шелепугин был убит накануне, т.-е. 5 июля, после того, как ушел из дому. Вместе с тем осмотр установил, что смертельная рана была нанесена Шелепугину уже после того, как его мучили, нанеся ему резаные раны в различные части тела.

Убийство днем человека, находившегося в центре города, способом мучительным для жертвы, который должен был вызвать крики страдания, все это заставляет думать, что убийство было задумано и осуществлено лицами, имевшими полную свободу и возможность совершить его в помещении, куда посторонним вход запрещен.

Представительство располагает данными, косвенно указывающими на источник преступления, но до того, как они будут установлены следствием, оно воздерживается от сообщения их Болгарскому Правительству.

Останавливаясь пока на обстановке убийства Шелепугина, не указывая на лицо, его совершившее, Представительство не может не констатировать, что Болгарское Правительство не приняло никаких мер защиты русских граждан, и в частности сотрудника Красного Креста Шелепугина, о положении которого, как сотрудника РОКК, было сообщено Министерству Иностранных Дел 1 апреля за № 512.

Об убийстве, так же как и о непринятии мер, могущих воспрепятствовать повторению подобных случаев, я сообщил Центральному Комитету РОКК, чтобы он довел об этом до сведения Российского Правительства, которому и принадлежит право сделать окончательные выводы из поведения Болгарского Правительства.

Благоволите принять и проч.

Зампред РОКК *А. Корецкий.*

Болгарский Красный Крест, как всегда склонный рассматривать обстановку с эпическим спокойствием, когда дело касалось убийства или истязаний советских

граждан, отвечает Международному Комитету Красного Креста на запрос последнего о положении миссии РОКК в Болгарии письмом от 13 июля, т.-е. месяц спустя после начала эпопеи непрекращавшихся истязаний русских граждан и неделю спустя после убийства Шелепугина:

«Репатриация русских беженцев и военнопленных, которая производится под покровительством Российского Красного Креста, совершенно не затронута событиями 9 июня. Мы получили сведение из совершенно компетентного источника, что Представительству РОКК в Болгарии несколько дней тому назад было официально сообщено о том, что Болгарское Правительство решило оказать ему помощь для того, чтобы облегчить репатриацию при самых лучших возможных условиях всем русским, которые пожелали бы возвратиться на родину».

Таким образом Болгарский Красный Крест снова рекомендует не беспокоиться: в Болгарии есть законы и власть, которая решила способствовать репатриации. И для Болгарского Красного Креста «в обстановке полного спокойствия», как он сообщал раньше Международному Комитету Красного Креста в ответ на беспокойство последнего о судьбе представительства РОКК в дни переворота 9 июня, прошли незамеченными серия избиений русских и даже убийство уполномоченного представительства, о чем писали не только русские, но и болгарские газеты всех направлений.

В пост-скриптум'е к цитированному письму от 13 июля Болгарский Красный Крест сообщает Международному Комитету:

«Мы только что получили вашу телеграмму от 10 текущего месяца и немедленно же телефонировали нашему министру внутренних дел, который нам ответил, что никто из членов русского Красного Креста не был убит в Плевне. Если бы господин Корецкий обратился к нам вместо того, чтобы телеграфировать вам, без указания имени предполагаемой жертвы, мы могли бы проделать все необходимое гораздо проще». (13 июля, № 4244).

Нужно ли комментировать этот документ? С точки зрения Болгарского Красного Креста все так ясно. Ему беспокоиться нечего, ведь дело касается не старого

русского Красного Креста, на «гонение» которого Стамболийским с болью в сердце смотрел его болгарский собрат. Судьба же большевиков его не интересует. Убили—тем лучше.

Центральный Комитет РОКК по поводу убийства Шелепугина пишет Болгарскому Красному Кресту:

«Шелепугин пал жертвою от руки низкого убийцы, вторая потеря—первая Агеев—Русского Красного Креста в Болгарии, «столь мирной и столь демократической». После заверений в безопасности и полном порядке со стороны Болгарского Красного Креста, вся моральная ответственность за все, что имело место, падает на него» (№ 635 от 14 июля 1923 года).

Общую характеристику положения репатриации русских при правительстве Цанкова дает зампред РОКК тов. Корецкий в беседе его с сотрудником «Новой России»:

«Убийство Шелепугина не явилось для представительства неожиданностью. Мы не знали, кто именно падет жертвой, и будет ли она одна или их будут десятки, но мы знали, что белогвардейцами готовится целый ряд террористических актов как против членов представительства, так и против работников репатриации на местах, против членов «Союза возвращения на родину».

Болгарские высшие власти заверили меня, что будут приняты срочные меры к ликвидации «печальных инцидентов» и впредь репатриация будет введена в нормальное русло. Очевидно, такие же заверения со стороны правительства получил, судя по его письму ко мне, и представитель Лиги Наций в Болгарии г. Коллинс.

Однако я с удивлением узнал, что г. мин. внутр. дел 6 июля, т.-е. спустя почти месяц после моих настойчивых протестов перед правительством, только впервые, по его заявлению членам «Союза возвращения на родину», узнал о творящихся беззакониях по отношении к работникам репатриации. Его заявление одновременно свидетельствовало и о том, что не было предпринято достаточно решительных шагов к устранению травли

работников репатриации белогвардейцами и сотрудничества власти на местах с провокаторами из белогвардейцев».

Спустя два дня после приведенной беседы тов. Корецкий снова рисует всю безнадежность урегулирования русского вопроса болгарскими властями. Сотруднику «Новой России» он заявил:

«В прошлый раз я заявил вам, что работа по репатриации будет продолжаться, основываясь на заверении болгарского правительства как мне, так и представителю Лиги Наций г. Коллинс, о том, что вопрос об арестах и преследованиях лиц, занятых репатриацией, будет немедленно урегулирован.

Теперь оказывается, что заверения правительства не находят осуществления в действиях местных властей. Приходится заключить, что или власти на местах не желают считаться с распоряжениями правительства, или таких распоряжений до сих пор, несмотря на заверения о немедленном урегулировании вопроса, не было. Как бы то ни было, новые аресты указывают на систему в борьбе с репатриацией болгарских властей на местах. При таком положении не может быть и речи о нормальных отправках репатриантов. В самом деле, записавшиеся репатрианты разбросаны по разным городам и селам. Кто оповестит их, организует партии и т. д., если лица, у кого находятся их адреса, лица, которые уже опытны в технической работе, арестованы. Ведь нельзя же серьезно отнестись к взгляду Т. Пазарджикского, околийского начальника, заявившего, что никаких работников по репатриации не нужно, а он сам будет репатриировать русских...

При таком положении работа по репатриации Представительства ставится под вопросом, и я жду из Москвы ответа на запрос, как мне поступать при создавшемся отношении болгарского правительства к репатриации русских.

Установлен целый ряд случаев, когда русские принимали активное участие в репрессиях болгарских вла-

стей против репатриантов. То «русские в сопровождении болгарских властей искали возвращенцев», то «показывали болгарским властям дома, где живут репатрианты», то «русский врангелевец принимал участие в аресте уполномоченного РОКК Шелепугина, а после убийства последнего похвалялся своему квартирохозяину-болгарину»: «Я убил этой саблей триста большевиков, а здесь я ею убил пока одного, но убью еще многих», то «русский вел допрос арестованных», то «агент белых (русский) избивал арестованных до полусмерти», то «русские агенты белых наводнили Варну, приехав из Сербии и Константинополя и т. д., и т. д., и т. д.» [1]).

Сербской «Трибуне» корреспондирует из Болгарии ее сотрудник: «Новая власть привлекла всех русских монархистов, которые, подчиняясь ее приказу, разделываются со всеми русскими, подозреваемыми в большевизме». (10 июня 1923 г.).

Ввиду того, что описанные насилия над русскими гражданами не прекращались вмешательством болгарского правительства и что со стороны последнего не было дано никаких гарантий дальнейшей нормальной работы представительства, ЦК РОКК 13 июля решил отозвать из Болгарии свою миссию и прекратить репатриационную работу. 16 июля это решение ЦК было сообщено болгарскому правительству с указанием мотивов, побудивших сделать это.

Мотивов было два: непрекращавшиеся, обратившиеся в систему истязания русских репатриантов и отсутствие действительных гарантий нормальной работы со стороны болгарского правительства.

17 июля болгарское правительство, высказав сожаление по поводу принятого ЦК решения и выразив готовность предоставить все возможные условия для репатриационной работы представительства РОКК в Болгарии, заявило, что считает мотивы, побудившие

---

[1]) «La Mission de la Croix Rouge Russe en Bulgarie», p.p. 32, 33, 44, 55, 56.

миссию покинуть Болгарию, недостаточно обоснованными.

Нота болгарского министра иностранных дел от 25 августа констатирует, что «виновники большинства этих прискорбных инцидентов—русские». На виновников «большинства прискорбных инцидентов»—русских контрреволюционеров—неустанно обращали внимание правительства представительство РОКК и печать, и беженские организации. Но тогда, когда задача еще не была выполнена, когда репатриантские учреждения не были еще разгромлены, тогда, очевидно, не было виновников этих печальных инцидентов. Не было потому, что не является виновником тот, у кого в кармане «открытый лист» болгарского министерства внутренних дел, дающий ему право карать и миловать всякого по своему усмотрению и заставляющий агентов власти исполнять его приказания, у кого—рекомендация главарей фашистской маффии. Не было виновных и потому, что, как уверяла болгарская печать, не было собственно никаких «печальных инцидентов». «Слово» в передовой статье за 20 июля писала: «В ноте министерству иностранных дел г. Корецкий в общих и бездоказательных фразах жалуется на то, что в Болгарии были произведены избиения русских». И, возмущаясь, очевидно, такой «клеветой», добавляет: «Во всякой другой стране, только вследствие этого дерзкого и голословного обвинения, г. Корецкий немедленно очутился бы за границей». Однако «печальные инциденты» слились в один сплошной международный и очень скандализирующий правительство «права и законности» инцидент: арестов, избиений и истязаний русских граждан властями чуждой страны или при соучастии последних русскими же эмигрантами. О значении этого инцидента для Болгарии писала «Новая Россия»: «Каковы бы ни были внутренние политические линии поведения болгарского правительства, оно не может не понять, что подобного рода события должны отразиться на международном положении Болгарии, в котором и прежде и теперь

достаточно важную роль играла и будет играть Россия — Россия не контр-революционная, а народная». Подводя итоги гуманитарной деятельности РОКК по репатриации и насилий разгулявшихся сатрапов, та же газета в другой статье говорит: «Мир стоит перед вопросом, кто варварски попирает гуманитарные стремления человечества: «дика» ли «большевистская Россия» или культурная страна парламентарного правления, допускающая террор над мирными работниками репатриации?»

Кроме того в той же ноте тот же министр иностранных дел признает, что: 1) «в действительности, известное количество русских беженцев претерпело притеснение, а некоторые из них пострадали от насилия; 2) если можно за что-либо упрекнуть болгарские власти, это за то, что они недостаточно быстро приняли меры, чтобы помешать таким инцидентам, и за недостаток энергии, проявленной ими для поддержания порядка».

Отсюда следует, что к моменту, когда болгарское правительство находило мотивы от'езда миссии неосновательными (нота 17 июля), насилия над русскими, на которые указывала миссия, совершались как русскими при попустительстве («недостаточно быстрое принятие мер») болгарских властей, так и агентами болгарской власти, как признает сам мин. иностр. дел в ноте от 25 авуста. Русские были виновниками «большинства», но не всех прискорбных инцидентов. Кто же виновники остальных, меньшинства? Затем, что значит выражение той же ноты: «Недостаточно быстрое принятие мер в исполнении категорических инструкций, данных из Софии для гарантирования повсюду порядка и для обеспечения всем русским беженцам безопасности?» Как бы это самое правительство Цанкова отнеслось к «недостаточно быстрому принятию мер» в исполнении тоже «категорических инструкций из Софии» в ночь на 9 июня? Если принять во внимание, что протесты представительства против совершенных

уже насилий начались за месяц до ноты болгарского правительства 17 июля, что о непрекращающихся истязаниях репатриантов в течение этого месяца тот же министр иностранных дел ставился в известность, по крайней мере, пять-шесть раз, что министр внутренних дел, в руках которого сосредоточено управление над «неэнергичной» местной властью, 6 июля заявил, что не знает ничего не только о «категорических инструкциях из Софии», но даже о самых фактах насилия, то не ставится ли под сомнение утверждение правительства о «противоречии происшедших событий категорическим инструкциям из Софии». И не прав ли тов. Корецкий, что «таких распоряжений, несмотря на заверение об урегулировании вопроса репатриации, не было». Или может быть «категорические инструкции из Софии» пересланы были на места с оказией, с уехавшими в partie de plaisir по Болгарии Ронжиным и Зайцевым. Тогда понятно, что власти недостаточно быстро приняли меры. Ведь путь долгий, с остановками почти в каждом крупном центре средоточия беженцев для передачи «точных инструкций».

Какие же более основательные мотивы от'езда миссии хотел видеть министр иностранных дел, если в ноте от 25 августа он признает все обстоятельства насилий и истязаний русских граждан русскими контрреволюционерами в сообщничестве с болгарской администрацией?

Таким образом, освещение событий, дававшееся как органами РОКК, так и советской общественностью, совпадают с тем, какое им придает и болгарское правительство в ноте от 25 августа. Представляется только странным, почему молчало в свое время болгарское правительство, ставившееся неукоснительно в известность официальными сообщениями представительства о совершавшихся насилиях, почему своевременно не были им приняты предлагавшиеся представительством меры для прекращения безобразий, чинимых русскими белогвардейцами в признанной самим же болгарским

правительством кооперации их с болгарскими властями? Странно, но необ'яснимо.

Заверение болгарского правительства о благожелательном его отношении к репатриации, получившее наконец, письменную форму в ответе его от 17 июля, не изменило фактического положения дела. И после данных заверений оргии местных властей продолжались уже в то время, как арестованные беженцы были предназначены к высылке и в ожидании парохода из России содержались под арестом в плавучей тюрьме в Варне, на маленькой шхуне «Арарат». Достойно быть отмеченным, что эта шхуна принадлежала английской контр-разведке в Константинополе и находилась в распоряжении знаменитого своими жестокостями во время гражданской войны на юге России, служащего той же контр-разведки, русского полковника Икаева. Вот как описывает это сидение и новую эпопею истязаний русских беженцев один из содержавшихся там, наиболее хладнокровный из них профессор Э. Д. Гримм: «Я ограничусь упоминанием,—пишет он,—лишь о том, чему я был свидетелем на «Арарате», и прежде всего отмечу отвратительную роль агентов русской контр-разведки, к сожалению, допущенных болгарскими властями в качестве агентов «общественной безопасности» (болгарская охранка) к допросу арестованных, осмотру их вещей и управлению их делами. Их злоба и жестокость придали всему положению арестованных особенно тяжелый характер. Еще в первый вечер один из этих господ позволил себе грубую словесную выходку по адресу одной из групп арестованных, а вслед затем пригрозил познакомить тех, кто стал бы протестовать, с морским дном... Эта угроза не была опротестована присутствовавшим болгарским чиновником. При допросе арестованных участвовало несколько русских, прибегавших к издевательствам и угрозам, при чем подвергся избиению б. полковник Юрьев. Русским контр-разведчикам вторил болгарин из македонцев Русев, все время демонстративно помахивавший плетью и грозивший избить ею

тех, кто не подвигался достаточно, по его мнению, быстро вперед. Ночью того же дня, около часа, полупьяная ватага русских контр-разведчиков и болгарских агентов ввалилась на пароход, распевая «боже, царя храни», издеваясь над «Интернационалом» и грозя всем арестованным тем, что их вовсе не отправят в Россию, а отвезут на 4 километра и выбросят за борт. Только благодаря исключительной выдержке и спокойному достоинству, проявленному арестованными, сразу понявшими, что такого рода господа, как те, с которыми им приходилось иметь дело, не могут оскорбить никакими выходками, несомненная цель агентов спровоцировать какую-нибудь вспышку против их действий не была достигнута. На другой день были избиты палкой и подверглись ударам ногой арестованные Горанский и Чередников, а вечером того же дня снова был избит Юрьев. Ни один из них никакого повода к насилию не подал. Напряженная атмосфера, созданная всем этим на пароходе, привела на другой день к тому, что один из арестованных, бывший полковник Кудрявцев, подвергся припадку острого психоза и бросился в море. Когда, благодаря присутствию духа одного из арестованных, бросившегося вслед за ним для его спасения в море, Кудрявцева удалось спасти, и его, сопротивлявшегося спасению, ввели обратно на пароход, русский агент Морозов бросился на него с руганью и начал душить его с криками «молчи», чем вызвал единодушный протест не только арестованных русских, но и работавших по близости болгарских рабочих»[1]).

Несмотря на подчеркнуто срочный ответ болгарского правительства на мотивированную ноту миссии об ее от'езде из Болгарии, представительство продолжало ликвидацию своих дел и представило свои паспорта для визирования в болгарское учреждение, ибо белорусско-болгарский разгул истязаний продолжался. Для того, чтобы беженцам ясны стали причины от'езда мис-

[1]) «Известия ВЦИК» от 18 авг. 1923 г.

сии, представительство обратилось к ним со следующим воззванием, характеризующим создавшуюся обстановку работы:

К беженцам.

После восьмимесячной работы Представительства РОКК в Болгарии и репатриационных учреждений, более 10.000 (десяти тысяч) беженцев, желавших вернуться в Россию, получили такую возможность.

Месяц тому назад, после происшедшей в Болгарии смены власти, русские контр-революционеры начали ожесточенную кампанию против деятелей репатриации. В результате провокации белых по отношению к лицам, признавшим себя гражданами РСФСР, болгарские власти на местах применили совершенно невероятный и неслыханный террор по отношению как уполномоченных Представительства, так и ответственных работников «Союза Возвращения на Родину», организации аполитичной, выполнявшей чисто техническую работу по репатриации.

Контр-революционная пресса и черносотенные листки, распространявшиеся среди бывших контингентов Врангеля, откровенно и совершенно безнаказанно призывали к расправам с «большевиками».

Волною прокатились по Болгарии истязания русских граждан, только за то, что они признали себя гражданами Советской Республики. В этих истязаниях руководящую и инспирирующую роль играли русские контр-революционеры, перенесшие с собою режим контр-разведывательных застенков времен гражданской войны на болгарскую почву.

Представительство РОКК в Болгарии неоднократно обращало внимание Болгарского Правительства на провокационную деятельность белых в преследованиях российских граждан и на необходимость прекращения режима террора в отношении работников репатриации. Представительство неоднократно указывало Болгарскому Правительству на невозможность при создавшейся обстановке продолжать дело репатриации.

Представитель Лиги Наций г. Коллинс ставился своевременно в известность о препятствиях, чинимых болгарскими властями делу репатриации.

В ответ на все обращения к болгарскому правительству оно по этому вопросу никакого письменного ответа не давало, в то же время обращаясь к Представительству с просьбою оказать содействие по репатриации болгарских подданных из России. Со стороны представителя болгарского правительства в двукратных беседах по этому вопросу было заявлено, что болгарское правительство всецело стоит на точке зрения необходимости репатриации русских из Болгарии и всемерно будет оказывать содействие в этом отношении Представительству. Однако ни-

каких мер к прекращению террора болгарское правительство не приняло, и в результате был убит уполномоченный Представительства в Плевне Шелепугин и есть еще неокончательно проверенные сведения об убийстве Уполномоченного Представительства в Варне Морозова, который, по точным данным, был избит до того, что представлял из себя только мешок мяса и костей.

Более чем в двадцати пунктах Болгарии технический аппарат по репатриации совершенно разгромлен, дела и списки репатриантов опечатаны. При таких обстоятельствах дело репатриации не может протекать нормально: нет уверенности в том, что, при отсутствии технического аппарата, репатрианты во-время могут быть оповещены об отходе парохода или об условиях репатриации, и некому проводить требуемую договором д-ра Нансена с Наркоминделом регистрацию репатриантов и т. д.

Поэтому вполне естественно распоряжение Центрального Комитета РОКК из Москвы об отъезде из Болгарии Представительства, работа которого совершенно парализована террором болгарских властей.

Из этого краткого обзора событий последнего месяца беженцы убедятся, что Представительство сделало с своей стороны все возможное для урегулирования возможности работы по репатриации.

Не его вина, если оно не нашло поддержки в своей гуманитарной деятельности со стороны Болгарского Правительства.

Не его вина, если силы черной реакции, стремящейся удержать русское беженство за границей для своих авантюристических целей, получили сильную поддержку у болгарских властей и препятствуют репатриации русских.

Беженство учтет создавшуюся в Болгарии обстановку и сделает надлежащие выводы о виновности тех, кто препятствует ему возвратиться к родным очагам.

Пусть временная отсрочка возвращения на Родину не вселяет смущения в сердца беженцев.

Для раскаявшихся в своих действиях против России и принявших ее строй будет найдена дорога на Родину.

Представительство Российского О-ва Краснбго Креста в Болгарии.

Русское беженство, стремившееся на родину, было угнетено сообщением о вынужденном от'езде миссии. Оно понимало, что вина в отсрочке его возвращения лежит вовсе не на миссии РОКК. Вот что писал по этому поводу голос советской общественности «Новая Россия»: «В эти дни со всех концов болгарской земли прозву-

чит этот немой, гневной муки исполненный вопрос русских людей к народу болгарскому, к его свободному и честному общественному мнению: За что? Может быть люди в министерских кабинетах не услышат этого вопроса; так далеко от них до сырых угольных шахт, до безвестных полустанков, где работают русские люди... Но совесть болгарского племени—нелицеприятная и подлинная народная совесть—она услышит эти слова. И что она ответит русским людям, у которых коменданты отнимают родину?» И в другой статье: «Представительство РОКК вынуждено прекратить свою высокогуманитарную деятельность, в результате которой около десяти тысяч беженцев уже получили возможность мирно работать в родных хозяйствах на благо родины. Работы по репатриации еще много, и поэтому приходится с грустью констатировать вынужденный ее перерыв. Мы твердо уверены, что от'езд миссии—это не прекращение, а только перерыв репатриации».

На нежелание беженства остаться без защиты авторитетного для него советского учреждения показывает хотя бы факт массового наплыва беженцев к различным болгарским властям и просьба «арестовать их и выслать в Россию». Уезжало единственное учреждение, которое защищало интересы репатриантов. Оставалась беспросветная тьма сумерок реакционного безвременья русской белогвардейщины. Нужно было бежать от нее. Но, к сожалению, только немногие счастливцы получили милостивое разрешение быть высланными.

Миссия уезжала. Она ждала возвращения паспортов, которые обещали выдать в 9 часов утра 21 июля. И вдруг... 21-го же рано утром, когда чуть брезжил рассвет, здание миссии окружается усиленным нарядом полиции, войсковыми частями, в дом врываются, взламывая двери, агенты «общественной безопасности». «Именем закона вы арестованы».

Обыск. Опечатание комнат, где хранились документы и все прочее, что в таких случаях полагается, хотя впопыхах, без соблюдения самых обычных формаль-

ностей, растерянно, как будто арестовывалась не миссия, а миссией — пришедшие агенты. А в это время внизу наряды полиции и войск, предупрежденные о сильном сопротивлении «коммунистов», удивленно ждали перестрелки...

Министр внутренних дел в тот же день сделал следующее заявление столичным журналистам: «Большевистский Красный Крест имел главное руководство всей большевистской организацией, которая поставила целью большевизировать Болгарию. Очевидно, что такая большевистская организация теперь не может быть терпима в правовой стране, которая своим верховным долгом считает поддержание безопасности и собственного существования. В сознании своего долга болгарское правительство 21 июля утром наложило руку на русскую большевистскую организацию, схватило его агентов и произвело обыск в их жилищах. Все агенты будут высланы через Варну в Россию, так как для них прекращается гостеприимство, которым они злоупотребили».

Как бы суммируя все, что писали газеты, буржуазная «Слово» изобличала «московских агентов в том, что, прикрываясь гуманитарными этикетками, бесстыдно злоупотребляя именем Красного Креста, они организовали тайные общества», обвиняя их в том, что «их деятельность являлась бомбой, положенной под основы государственной безопасности». («Слово», 21 июля 1923 г. № 353).

Из авторитетного, казалось бы, заявления министра внутренних дел явствует, что арест был произведен в целью «выслать агентов большевистской организации, угрожавшей самому существованию государства», в Россию. Но для чего нужно это было делать, если миссия за несколько дней до этого заявила о своем от'езде и задерживалась органами того же министерства внутренних дел, не возвращавшими паспортов?

Министр иностранных дел в ноте от 25 августа по вопросу о высылке миссии пишет: «Вы сами при-

нaете, что инициатива от'езда г. Корецкого исходит не от нас. *Если болгарское правительство ускорило его от'езд, то причина этого заключается в том, что он позволил себе клеветать в печати на болгарские власти и возбуждать общественное мнение против существующего порядка в государстве»...*

Итак, две версии двух министров одного и того же правительства. По одной—Красный Крест возглавлял большевистскую организацию, стремившуюся еще со времен Стамболийского большевизировать страну, и за это, как мера превентивная, высылка. По другой—г. Корецкий, а не весь аппарат миссии, позволил себе «клеветать в печати и возбуждать общественное мнение против существующего порядка в государстве», за что—«ускорение» его от'езда. Но при чем тогда остальные высылаемые рядовые репатрианты?

Тов. Корецкий выступал в печати только однажды, опубликовав обращение к беженцам, значит его провинность, как указывает нота министра иностранных дел, в этом и заключается и никакого касательства к организации, «собиравшейся большевизировать страну», он не имел. Останавливаясь на «политической пропаганде», иными словами на «вмешательстве во внутренние дела Болгарии», нота от 25 августа говорит: «Болгарское правительство хочет быть уверенным, что под маской этого высокогуманитарного учреждения (РОКК) не будет вестись никакой политической пропаганды против существующего в Болгарии порядка, как это случалось при прежней миссии Красного Креста». Но что это за «политическая пропаганда», нота не говорит и, судя по ее спокойному тону, она вовсе не носила характера «бомбы», положенной под основы государственной безопасности», терпеть присутствие которой не может правовое государство. Министр иностранных дел от имени болгарского правительства подчеркивает, что у последнего не было намерения выслать миссию раньше того, чем тов. Корецкий «позволил себе клеветать в печати» на болгарское правительство. Выступление же тов. Корец-

кого в печати относится к периоду, когда миссия заявила уже о своем отозвании и от'езде. Таким образом, «бомба, положенная под основание государственного спокойствия», вовсе не волновала своим возможным взрывом болгарское правительство, обеспокоенное больше «клеветой в печати» тов. Корецкого, являвшейся попросту разоблачением перед мировым общественным мнением преступного сообщничества болгарских властей и русских контр-революционеров в истязаниях российских граждан.

Так заблудились в двух соснах два министра. Заблудились потому, что подыскать причину высылки нельзя, ее нужно высосать из пальца. И каждый высасывает ее из своего пальца.

В разноречии двух министров важно то, что в официальном документе международного значения опровергается утверждение министра внутренних дел, что причиною высылки послужило руководство миссией большевистской организации, имевшей целью большевизировать Болгарию. Так официально был опровергнут самим же болгарским правительством вымысел о «вмешательстве миссии во внутренние дела Болгарии», опровергнут в ноте, появившейся уже после рассмотрения арестованных архивов представительства. Вместе с этим обнаруживается и вздорность всей кампании, предпринятой буржуазной и социалистической печатью по вопросу об агрессивных стремлениях Советской власти по отношению к Болгарии.

Кампания, поднятая против представительства, основывалась на злобе болгарской «признанной народом» власти по адресу Коминтерна за его воззвание к балканским рабочим с призывом борьбы против правительства Цанкова. В этом болгарские государствоведы из правительства усмотрели посягательство Советской власти на вмешательство во внутренние дела Болгарии. Официоз правительства Цанкова «Сговор» в сотый раз пережевывал все ту же тему: «По поводу этого воззвания,—писал он,—одно компетентное лицо заявляет

следующее: болгарское правительство неоднократно заявляло, что желает поддерживать самые корректные отношения со всеми державами, и особенно соседними. Но оно не может скрыть своего удивления по поводу того, что ответственные организации одной державы пытаются воззваниями в роде упомянутого, вмешаться во внутренние дела другой страны». «Новая Россия», неоднократно указывавшая на необходимость различать органы Советского правительства от Коминтерна, отвечала «Сговору»: «Запомните раз и навсегда то, что мы не перестаем говорить вам и подобным вам: Коминтерн есть политическая организация и смешивать его с правительством Советской республики нельзя. Не обнаруживайте недостойного интеллигентного человека незнания государственного права. Следуя теории государственного права «Сговора», нужно было бы обвинить болгарское правительство в фашистских преступлениях против сотрудников Советского правительства, в оскорблениях официального учреждения Советской республики, которые допускают хулиганы слова из болгарской прессы»...

«Демократический Сговор» — нынешний официоз блока правящих партий — народно-прогрессивной, «Сговора», радикалов, демократов,—анализируя причины восстания рабочих и крестьян осенью 23 г., утверждает, что Советское правительство не перестает вмешиваться в дела Болгарии:

«Вооруженная деятельность БКП основана не столько на внутренних причинах, сколько на внешних внушениях, и входила в большой план русской власти организовать революционное движение в Европе, которое должно было начаться с Балкан и охватить всю центральную Европу. Найденные в архиве РОКК документы доказывают, что болгарская коммунистическая партия в этом деле была исполнительным органом правительства Р. С. Ф. С. Р., что официально и неофициально органы последнего находились в самых близких отношениях с БКП и вмешивались в наши внутрен-

ние дела, для чего работали в том направлении, чтобы компартия взяла в руки власть». (№ 17 от 20 октября).

Заинтересованность Р. С. Ф. С. Р., как государства, в болгарском восстании не подлежит для «Демократического Сговора» сомнению: «Потушенный мятеж,—говорит газета,—был заговором против существующей власти, организованным чуждой державой и исполненным вожаками, продавшими свою душу этой державе». (№ 3 от 4 окт.).

«Радикал» дает такое обоснование стремлению России руководить антиправительственными выступлениями в Болгарии:

«Москве нужен прорыв, чтобы уязвить сопротивление великих держав. В этом отношении Болгария, которая является самым слабым пунктом юго-восточной Европы,—самая уязвимая страна. Что значит разгром маленькой Болгарии перед стратегическим ударом изолированной Москвы!»

Не отстают, конечно, от своих господ и пресмыкающиеся перед ними соглашатели. Широкие социалисты оповещают о захватнических замыслах Москвы: «Большевистская Москва в политике Ближнего Востока остается верной традициям старого царского правительства. Москва стремилась и стремится к тому, чтобы Болгария находилась в ее полном распоряжении. Она добивается того, чтобы Балканы вообще были для нее открыты, как того добивалось и царское правительство. И этого Москва добивается вовсе не в интересах коммунизма. Нет. Это диктуется громадным значением проливов и Балкан для хозяйственной и политической мощи России» («Эпоха», 24 июля 1923 года № 297).

В статье «Русское вмешательство в болгарские дела» официальный орган партии широких социалистов (меньшевиков) заверял, что осуществлять это стремление Советской республики призвана была миссия РОКК («Народ», 24 июля 1923 г. № 163).

Сам министр иностранных дел Калфов не удержался там, где за сказанное приходится меньше отвечать. Забыв о ноте, в интервью с сотрудником итальянской «Мессаджиеро» он заявил: «Русскую пропаганду вела комиссия по возвращению беженцев из Болгарии. Она имела 800 сотрудников из бывших офицеров, которые были расположены по ж.-д. станциям и в других стратегических пунктах, откуда лучше действовать».

И все это тот же министр иностранных дел Калфов уничтожил росчерком своего пера. Оказывается, что миссия вовсе не стояла во главе большевистской организации, подкладывавшей «бомбу под основы государственной безопасности», а просто оказалось, что «господин Корецкий позволил себе клеветать в печати и в печати же возбудить общественное мнение против существующего порядка в государстве». Так черным по белому написал министр иностранных дел в ноте от 25 августа и скрепил своею подписью: Калфов.

Заблудившиеся в своих собственных об'яснениях министры не дают ответа: За что не только т. Корецкий, но и сотни рядовых работников репатриации высланы из Болгарии? Они этого ответа и не дадут, как не дают ответа на ноту Н. К. И. Д. от 29 ноября, где заявлен протест против принудительной мобилизации (для подавления восстания рабочих и крестьян Болгарии) русских беженцев болгарским правительством при помощи белогвардейского офицерства. Вот этот факт—помощь белогвардейского офицерства в борьбе с рабоче-крестьянским движением против правительства «права и законности» болгарской городской буржуазии—и дает ключ к разгадке русского вопроса в Болгарии в период после 9 июня. Как ни старалась болгарская буржуазия отрицать свою связь с Врангелем, она обнаружилась вовсю после переворота. Гонение на русских репатриантов—«изменников армии»—вызвано стремлением врангелевщины удержать русское беженство за границей. Английская политика, замыкающая железное кольцо во-

круг России, освятила эту связь, «на всякий случай», посоветовав задержать русский элемент в эмиграции. На территории Болгарии правительство ее допустило совершиться насилиям и истязаниям русских русскими же, сторонниками Врангеля. И за это—взаимная услуга. В ноте Н. К. И. Д. от 29 октября мы находим описание этой услуги: «Болгарское правительство, не располагавшее, повидимому, достаточными собственными силами для подавления недавнего восстания трудящихся Болгарии, не только обратилось к помощи белогвардейского офицерства, но при его содействии прибегало к принудительной мобилизации для тех же целей бывших рядовых врангельской армии».

Сербский корреспондент «Дней» пишет по поводу вмешательства врангелевцев во внутренние болгарские дела, за которое, очевидно, правительство Цанкова вовсе не намерено высылать их из Болгарии: «Неприятное впечатление произвело здесь известие об участии русских в подавлении восстания. Имена генералов Туркула и Витковского мелькают по газетным столбцам, а в следующих корреспонденциях есть уже новый кровавый подсчет бессмысленных русских жертв» [1]).

В той же газете приведено интервью тов. Димитрова с сербскими журналистами, заявившего им: «Против нас были македонцы и русские офицеры, которые спасли правительство Цанкова. Расправы в Болгарии продолжаются. Македонствующие и русские производят дальнейшие аресты и расстрелы [2]).

Хотя орган об'единенных буржуазных партий (блока) «Слово» и опровергает сообщение Роста о том, что «Болгарское Правительство (Цанкова), по соглашению с генералом Врангелем, решило пополнить кадры болгарской жандармерии врангелевскими частями», а также и слух, «исходящий из софийских коммунистиче-

---

[1]) «Болгарская бойня». «Дни», № 283 от 6 окт. 1923 г.
[2]) «Болгарские большевики в Белграде». «Дни», № 286 от 10 окт. 1923 г.

ских кругов, о том, что некоторые врангелевские части уже двинулись из Сербии в Болгарию» [1]), однако все это—непреложный факт, вытекающий из существовавшего раньше соглашения. Корреспондент «Таймс», осведомленность которого во внутренних болгарских делах так восхвалялась буржуазными правительственными кругами Болгарии, еще в июле информировал газету о том, что со стороны врангелевского штаба поступило предложение правительству Цанкова применить в Болгарии опыты, почерпнутые в гражданской войне, и стать на его защиту в борьбе с трудящимися болгарскими массами. Врангелевский агент генерал Ронжин, а за ним официальное болгарское телеграфное агентство выступили с опровержением. Однако, история показала, кто был прав, и требовалось ли официальное опровержение этого сообщения. Да и странна была бы неосведомленность близкого к дипломатическому корпусу Софии корреспондента английского «Таймс» (он же — представитель Лиги Наций в Софии — мистер Коллинс), если «добровольческие отряды (врангелевские) были организованы с разрешения репарационной комиссии».

Какой характер носила расправа при участии белогвардейского офицерства, должно само по себе указывать участие в подавлении восстания хотя бы Туркула. Вот, что пишут «Известия» о деятельности русских защитников «национального» правительства Цанкова: «Одна банда из сотен врангелевцев и добровольцев вошла в Берковицу и разгромила магазины, а также домашнюю обстановку рабочих и бедных граждан». «Капитан В. Монев с отрядом врангелевцев, таможенной и лесной стражи, после сожжения ряда деревень и убийства семей повстанцев в области Белградчика, прошел в Фердинандовский уезд, где шайка его предалась грабежу. Коммунистический член парламента из Белградчика и один адвокат были захвачены у себя дома и переданы

[1]) «Слово», № 356 от 25 июля 1923 г.

врангелевцам, которые после инквизиторских пыток убили их» [1]).

Характеристика задач русской контр-революции в Болгарии обрисовывает в достаточной степени значение предпринятой дикой расправы с русскими беженцами, стремящимися возвратиться на родину.

Потерпев идейное поражение по всему фронту борьбы, упустив из рук былое влияние на массу, русская контр-революция, опираясь на сильные, при новом болгарском строе, круги, положилась на физическую силу—решила силою парализовать репатриацию, террором сбить советское настроение беженских трудовых масс. Для успешного проведения этого необходимо было предварительно разрушить репатриационный аппарат, лишить русских граждан защиты в лице представительства РОКК и за время отсутствия представительства советского учреждения терроризовать беженцев настолько, чтобы они знали и умели уважать «властей предержащих».

Несомненно, что «большевистская опасность» должна была только мотивировать план ликвидации репатриационных стремлений русского беженства. С целью, очевидно, найти нити преступной организации был арестован архив Красного Креста и не выдан отбывавшей миссии. Болгарское правительство с негодованием отвергает в своей ноте подозрение, что оно может пользоваться подложными документами, и указывает, что архив миссии был распечатан в присутствии представителя Лиги Наций. Архив, арестованный без составления описи, опечатанный печатью болгарской администрации, которую само правительство признает виновной в тягчайших преступлениях против свободы и жизни русских граждан, совершенных ею в сообщничестве с русской контр-революцией, вовсе не находился под этими печатями в безопасности от преступных посягательств на него белых чернорубашечников. Доста-

[1]) «Известия ЦИК СССР.», № 248 (1989) от 30 окт. 1923 г.

точно указать, что во время пребывания миссии в Болгарии у болгарских властей не хватило смелости опубликовать хотя бы один «документ». Заканчивая этот мартиролог русского беженства, нельзя не подчеркнуть того, что русская белогвардейщина из последствий гражданской войны стремится создать новый очаг заговоров и покушений на Рабоче-Крестьянскую республику. Опираясь на близкие ей идейно и материально фашистские круги болгарской общественности, она превратила Болгарию в арену сведения политических счетов со своими противниками и решила использовать все возможности режима этой страны для осуществления своих политических планов. Представительное учреждение Советского правительства, авторитетное присутствие которого в Болгарии само по себе создало стимул для беженцев оформить свое стремление стать гражданами Советской республики, стояло на пути зарвавшихся реакционеров. И его нужно было ликвидировать.

VII. Буржуазный саботаж репатриации под покровом Лиги Наций.

Вопрос о практическом осуществлении репатриации беженцев вызывал ряд немаловажных об'ективных трудностей, несмотря на то, что Советское правительство отнеслось к идее репатриации с полным сочувствием, поскольку речь шла о возвращении в Россию лиц, самое бегство которых, как это указано было выше, было обусловлено скорее массовым стадным чувством, чем непримиримой враждой к советскому строю, или которые за время пребывания за границей пережили эволюцию, не оставлявшую сомнения в их лояльном отношении к новому порядку жизни. Трудности этого не устранялись тем, что и вне России наблюдалось значительное течение в пользу такого именно разрешения, тяготившего как правительства, так и общества беженского вопроса, осложнявшего и без того сложные эконо-

мические и финансовые условия жизни тех стран, в которых поселились беженцы в более или менее значительном количестве.

Прежде всего при данных условиях было ясно, что репатриация не может коснуться всех русских беженцев вообще, а только тех из них, которые пожелают сами вернуться и получат коллективное или индивидуальное разрешение на это со стороны подлежащих российских властей. Предстоял, таким образом, отбор среди беженства лиц, могущих быть репатриированными, от остальных, которые не пожелают вернуться или не получат необходимого разрешения; а из этого вытекало, что практическое осуществление репатриации в указанных выше пределах было равносильно массовому проявлению расслоения беженства, которое должно было проявиться во-вне. Это, в свою очередь, по необходимости должно было вызвать крайнее раздражение белой эмиграции и ее верхов. Широкое развитие репатриационного движения очевиднейшим образом лишало их одного из важнейших их аргументов перед правительствами и общественным мнением Запада— ссылки на всенародный характер «исхода» из России всех «способных к активной борьбе» с большевизмом, не раздавленных террором, элементов, каковыми изображались все оставшиеся в России, а вместе с тем и возможности ссылаться на то, что возвращение в Советскую Россию совершенно немыслимо для всякого здравомыслящего человека, покуда весь строй русской жизни не будет реорганизован на привычных для Западной Европы и Америки началах. Классовая близость верхов белой эмиграции к руководящим правительственным и общественным кругам Запада делали и последних весьма доступными воздействию русских белогвардейцев во враждебном репатриации смысле. Охотно готовые избавиться от неприятного присутствия массы русских, доставлявших им столько непредвиденных хлопот, они поэтому в то же время не могли искренно сочувствовать широкому и безболезненному развитию

репатриационного движения по своим эгоистическим классовым соображениям.

Избрание доктора Ф. Нансена Верховным Комиссаром Лиги Наций по делам русских беженцев служило, само по себе, доказательством того, что противосоветские круги потерпели поражение, признав необходимым сделать сочувствовавшим репатриации общественным кругам принципиально важную уступку, ибо взгляды г. Нансена по вопросу о репатриации не могли возбуждать сомнения в среде избравшей его коллегии. Тем не менее, этим не устранялось указанное противоречие в отношении западно-европейских обществ и правительств по данному вопросу. В частности, оно выявилось в деятельности г. Коллинса, состоявшего одновременно уполномоченным д-ра Нансена в Софии и корреспондентом враждебной Советской России «Таймс» там же. Эта общая враждебность отразилась впоследствии в частности и на отношении влиятельной в среде английской буржуазии газеты к самому д-ру Нансену: так в номере от 27 августа 1923 г. в ней была напечатана статья некоего «корреспондента», явно принадлежащая перу русского эмигранта. В этой статье говорилось о результатах «расследования» материалов, будто бы «найденных» в задержанном при аресте представительства РОКК и при обыске, произведенном в его помещении, архиве представительства. Ссылаясь на сообщение болгарской «следственной комиссии», в котором говорится, по словам корреспондента, об агитационной деятельности «Союза возвращения на родину», о «шпионском» характере «секретной» работы Союза и самого представительства РОКК, их тесной связи с болгарской коммунистической партией и т. д., «корреспондент» со своей стороны, говорит в клеветнически вызывающем тоне о том, что обещание неприкосновенности возвращающимся было «советским обещанием», ибо «многие из возвратившихся были под разными предлогами арестованы или расстреляны» и далее переходит к открытому нападению на верховного комиссара, совмещающего функции

заботы о беженцах вообще со званием почетного члена Московского Совета и находящегося в добрых отношениях с Советской властью, при чем делается прозрачный намек на личную материальную заинтересованность д-ра Нансена в этих отношениях. В заключение «корреспондент» сообщает о том, что группа русских беженских организаций в Лондоне обратилась к английскому представителю в совете Лиги Наций, лорду Сесилю, с указанием на необходимость заменить доктора Нансена другим лицом, способным проявить большее беспристрастие в вопросах устройства беженской жизни, в качестве комиссара Лиги Наций.

Достаточно пересмотреть софийские корреспонденции Таймса, исходившие от г. Коллинса, за время пребывания представительства РОКК в Болгарии и после его выбытия, чтобы убедиться, что угол зрения г. Коллинса на дело находится в полном соответствии со взглядами газеты, в которой он работает. До прямых наветов на д-ра Нансена дело у него, правда, не доходит. Однако, он систематически замалчивает всю организационную работу РОКК и содействие, оказанное последним репатриации беженцев,—содействие, без которого, согласно договору Нансена с Советским правительством, самая репатриация многих тысяч людей не могла бы совершиться,—замалчивает и факт отправки ряда пароходов из Варны в Россию и поступавшие, несомненно, в его распоряжение данные о благополучной высадке беженцев и дальнейшем устройстве их в России, несмотря на то, или, вернее, именно потому, что эти факты имели бесспорно весьма важное значение для оценки всего дела репатриации в неудобном для белых смысле.

В сообщении, посланном им в качестве представителя Лиги Наций и Верховного Комиссара д-ра Нансена 22 марта 1923 г. болгарскому телеграфному агентству, в котором излагались технические указания на порядок репатриации,—на роль, отведенную в этом деле «Союзу возвращения на родину», на порядок получения визы,—разрешения на в'езд в Россию и т. д.,—между прочим,

этот своеобразный «представитель» Лиги в то же время счел нужным указать, что Лига Наций не принимает на себя никакой ответственности за судьбу беженцев после их приезда в Россию. А так как при этом не раз'яснялось, что собственно г. Коллинс имеет при этом в виду,—то ли, что Лига Наций не берет на себя ответственность за материальное устройство беженцев на родине, чего, кстати сказать, никто и не мог ожидать, или то, что Лига не уверена в том, не подвергнутся ли вернувшиеся в Россию с надлежащего разрешения лица, несмотря на разрешение и амнистию, каким-либо преследованиям за предыдущий их образ действий во время гражданской войны («обещание неприкосновенности было советским обещанием»), то становится ясным, как могло и должно было быть использовано такое, несомненно, намеренно-двусмысленное заявление столь «близкого» к делу репатриации лица, как г. Коллинс, раз'яренной белогвардейской печатью.

«Двойной присягою играя», г. Коллинс не постеснялся в интервью, данном им сотруднику софийской «Новой России» 28 марта, сделать вид, что он сочувствует репатриации. «Вы спрашиваете, — говорил он (см. номер газеты от 30 марта 1923 г.),—в течение какого времени Лига Наций в лице доктора Нансена будет продолжать свое содействие репатриации русских беженцев из Болгарии? Срок длительности этого содействия у нас не установлен; но д-р Нансен неоднократно высказывал свое мнение в том смысле, что *помощь будет оказываться всем желающим репатрииро-ваться*» [1]). «На вопрос нашего сотрудника о том, известны ли ему жалобы возвращающихся на то, что некоторых из репатриантов расстреливают», читаем мы дальше, м-р Коллинс ответил: «У меня нет сведений от новороссийского представителя Лиги Наций, м-ра Симонетт, о том, как были встречены там и как устроились там прибывшие из Болгарии беженцы»...

---

[1]) Курсив наш.

Последствия этой, поразительной по своему цинизму, увертливости г. Коллинса не заставили себя долго ждать. Сначала поползли глухие слухи о жестоком обращении советских властей с вернувшимися беженцами [1]), а когда эти слухи разбились о письма возвратившихся в Россию и о доклады делегатов казачьего с'езда, вернувшихся из России, реакционная эмиграция признала необходимым поднять шум в зарубежной белогвардейской печати, дабы подорвать доверие беженской массы к делу репатриации. Для характеристики ее образа действий и дальнейшего поведения г. Коллинса мы приведем текстуально переписку между представителем РОКК в Болгарии и г. Коллинсом, воспроизведенную в № 82 газеты «Новая Россия» от 23 мая с. г.

Перевод с французского.

№ 591. 14 мая 1923 г.

Г-ну Коллинсу, представителю Лиги Наций в Болгарии.

Дорогой г-н Коллинс!

Я уже обращал Ваше внимание, в письме от 8 мая за № 573, на тот факт, что белая пресса старается поставить всевозможные препятствия репатриации беженцев, желающих возвратиться в Россию. С этой целью на ее страницах появляются разные небылицы.

Так в № 607 прилагаемой газеты «Новое Время» статья «Один из многих» старается установить:

1) Факт непринятия в Новороссийске беженцев в количестве нескольких сотен человек;

2) Факт возвращения этих нескольких сотен репатриантов в Варну.

Представительство Российского Общества Красного Креста в Болгарии не знает других фактов непринятия в Новороссийске и возвращения в Варну, кроме факта возвращения нескольких человек, уехавших нелегально, без разрешения Российского Красного Креста, и не бывших внесенными в списки репатриантов.

Все сотни и тысячи репатриантов, включенных в списки и уехавших при посредстве Лиги Наций, были приняты в Новороссийске, и ни один из них не был возвращен в Варну.

---

[1]) Сообщение г. Коллинса от 22 марта первоначально не было перепечатано ни в одной из болгарских и русских газет ни в самой Болгарии, ни вне ее.

Желая опубликовать сведения об отправке репатриантов, дабы положить предел нелепым слухам, циркулирующим среди беженцев, прошу Вас, дорогой Г-н Коллинс, не отказать в любезности подтвердить мне, что по Вашим сведениям, так же как и по сведениям Российского Красного Креста, возвращения в Варну нескольких сотен репатриантов не было.

Другая газета того же направления «Русь», издаваемая в Софии, в № 69 поместила заметку по поводу опубликованной Вами 22/III 1923 г., декларации, в которой говорится, что Лига Наций не принимает на себя никакой ответственности за судьбу беженцев после их приезда в Россию, якобы потому, что представительство Лиги Наций в Болгарии получило много жалоб на то, что многие из этих репатриантов были расстреляны.

Вследствие этого сообщения, я вынужден просить Вас не отказать в любезности сообщить мне, известны ли Вам случаи расстрела кого-либо из беженцев или нет и *по этой ли причине, о которой говорит газета «Русь», Вы опубликовали вышеупомянутую декларацию.*

Примите и т. д.

Зам. председателя Росс. Общества
Красного Креста в Болгарии *А. Корецкий.*

Г-ну Корецкому. Российский Красный Крест, 54 бульв. Христо Ботев, София. 18 мая 1923 года.

Дорогой г-н Корецкий.

В ответ на Ваше письмо за № 591 от 14 мая, я очень охотно подтверждаю, что никогда не слышал, чтобы какие-либо беженцы, кроме нескольких посланных по ошибке, которые были репатриированы в Россию при помощи Лиги Наций, возвратились в Болгарию.

В добавление, касательного *доказанности* [1]) расстрелов репатриированных беженцев, я могу подтвердить, что никогда ничего не слышал о том, кроме того, что я прочел в «Новом Времени» и в одной или двух других русских газетах. Так как я нахожусь в постоянном общении с г-ном Симонетт, представителем Лиги Наций в Новороссийске, я уверен, что он что-нибудь слышал бы, если бы какие-либо расстрелы имели место.

Искренно Ваш Коллинс, представитель Лиги Наций для русских беженцев в Болгарии.

Очевидно г. Коллинс «очень охотно», подтверждавший такие факты, которые он уж никак не мог отрицать,

---

[1]) Курсив наш.

столь же «охотно» уклонился от прямого ответа на вопрос о мотивах, побудивших его подчеркнуть в «своей «декларации», что Лига Наций не несет никакой ответственности и т. д., и внес в свой ответ на вопрос о расстрелах, характеризующий этого рыцаря печального образа намек, что он отрицает лишь «доказанность» расстрелов.

Недаром же представитель РОКК в Болгарии тов. Корешков в своем докладе от 2 декабря 1922 г. [1]) указывал еще тогда, что служащие в канцелярии г. Коллинса большей частью принадлежат к белым русским, и что, повидимому, из их среды распространяются слухи о расстреле 120 из 160 вернувшихся в Россию, о чем он поставил тогда же письмом от 30 октября в известность г. Коллинса...

Не менее характерно отношение г. Коллинса к насилиям, которым подвергались после переворота 9 июня как уполномоченные РОКК на местах, так и члены «Союза возвращения на родину»: доблестный представитель д-ра Нансена ограничился тем, что упомянул об этих безобразных фактах, вызвавших отлично известную ему переписку представителя РОКК тов. Корецкого с болгарским министерством иностранных дел и не менее известное ему обращение российских властей к д-ру Нансену и к Международному Комитету Красного Креста, лишь тогда, когда в Софии узнали об отозвании из Болгарии представительства РОКК, вызванном отношением болгарского правительства к этим событиям, и притом в такой форме, которая явно рассчитана на то, чтобы вызвать у читателя сомнение в действительности самых насилий и в соучастии болгарских властей в убийстве Шелепугина («Таймс» от 17 июля 1923 г.).

При таких условиях нечего удивляться отношению г. Коллинса к вторжению болгарской полиции в поме-

---

[1]) La Mission de la Croix Rouge Russe en Bulgarie et le repatriement des réfugiés russes, p. 29.

щение представительства РОКК в Софии, к аресту его членов с тов. Корецким во главе, к обыску и т. д.

Вот текст его телеграммы из Софии, посланной 21 июля, т.-е. в день ареста миссии (см. «Таймс» от 23 июля):

«Болгарские власти давно подозревали, что советская миссия Красного Креста, которая прибыла в Болгарию в конце прошлого года, для видимости занятая репатриацией беженцев, проводила интенсивную кампанию интриг и пропаганды. *Вчера были найдены документальные доказательства*, и правительство решило произвести обыск в помещении миссии и арестовать всех членов миссии в помещении последней впредь до заключения соглашения о высылке их обратно в Россию. *Болгарское правительство «действует в данном особо деликатном случае со всякой возможной осмотрительностью; зная, что представительства Красного Креста обычно пользуются неприкосновенностью дипломатического характера, оно чувствует себя вынужденным обеспечить интересы общества (?);* необходимо однако иметь в виду, что болгарское правительство искренно желает продолжения репатриации и *пригласило д-ра Нансена принять на себя дело, которое до сего времени исполнялось РОКК*» [1].

Посылая эту телеграмму, г. Коллинс отлично знал, что еще в начале июля он сам, на основании беседы с болгарским министром иностранных дел Калфовым, сообщил тов. Корецкому об обещании болгарского правительства обеспечить РОКК возможность беспрепятственного продолжения его деятельности по репатриации беженцев,—знал, ибо сам послал 15 июля (см. «Таймс» от 17 июля) телеграмму в Лондон о том, что представительство РОКК отзывается из Болгарии в виду невероятных условий работы, в которые оно было поставлено действиями болгарских властей,—и, тем не менее, у него хватило смелости говорить о том, что как раз после отозвания представительства и именно накануне ареста миссии (какие два счастливые совпадения!) у болгарского правительства оказались таинственные документальные доказательства такой деятельности представительства, которая заставила правительство, бес-

[1]) Курсив всюду наш.

конечно скорбя о нарушении прав Красного Креста на дипломатическую неприкосновенность, принять меры для спасения общества от коварных замыслов... отозванной из Болгарии миссии.

Мало того, в конце своей телеграммы г. Коллинс... увлекся настолько, что поместил в ней фразу об обращении болгарского правительства к д-ру Нансену, которая, очевидно, рассчитана на неосведомленность читателей «Таймса» и должна вызвать впечатление, что РОКК приняло на себя самую заботу о репатриации без ведома д-ра Нансена и помимо всякого соглашения с ним, так сказать, узурпируя его полномочия, и что только правительство июньского переворота восстановило законное положение вещей...

Если бы весь образ действий г. Коллинса нуждался еще в комментариях, то он позаботился сам дать их в телеграмме от 23 июля («Таймс» от 25 июля). Массовые аресты, которым подверглись в связи с арестом представительства РОКК члены «Союза возвращения на родину» и вообще русские беженцы, заявившие о своем желании вернуться в Россию, изображаются г. Коллинсом как аресты «русских коммунистов», действия против которых встретили общее одобрение в стране. «*Я узнал*, — говорится далее, — *что после ликвидации вопроса о русских, правительство решило предпринять аналогичные меры против болгарских коммунистов*. Признаком этого является уже сейчас арест в Плевне нескольких адвокатов-коммунистов, которые выступили защитниками некоторых коммунистов, обвиняемых в соучастии в заговоре, раскрытом там в течение июня. На самом деле следует думать, *что правительство решило уничтожить коммунизм в Болгарии* и было бы неудивительно, если бы члены коммунистической партии были поставлены *вне закона*, в каковом положении они находятся в Юго-Славии». В полном сочувствии г. Коллинса подобным планам правительства Цанкова, очевидно, не может быть сомнения, и что же удивительного в том, что у г. уполномоченного Лиги

Наций по делам о русских беженцах, ни на одно мгновение не явилась мысль о том, что он имеет не только право, но и *обязанность* озаботиться судьбой русских беженцев, из которых, по его же собственным словам в той же телеграмме, около 300 подверглись повальным обыскам, арестам и принудительной высылке из Болгарии за одно их желание вернуться на родину в порядке, установленном российскими властями по соглашению с Верховным Комиссаром Лиги Наций. Ясно, что болгарские власти, не поцеремонившиеся с миссией РОКК, не остановились бы перед судебным преследованием тех из русских, которым представлялась бы какая-нибудь возможность пред'явить обвинение в преступных действиях.

О том, что причиной высылки являлось действительно именно проявленное арестованными желание *вернуться*, при том вернуться с надлежащего разрешения советских властей, свидетельствовал и вопрос, который неизменно задавался арестованным, желают ли они в *самом деле* вернуться в Россию, при чем неизменно утвердительный ответ, видимо, неприятно удивлял опрашивавших беженцев болгар, очевидно, рассчитывавших на иные ответы, чем можно было бы воспользоваться против самого дела репатриации и «агитационной» работы РОКК. Обо всем этом г. Коллинсу не могло не быть неизвестно, а стало быть, ему должно было быть ясно, что арестовываются, обыскиваются, высылаются не преступники, а просто лица, желавшие вернуться в Россию с соблюдением законов своей страны, лица, которым он *обязан* оказать содействие, дабы предоставить им хотя бы возможность ликвидировать свои дела и, главное, обеспечить их от безобразных издевательств как болгарских властей, так и усердствовавших, в особенности в те дни, русских белогвардейцев, добровольных, а чаще платных агентов болгарской полиции. Само собою разумеется, что г. Коллинс и на этот раз никак не мог поверить даже самым бесспорным данным обо всех безобразиях тех дней и ни разу не удосу-

жился лично убедиться в условиях заключения арестованных русских «коммунистов», хотя бы тот или иной из них и сходил с ума в кошмарной атмосфере «осмотрительных действий» болгарского правительства в этом «особо деликатном случае»... Ведь «не поверил» же г. Коллинс и тому, что болгарские власти насильственно посадили на пароход «Игнатий Сергеев» и «Буг» целый ряд лиц, которые засвидетельствовали свое подчинение установившемуся в России строю и ее правительству, сразу тем, что рассовали в разных местах парохода прокламации пресловутого «блюстителя» Российского государства, Кирилла Романова...

Такова «помощь», оказанная г. Коллинсом, очевидно, весьма своеобразно истолковавшим полученные им от д-ра Нансена указания оказывать содействие «всем русским беженцам, желающим вернуться на родину».

Деятельность его отличается лишь большей лицемерностью, но отнюдь не истинной готовностью помочь русским беженцам выбраться на родину, чем та, которую проявил представитель Лиги Наций в Белграде г. Цвернер, еще в конце декабря 1922 г. отвечавший на обращенный к нему запрос, что «во всяком случае рассчитывать (в деле репатриации) на какую-либо помощь Лиги Наций не приходится», ибо «деятельность Лиги Наций преследует исключительно гуманитарные цели и не носит политического характера».

Подводя итоги, можно таким образом смело сказать, что кажущаяся победа западно-европейских сторонников репатриации русских беженцев, выразившаяся в избрании д-ра Нансена Верховным Комиссаром Лиги по делам русских беженцев, была практически сведена почти на-нет систематическим саботажем подчиненных д-ру Нансену местных представителей Лиги, покрывавших и поощрявших глухое и открытое сопротивление тех фашистских правительств, с которыми приходилось иметь дело беженцам. В лучшем случае дело ограничивалось со стороны тех и других теоретическим сочувствием идее репатриации, при чем отри-

цались все или почти все практические меры в этом направлении—ведь даже издание русской газеты для репатриантов уже рассматривалось как проявление преступной агитации—и как бы предполагалось, что репатриация может совершиться, не принимая видимых организованных форм.

Можно с уверенностью сказать, что те из русских, которым удалось-таки преодолеть все препятствия, чинимые им местными властями и такими «помощниками», как г. Коллинс, никогда не забудут, как с ними обращались и какую веру можно придавать заверениям Лиги Наций и разного рода реакционно-буржуазных правительств «демократической» Европы.

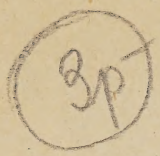
БИБЛИОТЕКА СТОЛОВОЙ С.Н.К.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Перелом в настроении беженства 3
II. Представительство РОКК в Болгарии 15
III. „Советизация“ беженства 37
IV. Эмиграция и беженство 53
V. Беженство в Сербии и Греции 66
VI. Пособничество „демократической“ Европы белому террору 84
VII. Буржуазный саботаж репатриации под покровом Лиги Наций 137

БИБЛИОТЕКА СТОЛОВОЙ Д.Н.К.



UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HI
0002154728 4